84(2Рос)
З-86

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЗОРИ САМОТЛОРА

Выпуск 5

НИЖНЕВАРТОВСК

2004

84(2Рос)
З-86

№3
2004

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – 60

BIS NIZHNEVARTOVSK
1893051060
Нижневартовское
МУ "БИС"
инв.№ 122251/2-2-КО

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ББК 84 (2 Рос-Рус)6

ПОСВЯЩАЕТСЯ 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Альманах издан на средства промышленных предприятий города.

Главный редактор М. К. Анисимкова

Редакционная коллегия:

Анисимкова М. К.
Акимов В. Ю.
Андреев В. П.
Кузьмина А. С.
Курач Н. Г.

Картины:
Курач Н. Г. - лауреата премии ХМАО «За развитие культуры малочисленных народов Севера»

- Анисимкова М., 2004 г
- ООО «ПолиграфИнвест-сервис», 2004
- Литературное объединение «Замысел»
- Курач Н.

2004

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

№3
2004

Зори Самотлора

ГОРОДСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗАМЫСЕЛ»

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям. М Анисимкова 4

ПОЭЗИЯ

Валерий Акимов 45
Владимир Андреев 55
Александра Дарьина 87
Валентин Овсянников-Заярский 91
Юрий Вэлла 116
Татьяна Джарты 125
Светлана Лихая 126
Людмила Данилова 128
Галина Кузнецова 130
Василий Зозуля 132
Борис Романов 135
Павел Плюхин 137
Хусейн Эллах 139

ПРОЗА

Богдан Ткачев — Глава из романа «Эпоха Вырождения» 6
Маргарита Анисимкова — Дровокол Гоша *рассказ* 67
Мария Вагатова — Сценки из медвежьих игрищ 101
Альбина Кузьмина — Борька-остяк *рассказ* 106

ПУБЛИЦИСТИКА

Владислав Кулемзин — Ханты: «из истории знакомства» 94
Альбина Кошкарева — Язык сибирских пословиц и поговорок 140
Марина Новикова — Неактуальность прекрасного, или как понимать современное искусство 146

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА:

Николай Курач 149

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ:

Библиография 154

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

АНИСИМКОВА Маргарита Кузьминична – Член Союза писателей СССР, Заслуженный работник культуры РФ, Заслуженный деятель культуры ХМАО, Почетный гражданин города Нижневартовска.

Сборник «Зори Самотлора» № 3 впервые выходит как литературно-художественный альманах. В предыдущих номерах он предоставлял свои страницы стихам нижневартовских поэтов и работам художников города, стихам детей под названием «Маленькая муза» и городским бардам, талантам национальных диаспор города. Теперь пришло время, когда создателями его стали не только поэты и прозаики, но работники науки и культуры, молодежных организаций, все те, кто искренне озабочен духовно-нравственным состоянием общества, судьбой подрастающего поколения, для кого небезразлична судьба нашего города и всего Югорского края.

Издание альманаха стало необходимым итогом всевозрастающего интереса людей, занимающихся литературным творчеством.

В нынешнем году справило свой десятилетний юбилей литературное объединение «Замысел» при центральной городской библиотеке, который был и остается главной базой роста творческих личностей и который постоянно нуждается в опеке городских властей.

Каждый творческий человек – это своеобразный мир. Он имеет свое восприятие и представление об окружающем его мире, свою оценку происходящим событиям, по-своему отображает увиденное и прочувствованное, доносит до другого человека свое состояние души. Все это найдет отражение в альманахе, неизменным требованием которого остаются талант и глубокое почтение к великому русскому языку.

Авторами альманаха могут быть как профессиональные писатели и поэты, так и начинающие авторы. Мы готовы публиковать произведения разных жанров (эссе, очерки, драматургию, статьи просветительского направления – особенно молодежной тематики). В альманахе также будут печататься отчеты о значимых событиях литературной жизни города (встречи, конференции, семинары, памятные даты писателей).

Перед альманахом ставится задача – всесторонне отображать нашу духовную жизнь, рассказывать о знаменитых людях, которые творят и строят, чтобы наши далекие потомки знали, каким было наше время.

Мы приглашаем к сотрудничеству ученых, архивных и музейных работников, чтобы они знакомили читателей с уникальными документами истории края, с первопроходцами нефтяных месторождений. Особое внимание будет уделено интересным работам, рассказывающим о жизни, быте и проблемах коренного населения. В альманахе найдется место и литературно-критическим статьям и рецензиям, посвященным произведениям местных литераторов.

Как всегда в литературное объединение «Замысел» широко распахнуты двери для желающих приобщиться к культурной жизни города Нижневартовска.

ПРОЗА

Ткачев Богдан Юрьевич родился 8 июня 1967 года в г. Красноярске. В Нижневартовске живет с 1975 года. После школы служил в рядах Советской армии. Работал в НГДУ «Черногорнефть», в УТТ № 2. Пишет давно. С 1998 года печатал свои произведения в журналах «Мир Севера», «Эрентур», в газете «Литературная Россия».

В 2000 году вышла отдельной книгой повесть «И аз воздам »

С 2003 года член Союза писателей России.

Глава из нового романа
«Эпоха Вырождения»

ВШИ В ОКОПАХ
(год 1917-й)

1.

Радостное июньское солнышко лукавым апельсином зависло в безумно-голубом небе. Ехидно щурясь от собственной яркости, снисходительно-цинично поливало животворными потоками света обугленную, изрытую воронками твердь. Земля молчала, насупясь, изо всех сил, прикидываясь сонной и бесчувственной, и старательно не замечала приветливого светила. А оно, продолжая усмехаться, призывно вещало свысока, подобно вошедшему в раж социал-демократу: «Сколько можно воевать! Граждане солдаты! Выползайте из окопов, грейте косточки! Смотрите – всюду жизнь! Бросайте оружие и топайте домой! Пашите, сейте, косите! Дышите полной грудью, пойте песни! Плодитесь и размножайтесь!»

Из-за черных насыпей брустверов хмурыми кочанами торчали головы в фуражках. Настороженные глаза из-под козырьков вонзали стальные взгляды в противолежащие брустверы, откуда иногда ослепительно поблескивали стеклышки немецких биноклей. В уши назойливо лезли стрекот и жужжание ликующей природы, медовая трель жаворонка, из бездонной синевы издевающегося над двуногими недоумками. Вместе с этой трелью, с нежным ветерком, смешанным ароматом земли и цветов в утомленные тела вливалась томная дрема. Члены приятно цепенели, вжимаясь в мягкую насыпь; кочаны в фуражках расслабленно покачивались на шеях, изнемогая от желания уткнуться носом в чернозем. Стрельбы с той стороны давно уже не ждали, офицерский окрик был вполне позабыт вместе со стрельбой. И, конечно, можно было бы сладко вздремнуть, искренне плюнув на «Вторую Отечественную», если бы не мелкие шестилапые твари, неутомимо бороздящие кожу от пяток до макушки, будто призывая воинов не терять бдительности даже во сне.

Вши были похуже всех германцев и австрийцев, вместе взятых. Пожалуй, похуже даже своих офицеров времен старого режима. Подобно тому, как новобранцы постепенно привыкали и к фронту, и к опасности, и к казавшимся поначалу жутко неуютным окопам, - эти так же понемногу осваивали «хозяйскую» поверхность; неустанно умножаясь, наглели все более, и в конце концов начинали бродить по складкам одежды, как буржуи по бульвару. Живя с человеком, они вместе с ним ходили в атаки, вместе страдали от жары и мороза, вместе с ним ненавидели слякоть и воду в траншеях. Заодно с кровью вши впитывали, казалось, все эмоции человека, его раздражение, его злость, его беспокойство, тоску и отчаяние. Вроде бы не наделенные ничем, кроме бессмысленных инстинктов, крохотные паразиты со временем становились чем-то очень похожими на того, кто их носил и невольно кормил собою. И даже инстинкты в них развивались и укоренялись лишь те, что были свойственны «хозяину», несвойственные же ему присутствовали исподволь, постольку-поскольку, проявляясь весьма изредка и постепенно угасая. Подобно солдатам, насекомые научились терпеть лишения и перепады температуры. Подражая служивым во время артобстрела , шустро прятались кто куда, когда санитары или сами «хозяева» устраивали прожарку белья либо очередную интенсивную лов-

лю кровососов. Вместе с людьми учились презирать смерть, ежечасно грозящую с любой стороны и в самый неподходящий момент, даже во время приема пищи. За годы окопной жизни одичавшие и рассвирепевшие до крайности, они ничего уже не боялись и вгрызались в «хозяев» самозабвенно, пьянея от крови и совершенно не труся попасть под удар тяжкой длани. Несчастные «кормильцы» поперворсти воевали против людоедов с энтузиазмом, затем порыв неизменно ослабевал, и итог сходил на нет – когда «хозяин», наконец, начинал понимать всю бесполезность борьбы. Он, конечно, сам по себе был несравнимо сильнее и умнее любого из насекомых, даже далеко не одного. Но против всех был бессилен. Слишком много их было. Очень уж много…

- Привет, ребята! – Сладкую дрему нарушил знакомый по митингам бодрый голос. – Не загнили еще в окопах?

Солдаты, оборачиваясь, усмехались. Кивали головами, сползали с бруствера. Крепко пожимали упругую ладонь подошедшего. Их однополчанин, член солдатского Комитета, с погонами старшего унтер-офицера (фельдфебеля), сдержанно улыбался, здоровался со всеми, постреливая по сторонам острыми серыми глазами.

- Здорово, Лапшин, - скалились с бруствера. – Гнием помаленьку.

- Может, чего слыхать насчет того… долго еще тут томиться?

- Ух ты! Утомился! – осклабился Лапшин. – Давно в атаки не ходил? Соскучился?

- Да не так чтобы очень…

- Ничего, скоро повеселишься. Через недельку – другую ожидается наступление. - Лапшин исподлобья окинул опешивших сослуживцев испытующим взглядом, зловеще довесил: - Никому скучно не будет.

- Эй, Лапшин, - поперхнувшись, кашлянул бородатый солдат с бруствера. – Ты, верно, пошутил это?..

- Я член Комитета, - парировал старший унтер. – Мне шутить по должности не полагается.

Служивые приуныли. Завздыхали, с тоскою озирая звенящие шмелями окрестности. Почти все в сердцах плевали в окоп; разом зашуршали кисеты.

- Ах, господи, - заныл бородатый. – Лето настало, солнышко

светит, всякая тварь спешит спариться, а тут на тебе – опять беги брюхом на штык, будто медведь на рогатину!..

- Им в штабах твоего брюха не жалко! – поддержали сбоку. – Господа генералы с февраля орденов не получали!

- Это верно. Как же генералам – без орденов!

- Им ордена слаще довольствия!..

Голос с робкой надеждой:

- На нашем участке будет наступление?

- На всех. Все фронты разом двинут – и Румынский, и Северный, и Западный. Ну, а наш Юго-Западный, как всегда, впереди всех.

- Алексей Васильич, - съехал на заду в окоп бородатый с кисетом в руках. – У тебя, гляжу, бумаги полно – дай на пару цигарок. А я тебя табачком отблагодарю.

- Это не курево, - отказал Лапшин. Цигарки можешь из Брусиловских приказов заворачивать. А это, брат, бумажка знатная. Поценнее любой ассигнации.

Пехотинцы мигом обступили фельдфебеля, любопытно заглядывали через плечо. В руках Лапшина поблескивало свежей краской десятка три больших листов с жирным заглавием поверху: «Декларация прав солдата».

- Держите. – Лапшин сунул ближайшему бойцу половину кипы. – Раздайте по роте. Прочитайте, вечером обсудим, спросите, что неясно… Немцы молчат?

- Молчат. Им, видать, тоже стрельба не в радость.

- Над ихними окопами тоже жаворонки поют…

- А чего ж сидите? – сощурился Лапшин. – Чем друг на друга через прицел пялиться, вылезли бы на нейтральную территорию да поговорили по душам. Может, и не стали бы они в вас палить, когда до наступления дело дойдет.

- Отчего ж не стали бы? – ухмыльнулся бородатый. – Три года палили, а нынче вдруг передумают?

- Зачем им в тебя стрелять? – нахмурился Лапшин. – Рядовому немцу с тобой делить нечего. Ему война за три года не меньше твоего осточертела.

- Так-то оно так. Да ведь у них офицеры…

- И у нас офицеры!

- У нас – дело другое. У нас – революция.

- Вот и объяснил бы немцу про нашу революцию! Так и сказал бы: «Ганс! Тебя твои офицеры по морде лупят?» - «Как же, лупят, конечно.» - «А мы своих сами чуть что – и по сопатке!» Глядишь, Ганс тебе и позавидовал бы, да свою революцию устроил. И не было бы тогда ни наступления, ни штыка в брюхо, ни вообще всей проклятой войны. На Западном фронте давно наши с германцами братаются, в гости друг к другу ходят, немцы их шнапсом да пивом угощают…

Солдаты засмеялись. Бородатый, однако, уверенно закрутил головой:

- Не будет у немца революции. Никогда не будет.

- Чем же он хуже тебя, борода?

- Может, не хуже. Только немец – не наш брат. Немец – он дисциплинированный, порядок дюже уважает. Ему начальство прикажет – он в родную мать пульнет, даром что пролетарий!

- Вылез бы за бруствер да проверил!

- Нет уж, Алексей Васильич, мне покуда жить не наскучило. Коли хочешь – сам проверь!

Лапшин в ответ усмехнулся, отдал оставшиеся листы одному из солдат и полез на бруствер. Вскарабкавшись на гребень насыпи, встал во весь рост, засунув руки в карманы, цепким оком обозревая позиции противника.

- Эй, фельдфебель, сядь, - лениво посоветовали снизу. – Немец, конечно, свой в доску, да вдруг издалека не разглядит, что ты ему брат родной!

В окопе заржали. Продолжая стоять неподвижно на виду неприятеля, Лапшин рассудительно объяснял:

- Немцу сегодня первым стрелять не резон. Им сейчас похуже нашего приходится. Со всех сторон их одолевают, вся Европа навалилась. Германцам мир нужен, как воздух, иначе им хана. – И обернувшись к своим, спросил: - Так не хотите идти в наступление?

Выжидательно глядя снизу вверх, служивые молча покрутили головами.

- От вас зависит, - подвел Лапшин. Присев на корточки, обратился к совсем молодому солдатику с рыжим пушком на губе: - Нука, герой, сними гимнастерку.

Тот выпучил глаза:

- Чего это?

- Давай шустрей! Нательная рубаха твоя нужна.

- Своя есть! – вздыбился юнец.

- Мне нельзя раздеваться, - покуда вежливо пояснил Лапшин. – Я при полном параде быть обязан как парламентер. Давай по-хорошему.

- А не то в морду дашь, господин фельдфебель? – вовсе ощетинился солдатик. – Так ты гляди – старый режим кончился!..

- В морду – это офицеры любили – при старом режиме. А я тебе, сынок, не офицер, а член полкового солдатского Комитета, - ласково, но как-то очень нехорошо сказал Лапшин. – Офицеров ты по нынешним временам можешь не слушаться, а меня – как члена Комитета – будешь. Иначе я не в морду те двину, а девять граммов всажу между бровей – за контрреволюцию.

Под стальным взглядом серых глаз солдатик невольно шагнул назад, оступился и едва не упал. Беспомощно глянув на ухмыляющихся сослуживцев, деревянными пальцами стал расстегивать гимнастерку. Кое-как раздевшись, бросил нательную рубаху старшему унтеру. Тот поймал рубаху, поднял над головою наподобие белого флага и, на ходу извлекая из-за пазухи новые листы с «Декларацией», спустился вниз по брустверу.

Солдаты облепили насыпь. По линии окопов полетели, перекликаясь, тревожные голоса. Через минуту вся укрепленная линия заколыхалась головами в фуражках. Сотни глаз напряженно следили, как медленно, стараясь сохранять достоинство, фельдфебель Лапшин двигался по нейтральной полосе в сторону вражеских позиций.

Бруствер с противной стороны заблистал, ощетинился островерхими касками. Германцы внимательно наблюдали за одиночкой, переговариваясь между собою. В нескольких местах ярко вспыхнули стекла биноклей.

Дойдя до середины пространства между позициями, Лапшин остановился и настойчиво помахал рубахой. Почти тотчас навстречу ему спустились двое немецких солдат и офицер. С минуту пытались общаться, больше жестами. Затем офицер что-то приказал; один из солдат бегом направился к своим окопам. Вскоре немецкий бруствер

потемнел от вылезающих на него солдат. Германцы демонстративно клали винтовки на гребень насыпи и осторожно, вытянув в стороны пустые руки, несмело спускались вниз. Лапшин обернулся к своим и призывно замахал рубахой.

Русские пехотинцы загалдели, напряженно – восторженно перекликаясь, пересвистываясь. Самые лихие один за другим полезли на вершину насыпи. Два или три офицера беспомощно метались в траншеях, призывая подчиненных остановиться, хватая ползущих наверх за полы гимнастерок; угрожать оружием ни один из командиров не решился. Их отпихивали, огрызались, чаще попросту игнорировали, зато вовсю орали друг другу:

- Эй, Кузьма, пойдем, что ль?!

- Айда, к х .. м эту войну!

- А не надуют германцы? Может, у них у каждого в кармане по бомбе!

- Тебе не все одно, где подыхать?!

- Винтовку-то, винтовку оставь!..

Сперва единицы, затем кучки, потом уже лавина людей в защитного цвета форме потекла вниз с насыпи. Темно-зеленая масса на середине нейтральной полосы слилась с серой. Обе смешались, закружились в нелепом вихре, проникая глубже одна в другую. И над изъязвленным смертоносным металлом поле разом грянуло восторженным взрывом:

- Ур-р-р-ра-а-ааа!!!

Кайзеровские офицеры, вставшие во весь рост над окопами, молча созерцали происходящее, напоминая неживых оловянных солдатиков. И только в бинокль можно было разглядеть на их мраморных лицах с острыми усиками-стрелками «а-ля Вильгельм» выражение долгожданного удовлетворения.

Русские офицеры подобных чувств не испытывали. Некоторые мрачно озирали ликующий на поле людской водоворот, дрожащими пальцами разминая папиросы, и желваки яростно вздувались на их выбритых скулах. Другие, не в силах вынести позорное зрелище, падали на дно траншеи и сидели там, скрючившись, закрыв ладонями уши. Большинство же, молоденькие, недавно призванные взамен выбитых прежде, трогательно разинув рты, вопрошали, казалось, себя и друг друга:

«Господа! Армия творит что хочет. Солдаты теперь – власть, власть над собою и нами. Судьба войны и Родины целиком в их руках. Так объясните: на кой черт мы, офицеры, вообще здесь нужны?!»

Ехидное солнышко, свысока взирая на братающуюся внизу безумно-счастливую толпу, поначалу победно улыбалось. Потом задумалось, насупилось и, густо покраснев, спряталось за тучку.

2.

Андрей Владимирович Нечаев месяц назад отметил свое тридцатилетие. Это был представительный мужчина со спокойными задумчивыми глазами и высоким благородным лбом, своей тяжестью, казалось, заставлявшим резко очерченные брови постоянно хмуриться. До августа четырнадцатого года он служил инженером на одном из московских заводов. В первые недели войны, движимый патриотическими побуждениями, поступил на военную службу вольноопределяющимся. Как имеющий высшее образование, был направлен в Московскую офицерскую школу, откуда, спустя четыре месяца, вышел в чине прапорщика инфантерии и попал на Юго-Западный фронт.

В офицерской среде Андрей Владимирович пользовался большим авторитетом, и одновременно был не очень любим. Вернее, не то чтобы нелюбим, просто ни с кем из сослуживцев он за годы фронтовой жизни не смог – а скорее, и не пытался – сблизиться настолько, чтобы можно было назвать это дружбой. Заслуженно уважая Нечаева за светлый ум, храбрость и безупречные нравственные качества, офицеры, тем не менее, относились к нему несколько настороженно, иногда даже отчужденно. Причин тому имелось несколько. Во-первых, недоумение вызывала демонстративная независимость его взглядов. Он не испытывал священного трепета ни перед чем, включая Бога, царя и Отечество, и быстро достал боевых соратников язвительной критикой всех существующих общественных устоев (за что получил прозвище «Чаадаева 11-1 армии»). Кроме того, игнорируя самые основы субординации, Нечаев мог запросто демонстрировать уважение к рядовому, и открыто презирать носителя самого высокого чина, - словом, критерии его не имели ничего общего с общепринятыми нормами армейской иерархии. В-вторых, сослуживцы попросту завидовали его фантастическому везению. Великая война ненасытным моло-

хом пожирала офицеров. Из тех, кто начинал ее с первых дней, лишь единицы оставались в строю к дню сегодняшнему, и те после многочисленных ранений. Нечаев же за два с половиной года вдоль и поперек измесил снега и грязь Буковины и Галиции, излазал вместе с постоянно обновляющимся полком Карпаты, за безумные атаки во время Брусиловского прорыва получил Георгиевский крест – и чудесно обошелся без единой царапины, благополучно дослужившись к лету 1917 года до звания капитана. Наконец, в-третьих – и, пожалуй, это было самое главное, Нечаева никто ни в чем не мог упрекнуть. То есть за всеми водились какие-нибудь грешки, вполне простительные в боевых условиях: кто-то держал папиросы в серебряном портсигаре, отобранном у пленного австрийца; кто-то ежедневно гонял рядового в полковой лазарет за спиртом «от бессонницы»; кто-то в напряженной обстановке никак не мог расслабиться, покуда не разобьет паре солдат бородатые физиономии; кто-то просто любил баб, и при том совершенно не интересовался, отвечают ли они ему взаимностью. Этот же Нечаев был безгрешен, аки апостол, и ничего-то подобного за ним не замечали, - в общем, белая ворона. А за такое ведь нигде не жалуют…

Сегодня ротный командир Нечаев, задержавшись до позднего вечера в полковом штабе, привычно сунулся было проверить посты. Но, увидев на бруствере группу своих солдат, старательно обучающих русским песням такую же группу германских стрелков, насупился и свернул в сторону офицерской землянки. Когда проходил мимо поющих, немцы браво вытянулись и отдали честь; свои же только засмеялись.

Пригнувшись, капитан вошел в землянку. Подчиненные офицеры, сидящие кто на полатях, кто вокруг стола с керосиновой лампой, торопливо застегиваясь, вскочили во фрунт. Изрядно пьяный командир первого взвода поручик Романцев, единственный, будучи в головном уборе, вскинул, было пальцы к козырьку, однако тут же передумал и разочарованно развел руками:

- Здравия желаю гражданин капитан!.. А честь сегодня – увы – отдавать не принято. Уж простите, ради бога…

- Перестаньте паясничать, Романцев, - одернул один из взводных. Поручик обернулся на голос и недоуменно выпятил губу:

- А что? У нас теперь с-с-свобода! Хочу – отдаю честь, не хочу – не отдаю. Хочу – служу Отечеству, не хочу – с немцами ш-шнапс пью…

Не глянув на Романцева, Андрей Владимирович снял фуражку и бросил на стол, накрыв лежащий там лист с «Декларацией прав солдата». Присев на свободную табуретку, достал папиросу, закурил и, вздохнув, сказал прямо по-гоголевски:

- Господа, я должен вам сообщить пренеприятное известие.

- Ба! Неужели – ревизор?! – воскликнул, выпучив глаза, Романцев.

- Поручик, заткнитесь, наконец, и сядьте! – раздраженно рыкнули сразу два голоса. Романцев брезгливо покосился через плечо, фыркнул, но сел.

- Нашего начдива снимают с должности, - известил Нечаев. – Сегодня из Ставки поступил приказ.

- Вот так фокус! – изумились офицеры. – Перед самым наступлением!

- Чем же им наш генерал не потрафил?

- В приказе сказано: «за недостаточную демократичность».

Переваривая фразу, оглушенные офицеры с минуту сидели молча. Потом с одного лица на другое начала переползать растерянная усмешка.

- Ну и формулировочки пошли!..

- «Недостаточная демократичность» - это как понимать?

- Понимайте проще – нелояльность к Временному правительству и хаосу в целом, - пояснил Нечаев.

- Господин капитан, скажите, пожалуйста: за чьей подписью приказ?

- За подписью нынешнего военного министра – Керенского. Заверено Брусиловым.

- Вот вам и душка-Керенский! – разом загалдели офицеры. – А все Гучков с Алексеевым были плохи!

- Ваш Гучков тоже из этих… Все они одним миром мазаны!

- Не судите огульно, прапорщик! Гучков с Алексеевым потому и ушли в отставку, что отказались подписывать вот это! – (Кивок на выглядывающую из-под фуражки Нечаева «Декларацию».) – А вот господин Брусилов, которым вы столь восхищались…

- Да уж, Брусилов... Кто бы мог подумать...

- Господин капитан, в штабе не сказали, кто станет преемником начдива?

- Пока неизвестно.

- И когда станет, тоже неизвестно?

Нечаев лишь пожал плечами.

Офицеры подавленно умолкли. В наступившей тишине звучно щелкали ломающиеся спички – поручик Романцев тщетно пытался прикурить. Отчаявшись, в сердцах бросил коробку, следом папиросу и зарычал, подобно бенгальскому тигру:

- Р-рвань! Солдатня! Суконные рыла!.. Хамы! Хамы правят Россией!.. Дожили. Государственные преступники, бандиты заседают в правительстве... Доблестные полководцы, героические военачальники лижут им задницы... Рядовые запросто смещают командиров... В восьмой армии комиссар правительства – террорист Савинков! Убийца, атаман боевиков! Висельник! И славный Корнилов обсуждает с ним свои распоряжения... Все, господа, из такого дерьма страна уже не выберется. Нам выпала честь присутствовать на похоронах великой державы.

Определенно рассчитывая, что его кто-нибудь снова одернет, поручик повел вокруг кровавым оком. На сей раз, однако, никто ему не возразил. Обманутый в ожиданиях, тот разочарованно махнул рукою и полез в портсигар за новой папиросой.

- Не стоит отчаиваться, господа, - неожиданно подал голос подпоручик Фролов, двадцатилетний юноша с васильковыми глазами. – Солдаты сейчас попросту неспособны, отвечать за свои поступки. Они не ведают, что творят. Сегодня они непроизвольно сбрасывают то напряжение, что накопилось за долгую позиционную войну. Они неразумны, как дети, и это ничто иное, как результат недостаточного просвещения. Но потом они одумаются, потом очнутся и поймут все, и опять выступят вместе с нами против общего врага. Так не раз уже случалось в нашей истории; ведь русский человек по сути своей патриот – и эта черта в нем самая сильная. А времена бывали и похуже...

- Это когда же, хотелось бы узнать, бывали худшие времена? – почти трезвым голосом вопросил Романцев, с лютой ненавистью вонзив в оппонента дула своих зрачков.

- Наполеоновское нашествие, смута... Татары, наконец! Батый в свое время едва не истребил поголовно наше племя, и Русь на долгие десятилетия вовсе обезлюдела. Тогда вряд ли возможно было надеяться на возрождение какой-либо государственности. Но ведь возродились же, восстали из пепла, и восстали еще более могучими, чем были прежде...

От злости Романцев на время совсем протрезвел. Диким взором, прожигая подпоручика насквозь, едва сдерживаясь, он выдал довольно умно:

- Татары, подпоручик, убивали количественно. Тогда мы со временем могли, так сказать, восстановить поголовье. Нынешние же агитаторы – демократическая сволочь, комитетчики, а особенно большевики – убивают самую душу. Душа народа умирает – понимаете это вы, мальчишка?! Ведь эту потерю ничем не восполнить!

- Браво, поручик! – искренне удивился один из офицеров и под общий смех похлопал в ладоши.

Романцев, наверно, прямо здесь устроил бы правильную дуэль с обидчиком, однако в беседу вовремя врезался рассудительный Нечаев.

- При чем тут большевики! Если вы, поручик, настроены непременно отыскать виноватых, ищите глубже. В любом бунте, в любой революции виновны не те, кто ее совершает, - виновно всегда правление, доведшее свою страну до этой революции. Русский народ генетически чрезвычайно труслив перед властью, я бы сказал – раболепен. Так что нужно очень неплохо постараться, чтобы вызвать его к открытому бунту. Вот Николай Второй и старался – два десятка лет подряд. Как видим, усилия даром не пропали. Предупреждению в пятом году государь не внял. Чего же следовало ожидать? А большевики... Большевики явились, когда стали востребованы. Они ведь есть везде и всегда, в любое время и в любой стране. Просто до поры они сидят тихо и терпеливо ждут своего часа. Так всегда в театре политической истории: злодей появляется на сцене, если его позовут; он никогда не выходит лишь по своей воле.

- Полагаете, у нас будет, как во Франции? – улыбнулся васильковоглазый Фролов. – Конвент, якобинцы, гильотина?..

- Полагаю, у нас может быть хуже. Насколько я помню, во Фран-

ции действующая армия на протяжении всей революции сохраняла и дисциплину, и боеспособность. Да и темных инстинктов у наших людишек наверняка поболее.

- Повторяю, господа: русские люди, к несчастью, весьма необразованны! Они не злые, просто глупые…

- Глупость – худший из пороков! – убежденно возразил Нечаев. – Все общественные беды происходят оттого, что люди в большинстве своем очень не любят думать – просто думать – и не помнят уроков прошлого. Злых от рождения не столь много, потому зло само по себе не представляло бы опасности для общества, если бы ограничилось числом своих носителей. Но оно всегда ловко манипулирует глупостью – и возглавляет ее. И вот тогда многомиллионная Глупость превращается в многомиллионное Зло.

- И опять же от недостатка просвещения! – ликующе подытожил Фролов. – Детям ведь тоже иногда хочется пошалить: подстрелить воробья из рогатки, сломать дорогую игрушку, разбить окно. Но спустя некоторое время до ребенка доходит, что он неправ, и ему неизбежно становится стыдно… Вот помянете мое слово, господа: братание с германцами продлится не более трех дней…

- Три дня!! – взревел поручик Романцев, и челюсть его задергалась, как у кошки перед смертоносным прыжком. – Вы рехнулись, видимо, уважаемый?! За три дня ваши добрые солдатики кишки из нас выпустят!.. А-а, вам-то опасаться нечего; вы, подпоручик, перед Комитетом скатертью стелетесь. Солдаты вас за отца родного держат: то вы им папиросы раздаете пачками, то о жизни по душам разговариваете, о севе, жатве, покосе… о яровых, озимых…агроном вы наш с философским уклоном! И все выслушиваете часами, как они вам на жисть жалуются, и все киваете им, киваете… а они все жалуются!..

- Тихо! – хлопнув ладонью по столу, прикрикнул Нечаев. – Успокойтесь, поручик! Недоставало еще нам между собой передраться… Если не можете беседовать спокойно, давайте сменим тему. Например, обсудим предстоящее наступление.

- Какое там наступление! – заговорили офицеры, безнадежно махая руками. – Сами видите, что творится…

- Приказ выйдет – придется наступать.

- Да это запросто, хоть прямо сейчас! Немцы сегодня в свои окопы приглашали. Отужинать за здоровье кайзера.

- Нет, господин капитан, об этом и рассуждать смешно... Да и куда с таким войском соваться!..

- Ничего, пусть только приказ объявят. Может, хоть бои отрезвят солдат...

- Отрезвят – если будут удачные. А если наоборот... последствия даже представить невозможно...

- У нас, как-никак, двойной перевес на фронте...

- Воюют, как известно, не числом. У германцев по-прежнему регулярная армия, а у нас – орда!..

- Возможно, новый начдив сумеет навести порядок?..

- Хотелось бы надеяться...

- Ах, если бы это было реально! Порядок ведь не здесь надо наводить, а в Питере...

Как-то разом замолчали. Одновременно достали папиросы и хором закурили. Сквозь сизые волны едкого дыма, опасливо косясь на Романцева, подпоручик Фролов все же повторил:

- Они одумаются. Побузят денек – другой и одумаются. Вот увидите...

3.

Пророчество Фролова не спешило сбыться. Солдатики бузили и три дня, и четыре, и по всему, занятие это им ничуть не наскучило. Целыми днями, растелешившись, доблестные воины грели на солнышке заскорузлые тела, исходящие нудной чесоткой; на нейтральной территории вовсю кипел веселый балаган – обстоятельные немцы нашли для общения с противником хорошего переводчика, и агитировать против кайзера нашим стрелкам сразу стало гораздо удобнее. Германские офицеры тоже понемногу подходили к братающимся. Правда, антикайзеровскую пропаганду они переваривали с трудом, зато искренне недоумевали, почему с ними не желают пообщаться в неофициальной обстановке русские офицеры. И выходило так, что свои офицеры гораздо хуже германских.

- Гнушаются они нашим братом, - поясняли солдаты через переводчика. – Гордые шибко, не в пример вам. Один только из них нами, сирыми, не брезгует – подпоручик Фролов. Да вон он, с вашим ефрейтором обнимается!..

Фролов продолжал углублять свою демократическую политику. Целыми днями вертелся среди «братальщиков», настырно втираясь в доверие. Когда рядовые вовсе перестали обращаться к нему по званию и начали запросто именовать по фамилии, гордости русского офицера не было предела. Дошло до того, что в позыве революционного рвения он обратился к Лапшину и, густо пунцовея, смущенно улыбаясь, предложил ввести самого себя в полковой Комитет. Оказавшиеся поблизости солдаты бурно поддержали кандидатуру, и Лапшину пришлось пообещать, что подумает.

Прочие полковые офицеры, сознавая собственную ничтожность, круглосуточно сидели в землянках, стыдясь показываться наружу. Играли в карты, спали и по очереди читали все, что подвернется под руку. Даже в лазарет к сестричкам бегать перестали, опасаясь навлечь гнев подчиненных на своих непритязательных любовниц.

На пятый день анархии из штаба дивизии прискакал курьер с известием о скором прибытии нового начдива. Командир полка собрал офицеров и потухшим голосом приказал – нет, попросил – должным образом приготовиться к встрече.

Оказалось, не зря. То ли дьявол, то ли Господь Бог надоумил нового начдива заявиться перво–наперво на участок именно их стрелкового полка. Когда автомобиль с трехцветным флажком на капоте с веселым фырканьем подлетел к полковому штабу, офицеры в полном составе (исключая увлеченно «братающегося» Фролова) построились перед штабным блиндажом.

Маленький, седой генерал от инфантерии приехал в сопровождении двух пулеметчиков с ручным пулеметом и адъютанта, теснившихся впритирку на заднем сиденье «мотора». Грузно вывалившись на землю, начдив подошел к встречающим. Шофер заглушил двигатель, и до блиндажа тут же долетели несвязные вопли с поля, где происходило братание с врагом. Офицеры разом опустили глаза. Командир полка побледнел, смешался и, потупясь, забыл по доклад.

Генерал склонил голову набок, некоторое время послушал, потом грустно, понимающе поглядел на сгорающих со стыда офицеров и тихо, по-отечески, спросил:

- Что у вас там?

Комполка хотел было ответить, но опять опустил глаза и не произнес ни слова. Лицо его исказилось мученической гримасой. Казалось, стоит генералу на миг отвернуться – и полковник тотчас застрелится.

- Братаются? – так же спокойно уточнил начдив. Затем, не дожидаясь реакции, обернулся к адъютанту: - Что ж, пойдемте посмотрим.

И пошел в сторону линии траншей. Адъютант и оба пулеметчика со своим оружием, как тени, двинулись следом.

Командир полка угрюмо поглядел им в спину и тоже пошел. Остальные офицеры в траурном молчании потянулись вослед, подобно похоронной процессии.

Взобравшись на бруствер, генерал заложил руки за спину и молча уставился на бушующий на поле серо-зеленый водоворот. Вскоре из толпы его заметили. Десятки рук вытянулись в его сторону, тыча пальцами, как в диковинного зверя. В далее произошло совсем неожиданное.

Разглядев, кто приехал, германские офицеры густо высыпали на свой бруствер. По общей команде встали смирно и отдали честь высокому русскому чину. Затем один из старших по званию, кайзеровский офицер с ярко сверкающим моноклем, коротко взмахнув рукой, отдал распоряжение. В мгновение ока из смешанной толпы вынырнуло три десятка солдат германского полкового оркестра. Вооружившись трубами и литаврами, они построились ровно на середине нейтральной полосы и бодро, с воодушевлением сыграли туш в честь вновь прибывшего.

Тут даже непробиваемый начдив опешил. Расцепив сомкнутые за спиной руки и нелепо растопырив их в стороны, генерал потерянно вопросил:

- Чт… что это?..

Ища ответа, он беспомощно обернулся к толпящимся подле офицерам. Полковой комсостав дружно спрятал глаза.

- Что это? – повторил генерал, вновь повернувшись к солдатской массе. – Это - измена?!

Масса с любопытством глазела на большого начальника и ждала его реакции. Над разделяющим позиции полем повисло напряженное молчание.

Сделав шаг вперед, начдив набрал полную грудь воздуха, покраснел от натуги и визгливо прокричал:

- Солдаты! Воины матери – России! Сорок два года отдал я служению Отечеству. Штурмуя Плевну, защищая Порт – Артур, мог ли я помыслить, что когда-нибудь стану очевидцем подобного позора?

Могло ли прийти мне в голову, что мои боевые соратники, русские воины, поправ собственные славные знамена, наплевав на светлую память павших своих товарищей, станут обниматься с тевтонами, будто с родными братьями?.. Великая Россия, посылая детей своих на боле брани, ожидает от вас подвигов и готовится по заслугам чествовать героев. Ваши матери, ваши жены и дети надеются на вас, гордятся вами, ждут вас домой с победой. Если бы они сейчас смогли вас увидеть...

Долгой речи не получилось: толпа яростно рванула негодующим криком. В страшном, иерихонском реве невозможно было различить ни единой фразы; лишь иногда из общего цельного вопля резко проклевывались модные ныне словечки: «кровососы», «империялисты», «милитарищики» и тому подобное. Какой-то особо горластый стрелок (наверняка один из ротных запевал) умудрился, однако, переорать всех. До бруствера отчетливо долетело:

- ...Пердун толстопузый!.. шапка каракулева!!

Толстым начдив не выглядел, скорее плотным. Но было очевидно, что оскорбление предназначалось именно ему. Тотчас осознав всю бесполезность увещеваний, бравый генерал мгновенно решил сменить тактику. Скептически нахмурясь, ядовито изогнув губы, он бросил через плечо неотлучным пулеметчикам:

- Приготовься!

Двое служак с бесстрастными лицами немедленно опустились на колени и установили пулемет на гребне насыпи. Оперативно вставив ленту, залегли за ним в полной боевой готовности. Офицеры, с испугом переглянувшись, непроизвольно попятились, извлекая из кобур револьверы.

- Готовы? – уточнил генерал. – Поверх голов... очередью... пли!

Пулемет злобно зарокотал, веером рассыпая пули над уровнем германских укреплений. Немецкие офицеры шустро скатились в окоп. Безоружная толпа внизу, панически заревев, расслоилась надвое, и каждая половина галопом ринулась в свою сторону. Некоторые солдаты, заблудившись, добегали до чужих позиций, затем, сориентировавшись, стремглав неслись обратно. Через несколько минут над опустевшим полем нависла кладбищенская тишина. Противная насыпь густо ощетинилась горизонтальным частоколом винтовок.

Вздохнув, начдив неспеша спустился с бруствера, при помощи адъютанта и командира полка спрыгнул в окоп. Одернув мундир, устало обратился к обступившим его офицерам:

- Наступление ожидается на днях... Точного числа покуда назвать не могу. План скорректирован с союзниками, будем атаковать одновременно со всех сторон. Германию решено раздавить одним мощным натиском. Что касается Австро-Венгрии, то она уже не являет из себя сколько-нибудь серьезной силы. В общем, есть основания надеяться, что это будет последнее наступление в Великой войне... Удар будет нанесен всеми четырьмя фронтами: Северным, Западным, Румынским, Юго-Западным. Наша Одиннадцатая армия и соседняя Седьмая – на направлении главного удара. Что касается прочего... Солдатам по подразделениям объявить: завтра ожидается приезд представителя Временного правительства. Все вопросы – кого что интересует – можно будет задать непосредственно ему. Далее: извольте на ваших позициях поставить надежных людей с пулеметами, рассредоточив вдоль линии окопов... лучше – офицеров или стоящих унтер-офицеров... чтобы пресекать любые попытки самовольного общения с неприятелем. Если кто сунется без приказа на нейтральную территорию – немедленно открывать огонь на поражение! Вопросы имеются?

- Никак нет, ваше высокопревосходительство! – восторженно глядя в глаза лихому начальству, громыхнул командир полка.

- Титулование отменено, - бесцветно напомнил начдив. – Просто – «господин генерал».

- Так точно!

Генерал потоптался на месте – видимо, хотел произнести что-то напутственное, - но передумал, сдержанно попрощался с подчиненными и направился к автомобилю во главе своей малочисленной свиты.

Когда все вчетвером уже угнездились на сиденьях, а шофер, крутанув ручку стартера, завел мотор, начдив жестом подозвал полковника и дал толковый совет:

- Вот еще что, голубчик... Прикажите тем, кто будет у вас за пулеметами, где-нибудь через каждые четверть часа выпускать очередь по укреплениям неприятеля. Не бойтесь спровоцировать ответный огонь – это даже желательно. И вовсе было бы замечательно, если бы вам удалось свалить десяток-другой германцев. Может, тогда хоть немцы вспомнят, в чем состоит их воинский долг и зачем они в этих окопах...

4.

Совет генерала оказался на удивление полезным. Офицеры и самые надежные из солдат, сменяя друг друга, начали нести дежурство у пулеметов. Через небольшие промежутки времени они усердно поливали немецкие позиции длинными очередями. Немцы долго крепились, потом, не выдержав, стали отвечать огнем. После того, как несколько пуль с той и другой стороны удачно достигли цели, и в лазареты понесли первых раненых, между линиями окопов возникла оживленная перестрелка. Таким образом, на данном участке фронта вновь воцарилась нормальная боевая обстановка.

На следующий день около двух часов пополудни в расположение полка, действительно, явился посланец от правительства. Молодой, с короткой стрижкой и в военизированном френче «под Керенского», он сразу потребовал соорудить ему трибуну повыше, развесил над ней большую карту Европы и объявил Комитету о созыве на митинг.

Пришли послушать столичного гостя и офицеры. Поначалу скептически кривясь в ожидании привычного потока эсеровской демагогии, они, однако, вскоре попали под обаяние безусого оратора. Приезжий в своем деле оказался докой. За двадцать минут речи он умудрился увлечь самых отчаянных горлопанов, и те внимали ему, затаив дыхание. Говорил он четко, ясно, умно, логично, и даже лозунгами пользовался к месту с искусством виртуоза.

- Взгляните на карту, - вращал он указкой, словно заправский генштабист. – Обессилевшая Германия и совершенно выдохшаяся Австро-Венгрия отовсюду окружены кольцом фронтов. Долго им в такой блокаде не продержаться, просто немыслимо. Один хороший удар единовременно со всех сторон – и с кайзеровским империализмом будет покончено на века. Европа наконец вздохнет спокойно, и уставшие от нескончаемых войн народы получат возможность жить мирно, не опасаясь повторения нынешних кошмаров.

- На кой черт нам Европа! – надрывался из толпы яростный Лапшин. - Пускай себе и Германия, и Австрия живут, как им вздумается, у нас своих дел хватает! Долой войну!!

Солдаты по привычке поддержали буйного комитетчика дружным бессмысленным гулом. Поразительно трезвый поручик Романцев склонился к уху Нечаева:

- Послушайте, капитан. Вы видели, как наш начдив усмирил всю эту сволочь одной пулеметной очередью. Давайте обратимся к полковнику с предложением, пока серые шинелки не опомнились, арестовать разом весь Комитет!

- Не выйдет, поручик, - качнул головой Нечаев. – Вы же знаете – согласно «Приказу №1» солдатские комитеты наделены правом смещения неугодных офицеров. Комитет законодательно поставлен над командованием. При первой же подобной попытке рядовые нас просто на штыки насадят – а вас в первую очередь: именно вы до недавнего времени были большой любитель рукоприкладства, не так ли?

Романцев недовольно нахмурился:

- Мы не тыловая часть – «Приказ» Петросовета на нас не распространяется.

- Формально, поручик, только формально. Кого сейчас урезонишь юридическими тонкостями... Давайте уж довольствоваться тем, что имеем. По крайней мере, на нашем фронте солдаты худо-бедно, но все же воюют. По нынешним меркам это весьма немало. А вот на Северном и Западном комитеты ввели сезонные отпуска для рядовых – на время сева и уборки урожая. А также проводят самовольную демобилизацию старших возрастов. Это вам как?..

- ...Вот несознательный гражданин спрашивает, зачем нужна война и какое нам дело до Европы и Германии. Объясняю специально для фельдфебеля, - продолжал меж тем оратор, и его указка опять полетела вокруг континента. – По договору с союзниками, после общей победы над блоком Центральных держав России отойдут проливы между Черным и Средиземным морями – Босфор и Дарданеллы. Помимо того, что Константинополь – славный Царьград – наконец перестанет быть исламской столицей и станет частью нашего Отечества, мы приобретем выход в Средиземноморье, и на юге Европы будет безраздельно господствовать наш флот – конкурентов ему там нет. Далее: после разгрома империи кайзера Вильгельма Второго мощный германский флот исчезнет как явление. Таким образом, и в Балтийском море, и в Северном – до самого Ла-Манша – владыкою станет русский Андреевский флаг. Взгляните – мы окружим Европу, возьмем ее в клещи, и ей, старушке, волей-неволей придется впредь плясать под русскую дудку. Отсюда установится мировая гегемония России, и

ни к кому на всем Земном шаре не будут тогда относиться с таким уважением, как к нашему свободному гражданину!

Обалдевшие слушатели, отвесив челюсти, затаили дыхание. Однако и тут изнывающий в великой досаде Лапшин постарался испортить впечатление, не позволив сослуживцам в полной мере насладиться радужной перспективой.

- Врешь, контра! – взвился он и, подскочив на месте, начал карабкаться на плечи ближайших однополчан, вопя во всю глотку и брызгая слюной. – Товарищи!.. Не слушайте его, товарищи! Нам с вами не нужна гегемония России! Мы хотим, чтобы и русские, и австрийские, и немецкие рабочие и крестьяне жили свободно, владели своей землей и работали на себя, а не на эксплуататоров! Они наши братья, они такие же, как мы, и уважать в мире должны всех трудящихся, не только россиян!.. Товарищи! То, что говорит здесь этот краснобай с указкой, есть самая махровая контрреволюция!!

- Верно!.. – невпопад подхватил из толпы одинокий голос. Остальные сдержанно загудели, недоуменно косясь на Лапшина. При всей своей революционности солдаты не могли взять в толк, что собственно, тот имеет против гегемонии России.

И еще один комитетчик, больше из желания поддержать своего, выкрикнул с места:

- Пущай сам Керенский приедет и объяснит про наступление! Тогда поверим. что это не контрреволюция!

- Александр Федорович сейчас поехал на Западный фронт, - невозмутимо отвечал оратор. – А теперь – что касается контрреволюции. Как всем вам известно, три с половиной месяца назад народ России вместе с вами, солдатами, восстал и смел с трона прогнившую династию царей-деспотов. Таким образом, наше Отечество вошло в семью передовых демократических государств. И с этого светлого момента закончилась война монархов между собою, чуждая и непонятная угнетенным народам. Началась новая война – великая революционная война свободных народов России, Великобритании, Франции, Соединенных Штатов Америки и… - (Увлекшись, оратор едва не бухнул «Японии», но вовремя спохватился.) - …и других демократических государств против отживших свое феодальных империй Германского блока. Весь мир сегодня с надеждой взирает на нас и вопрошает:

«Когда же великий русский народ сметет вслед за своим царем короны с венценосных голов Габсбургов и Гогенцоллернов? Когда храбрый русский солдат собьет оковы с порабощенных славянских племен и победоносно промарширует по улицам Берлина и Вены, Софии и Стамбула? Когда, наконец, свободный русский штык принесет революцию в сердце Европы?!»

- Дае-о-ошь!! – азартно завопили десятки ядреных глоток. Над зелеными фуражками возбужденно замаячили штыки.

Лапшин, было, сунулся к самой трибуне, но сразу и затерялся в хаотично колышущемся живом океане. Протестующий голос его жалко утонул в общем, ликующем крике.

- ...Мы сражались с врагом три года, - умело накалял страсти оратор. – Три года, истекая кровью, заживо гния в окопах, армия царского режима не могла одолеть войска европейских и азиатских монархов. Но теперь настал наш час! Пришло время показать всему миру, насколько революционная армия сильнее, мужественнее и несокрушимее армий всех царей и султанов, сколько их еще осталось! И предстоящее наступление докажет это, когда железные дивизии кайзера побегут от вас без оглядки, и последние европейские тирании рассыплются, как карточные домики!

Митинг взревел, потрясая оружием. В приливе необузданного восторга солдаты вскакивали с земли, размахивали фуражками и, казалось, готовы были прямо сейчас идти штурмовать вражеские укрепления. В нескольких местах в небо хлопнули винтовочные выстрелы. Трое наиболее проникшихся речью взобрались на трибуну и, довольно бесцеремонно ухватив оратора, сбросили на руки слушателям. Толпа поймала героя и, невзирая на сопротивление, начала качать.

Вопрос о наступлении был решен. Восхищенный Романцев с усилием проорал в ухо Нечаеву:

- А мальчишка молодец!.. Не хуже Керенского!.. Ишь как настроил этих с-скотов!.. Да я и сам, признаться, уши развесил!..

- Не спешите радоваться, поручик!.. – с надрывом отвечал капитан – так же в самое ухо. – Слишком легко стадо дает себя уговорить... Сегодня их убедил этот демагог, а завтра появится кто-то еще красноречивее... от тех же большевиков... и куда тогда кинется стадо – одному Богу известно!..

5.

18 июня командующий Юго-Западным фронтом генерал Гутор отдал приказ о наступлении. По позициям противника активно заработала артиллерия. Два дня по всей линии фронта снаряды, словно гигантским плугом, выворачивали пласты земли, дробя ее черное чрево, смешивая растерзанные куски материи и плоти с корнями и дерном. Стаканы шрапнели хлопушками разрывались над окопами австрийцев и германцев, осыпая приникших к земле людей горстями жгучих осколков. По линии укреплений вразброс валялись обломки столбов, вперемежку с телами запутавшись в колючей проволоке. По траншеям бессмысленными тенями бродили, метались и неподвижно сидели сотни обезумевших, контуженных и изувеченных. Казалось, после такой утюжки ни о какой обороне не может быть и речи.

Русские солдаты с восторженным ужасом взирали на бушующее величие Смерти, внутренне содрогаясь при каждом мощном залпе. Уверившись в том, что от противника наверняка не осталось живого места, сразу по окончании артподготовки бойцы с неслыханным энтузиазмом поднялись в одновременную атаку по всему фронту и с ходу ворвались в первую линию вражеских окопов. Легкий героизм придал бодрости и патриотизма; первая после революции победа готова была воскресить гаснущие надежды на успешное завершение войны. И когда командиры повели в следующую атаку, вчерашние бузотеры подчинились охотно и с готовностью.

Но внезапно выяснилось, что противник все еще жив, здоров и даже отчасти боеспособен. Оставив «революционным полкам» прежнюю линию обороны, немцы поспешно укрепились в полутора-двух километрах позади нее. Прежняя «армия старого режима» смела бы данный заслон без большого труда. Но бойцы свободной республики, видимо, были героями только на плакатах. Встреченные артиллерийским и пулеметным огнем, русские войска, будто споткнувшись, встали на месте, и по дивизиям, полкам и батальонам вновь начались бурные, бестолковые митинги – тоже по всему фронту. Повестка дня везде была одна: «Нас обманули и продали!» Кто обманул и продал, не обсуждалось – ответ был налицо: офицеры, кто же еще! Кому еще выгодно задушить революцию путем массового уничтожения ее верных защитников?!

Лишь 8-я, корниловская, армия – вспомогательная – сумела на 20 километров продвинуться вглубь вражеской территории и, захватив свыше 10 тысяч пленных и массу трофеев, овладела городами Калушом и Галичем. Так в последнем русском наступлении кратко сверкнул тусклый отблеск былой российской доблести.

На Западном фронте три недели ждали приезда Керенского, ни в какую не желая воевать без личного благословения популярного военного министра. Впрочем, когда тот благословил, из пятнадцати дивизий десять все равно отказались наступать. Северный фронт вообще идею наступления не поддержал, и лениво колыхнулся только к 8 июля. А Румынский надумал блеснуть запоздалой воинственностью лишь 9-го, когда соседний Юго-Западный уже крошился под стальным прессом германского контрудара…

Грандиозно задуманная операция провалилась, так толком и не начавшись. Парализованная недоумением огромная страна, трепеща, затаила дыхание. Самые несгибаемые оптимисты схватились за головы, воочию узрев разверзающуюся пропасть вселенской катастрофы.

На сей раз отчаяние охватило даже столичных господ демократов и иже с ними. На их глазах (и их стараниями!) всего за три месяца громадная, двенадцатимиллионная, армия окончательно превратилась в безрассудный, опасный и непредсказуемый вооруженный сброд.

…Когда из наспех вырытых окопов навстречу наступающему полку ударили пулеметы и винтовки, вся масса атакующих дружно прекратила орать «ура» и зелеными кочками залегла по полю. Офицеры тщетно метались между солдатами, отчаянно призывая подняться, и один за другим падали под прицельным огнем. Ничуть не реагируя на суетящееся начальство, бойцы революции неуклюжими черепахами разворачивались на земле головами на восток и, прытко вскочив, стремительно атаковали в обратном направлении. Оставшись под пулями в гордом одиночестве, уцелевшие командиры рот и взводов, сгорая от стыда, догоняли свои подразделения.

Когда расстояние до противника перестало быть смертельно опасным, путь ораве бегущих преградил командир полка. С распростертыми руками полковник грудью встал навстречу паническому стаду, срывающимся голосом взывая к чести подчиненных:

- Господа!.. Граждане солдаты!.. Погодите, прошу вас… Ребята, один бросок – и мы будем в окопах!.. За Отечество! За революцию!..

Но бойцы антилопами неслись мимо, не замедлив хода. По бледному лицу полковника, по перепачканным щекам грязными потоками текли слезы. Ухватив за рукав подвернувшегося беглеца, комполка уперся изо всех сил и остановил его.

- Братцы, куда же вы... Братцы...

Солдат выкатил на него дикие зенки, вмиг полыхнувшие лютой ненавистью, и заорал в плачущее лицо:

- Какие мы тебе «братцы», ты, белая кость! Вон твои братцы – следом ковыляют!... А ну, пусти! – И воин рванулся всем телом.

Однако полковник вцепился в гимнастерку мертвой хваткой. Дрожащие влагой глаза его умоляюще смотрели на рядового, живо напоминая икону скорбящей Богоматери. Командир вряд ли отдавал себе отчет в нелепости ситуации.

- Пусть вы меня не уважаете... пусть презираете, - увещевал он солдата. – Ведь вы не за меня воюете, а за Россию, за Отечество...

- Нам от твоей России только вши да мордобой!! – охотничьим рогом взревел стрелок. – Что мы окромя от нее видели?! Сам воюй, коли тебе надо!

Резко размахнувшись, он ударил командира в грудь костлявым кулаком. Скорее от неожиданности, нежели от удара, полковник потерял равновесие и сел, стиснув в пальцах оторванный лоскут чужого рукава. И так застыл без движения, мутными, стоячими зрачками отрешенно провожая спешащих мимо запыхавшихся однополчан.

Один из офицеров, замыкавших бегство, подскочил к командиру. Пряча глаза, взялся за его плечи:

- Господин полковник... ваше высокоблагородие, вставайте!... Здесь опасно, австрияки еще стреляют... Вы ранены?

Полковник с усилием поднялся. Обернувшись в сторону вражеских укреплений, уныло уперся в них немигающим взглядом. Офицер подобрал его слетевший головной убор, протянул командиру:

- Господин полковник...

- ...Шагов сто оставалось, - игнорируя его, грустно сказал комполка. – Всего-то сто шагов!..

- Господин полковник, наденьте фуражку!

Но командир рукою отстранил заботливого подчиненного и медленно, во весь рост, побрел к австрийским окопам. Тонкие пальцы на ходу расстегивали кобуру.

- Господин полковник! – испуганно закричал офицер. Протягивая вослед уходящему его фуражку, беспомощно оглянулся по сторонам. Рядом никого больше не было.

Полковник неспешно, будто прогуливаясь, продолжал удаляться на запад. Два или три свинцовых шмеля злобно бзыкнули рядом, еще пара тупо воткнулась в землю под его ногами. Затем пальба прекратилась: полагая, что русский командир идет сдаваться, австрийцы перестали стрелять. Однако, приблизившись к окопам метров на пятьдесят, полковник, не сбавляя шага, вытянул руку с револьвером и выпустил по врагу несколько пуль. Десятки винтовок одновременно дали нестройный залп, и много раз пронзенное тело комполка, взмахнув руками, как крыльями, плашмя шлепнулось наземь.

Издалека за гибелью своего командира спокойно наблюдали уставшие бежать солдаты. Офицеры, темнея лицами, в жуткой ярости на весь мир и самих себя, до крови кусали побелевшие губы. Рядовые же лишь усмехались и крутили пальцами у висков. Никто из них не устыдился; а если кто и устыдился, то очень скоро убедил себя, что стыдиться тут нечего: пузо, если пуля влетит, не заштопаешь – его беречь надо, а полковник – сам дурак! Белая кость – одно слово…

Разумеется, сразу возник митинг. Снова выступали ораторы, комитетчики и просто крикуны, опять грозно потрясали оружием слушатели. Идти в атаку более никто не желал, и отступать как будто не было оснований. Все, что сообща придумали, - это пожалели от души о том, что дали себя уговорить на наступление; а ведь так хорошо успели было побрататься с германцами!

Командование полком принял на себя начальник штаба – естественно, с одобрения Комитета. Несколько раз он запрашивал вышестоящее начальство о каких-либо распоряжениях. Из штаба дивизии наконец откликнулись: «Приказываем всеми силами продолжать и развивать наступление». На отчаянное донесение о невозможности выполнить данный приказ штаб ничего не ответил. Все, что смог сделать полковой начштаба в сей дикой ситуации, - это распорядился окопаться и занять оборону на той позиции, где стояли.

Две недели полк лениво окапывался и митинговал, митинговал до беспамятства. Правда, Комитет разок проявил свои способности,

организовав регулярные вылазки в близлежащие хутора за провиантом. Тем всякая разумная деятельность и ограничилась. Не получая достоверной информации о том, как обстоят дела на других участках, солдаты хмуро вслушивались в отдаленную канонаду и прикидывали, не слишком ли далеко они углубились на территорию противника. В конце концов, томясь неизвестностью, герои решили, что штабная контра их не только обманула, но и бросила.

А противник меж тем не дремал. Пользуясь длительной передышкой, которую им любезно предоставила революционная армия, немцы и австрийцы оперативно перегруппировывали пришедшие в себя части, подтягивали резервы, подводили артиллерию, подвозили боеприпасы. И, наконец, сконцентрировав на линии фронта достаточные силы, нанесли контрудар.

На рассвете 6 июля земля на занятых русскими позициях содрогнулась: германцы начали артподготовку. Теперь на нашей стороне снаряды рвали на куски людей и лошадей, пушинками подбрасывали вверх полевые кухни, обрушивали в траншеи брустверы. Никто не помышлял об обороне; никто не думал вообще ни о чем. Повинуясь одному властному инстинкту, разложившаяся, бесконечно митингующая орава бывших воинов бывшей великой России паническим гуртом бросилась наутек.

Не желая попусту расходовать снаряды, немцы прекратили артподготовку и густыми цепями пошли в атаку. Не встретив ни единого выстрела, достигли окопов и ввалились в них. Множество раненых, брошенных боевыми товарищами, в ужасе жалось к земляным стенкам, уползало прочь, стремясь забиться в любую щель, подальше от глаз. Молча, с каменными лицами, победители бродили по захваченным траншеям, добивая беспомощных врагов штыками и прикладами. Русские вытягивали ладони, хватались за штыки и клинки тесаков, цеплялись за сапоги, моля о пощаде.

- Братцы!.. Братцы… - раздавалось отчаянно в разных местах. Но немцы бесстрастно кололи и резали, логично считая, что взывать к их человечности нужно было раньше. Побежденные и поверженные германцем в братья определенно не годились.

Завершив расправу, стали собирать трофеи. Бежавший русский полк никто не преследовал. Кайзеровские командиры здраво рассуди-

ли, что не стоит слишком ожесточать бойцов революции – а то они, чего доброго, не захотят больше брататься…

Без одышки и устали бегущий полк покрыл два километра завоеванной территории, с ходу форсировал разоренные три недели назад артиллерией немецкие окопы первой линии и, путаясь в цепляющихся обрывках колючих заграждений, несколько сбавил ход. Очнулись аники только ввалившись в свои окопы. Вдруг обнаружив отсутствие преследования, устало прислонялись к опалубке траншей, плашмя падали на рыхлый бруствер; запыхавшись, перекликались, закуривали, жадно глотали из фляжек теплую воду. Ушедший страх сменялся неприятным конфузом, который намеренно перерабатывался в раздражение. Как всегда, бесхитростная солдатская душа требовала найти недруга, дабы свалить на него собственный стыд.

Бегущие продолжали прибывать. Несколько офицеров, достигнув окопа, встреченные отовсюду волчьими взглядами и злобным шипением, спешили избежать опасного соседства и поодиночке интуитивно направлялись в сторону блиндажа полкового штаба. Подбежавшие рядовые, шлепнувшись на дно окопа, будто сговорившись, произносили одну неизменную фразу:

- Ох, братцы, и страху натерпелся!..

У каждого третьего при себе не было винтовки. Полевой суд, как при старом режиме, за подобное не грозил, однако таковым было все же очень неловко, и их души требовали недруга настойчивее прочих.

Как и полагается достойному капитану, Нечаев подошел к своим окопам последним, замыкая отступление. Несколько взводных командиров уныло спускались с бруствера. Сбившись кучкой, настороженно взглядывая по сторонам, щелкали портсигарами, угощали друг друга папиросами. Отовсюду на них недобро смотрели угрюмо молчащие солдаты. Кто-то медленно, по-коровьи, жевал сочный стебель, попавшийся под руку; кто-то, расположившись в двух шагах от начальства, демонстративно перематывал портянки; иные просто натянуто ухмылялись – и все многообещающе пялились, безотрывно и не мигая.

- Господа, - приглушенно предложил подпоручик Фролов, вопреки своему обыкновению жмущийся к сослуживцам в чинах. – Мне

кажется, нужно идти к штаб-квартире. Офицеров, кроме нас, вокруг не видно – наверно, все уже там…

- Отставить, - негромко сказал Нечаев, ладонью стряхивая пот с лица. – Всех призываю вести себя спокойно и, самое главное, никуда не двигаться вот так вместе… если не желаете быть обвиненными в контрреволюционном заговоре.

Откуда-то со стороны вынырнул свирепый, как тигр, Романцев. Пробираясь вдоль стенки траншеи, он жестоко наступал на ноги сидящим рядовым и, невзирая на ропот и глухие угрозы, стремительно шел дальше, время от времени вскрикивая сквозь зубы:

- Х-хамы! С-с-скоты!.. В ярмо бы вас вместо быков… и кнутами по ребрам!..

Какой-то суетливый солдатик вывернулся ему навстречу и столкнулся лицом к лицу. Брезгливо сморщив нос, поручик ухватил пятернею его физиономию и пихнул так, что тот опрокинулся. Несколько рядовых, оказавшихся поблизости, переглянулись недоуменно и нехорошо.

Едва яростный Романцев приблизился к группе офицеров, опасливый Фролов вместо приветствия посоветовал:

- Вы бы, поручик, поосторожнее с солдатами! Умерьте пыл…

- Идите вы к черту, мать вашу! – рявкнул Романцев в ответ. Фролов понял и замолчал.

Рядом из траншеи выскочил комитетчик Лапшин. Тоном приказа бросил солдатам:

- А ну, зови всех сюда!

Призыв Лапшина, передаваясь от бойца к бойцу, эхом полетел по линии окопов. С разных сторон к нему потянулись стрелки. Через несколько минут вокруг фельдфебеля и офицеров собралось роты две или три пехотинцев.

Победно окинув однополчан орлиным взором, Лапшин язвительно спросил:

- Ну что, повоевали, герои? Сладко показалось?.. А вы, ваши благородия, чего здесь ошиваетесь? Почему не продолжаете наступление? Небось, своя шкура тоже подороже Отечества оказалась?! Ты что, поручик, зенками зыркаешь? Может, чего сказать хочешь?

- Не тебе, Иуда, рассуждать об Отечестве… - потемнев зрачками, проскрежетал Романцев. – Ты со своим Комитетом из боевого полка

сделал трусливую шайку. Такие, как ты, продали тевтонам и честь, и Россию…

Неподалеку наматывающий портянку солдат, будто поперхнувшись, судорожно сглотнул. Поспешно вонзив ступню в сапог, вскочил на ноги. Небритая рожа его вплотную уставилась на поручика стеклянными глазами:

- Красиво поешь, твое благородие! Три года мы твои песни слушаем – и про Отечество, и про Российскую империю, и про царя-батюшку… Только ты бы дамочкам в Питере такие песни пел, им оно любопытнее. Они ведь со скуки подыхают за книжками да пианинами, покуда мы тут за их интерес дерьмо месим! Тебе-то Отечество и погоны дало, и жалованье, и квартирку, небось, светлую с картинками по стенам. А мне дома, коли еще вернусь, опять на мироедов батрачить да по праздникам горькую жрать от жизни такой пропащей… Ты, падла, по два раза в год в отпуск ездишь, пиво с вином по ресторациям попиваешь, баб пробуешь – а я скоро три года как ни единой бабы не щупал, окромя вши! Так что, господин поручик, закрой-ка ты свое хлебало, да возьми мою трехлинеечку и ступай воевать за Отечество! А я плюну тебе вослед да пойду тихонько до родной деревни!..

Лоб и щеки Романцева пунцово вспыхнули. Кажется, совсем перестав себя контролировать, он истошно заорал в рыжую щетину рядового:

- Молчать!! Как смеешь ты мне указывать… тупая м-морда!!

Это уж было вовсе напрасно. Гневно загудев, солдатская масса вмиг уплотнилась, сдвинулась, обложив офицеров тесным кольцом. Еще одна бородатая рожа, полыхая глазищами, посунулась к командиру первого взвода:

- А вот про морду мы ужо с тобою потолкуем, поручик… Расскажи-ка, сокол наш, как ты по этой самой морде лупил холеными ручками… Гляди – с тех пор у меня губа заячья! Меня ж на селе девки засмеют… А я все мечтаю: как бы и тебе такую губу сделать – пущай питерские барыньки тоже повеселятся!

Пятерня с короткими пальцами едва не ухватила Романцева за грудки. Отпрянув, поручик истерично завизжал:

- Прочь руки, быдло!! – и тут же выдернул из кобуры револьвер.

- Поручик, вы что! – Вытаращив глаза, Фролов вцепился в руку Романцева. Тот с силой оттолкнул его, но выстрелить уже не успел – с разных сторон в поручика мертвой хваткой впились мозолистые пальцы; вырвав оружие, втянули в заклокотавшую гневом массу, будто в трясину. И сейчас же над окопами взвилось разбойным кличем:

- Бей офицерье! Круши гадов!!

Руки офицеров запоздало рванулись к кобурам. Плотное кольцо вокруг них по-питоньи сжалось, сомкнулось, во мгновение ока поглотив обреченных. Над хаотично колышущимися фуражками торопливо замелькали кулаки, штыки, приклады. Знойный воздух взорвался бешеным ревом сотен глоток, прореженными пронзительными воплями казнимых.

Лапшин ястребом кинулся к Нечаеву. Оторвал от него цепкие чужие пальцы, пинками и ударами оттолкнул обезумевших солдат. Закрыл ротного своим телом, растопырив руки, сверкая стальными зрачками.

- Стоять! – свирепо орал он в ставшие злобно-однообразными перекошенные рожи. – Назад, я сказал!.. Не трожь!.. Господин капитан, постановлением Комитета вы арестованы. Сдайте оружие…

Здоровенный детина с огромной бородою выдернул из суетливо копошащейся кучи однополчан изрядно помятого подпоручика Фролова. Зычно гаркнул:

- Охолоньте, ироды! Это ж свой – Фролов!..

Тяжелой ладонью он ободряюще похлопал подпоручика по плечу с оторванным погоном:

- Не трусь, подпоручик; ты нашего брата уважал, а мы тебя уважим. Ты, друг, наш с потрохами!

Фролов жалко улыбался и чуть слышно лопотал разбитыми губами:

- Спасибо… Благодарю вас, господа…

- Какие мы тебе господа! – азартно заорал какой-то молодой стрелок и с оттягом влепил подпоручику звонкую затрещину.

Бородатый загоготал. Фролов же только втянул голову в плечи, продолжая улыбаться жалко и потерянно.

Меж тем не дорвавшиеся в общей свалке до офицерских тел кинули новый клич:

- Мужики! Давай к штабу – все офицера там!

Орда ликующе взревела и яростной лавой хлынула по траншее и брустверу. Особо увлекшиеся покуда задержались, упоенно пронзая штыками растерзанные останки убитых. Многие кровожадно топтались вокруг едва спасенного Лапшиным Нечаева – живой офицер назойливо мозолил глаза.

Отстояв ротного, Лапшин вытянул из его кобуры револьвер, поискал кругом взглядом. Заметив рядом другого комитетчика, властно окликнул:

- Степанюк! Сюда!.. Эй, молодой! Давай тоже сюда!.. Где винтовка? Потерял, сукин сын! Держи!

Всунув стрелку в нечаевский револьвер, внушительно объяснил:

- Капитан Нечаев арестован и передается под ответственность Комитета. Вам приказываю отвести арестованного в офицерскую землянку и охранять до особого распоряжения. Никого к нему не допускать – кроме меня. Степанюк – ясно?.. И ты гляди: хоть волос с его головы упадет – я тебя лично в этой траншее похороню! – Для пущей убедительности грозный фельдфебель сунул кулак под нос молодому воину.

- Лапшин… - с трудом разлепив окровавленные губы, выдавил Нечаев. – Ступай за ними, спаси остальных! Лапшин, ты же можешь…

- Их теперь сам сатана не спасет! – с досадой возразил фельдфебель. – Лучше о себе бы побеспокоились… Эх, разгулялись ребятишки; поди останови, покуда сами не очнутся… Черт бы побрал вашего Романцева! Придурок, царство ему небесное…

И, выдернув из кармана галифе трофейный парабеллум, Лапшин бегом поспешил за мятежной оравой.

…По брустверу, по рвам траншей, поверху окопов, рыча и свистя, в свирепом нетерпении потрясая оружием, тек охваченный разрушительным экстазом людской поток. Ни в ком из обезумевших двуногих в эту минуту не было ни мыслей, ни чувств; одна жгущая изнутри, испепеляющая ярость, инстинктивная жажда убийства гнала однообразно-многоликую стаю к полковой штаб-квартире.

В сотнях глаз не светилось ни слабой искорки разума. Сейчас каждый из них, родившийся некогда человеком, стал сродни насекомому, не думающему, не рассуждающему – просто безотчетно стре-

мящемуся на запах крови. И в них, еще недавно в панике бегущих от презревшего их врага, теперь не было и тени страха. Всосанный толпою, превратившись в бездумную составляющую этой толпы, в стандартную частицу общего множества, каждый из них утратил и способность поступать по своей воле, и самое стремление к самосохранению. Потому сотни возбужденных особей бесстрашно спешили туда, куда увлекала стая, в тупой подсознательной убежденности: мы – масса, мы – народ, значит, мы – правы; нас – много, врагов наших – мало, значит, мы – неодолимы! И было их действительно много. Очень много…

Офицеры, скопившиеся возле штабного блиндажа, молча ожидали мятежников. Еще оставалось время, еще можно было спастись. Но, едва пережив унизительное бегство от противника, бежать от взбунтовавшихся солдат они никак не желали. Простившись, друг с другом, пожав руки близким сослуживцам, обнявшись с друзьями, офицеры согласно решили принять бой.

Когда ревущая орава, приблизившись, ринулась к блиндажу со штыками наперевес, и никаких сомнений в намерениях мятежников не осталось, офицеры, рассредоточившись вокруг штаб-квартиры, открыли огонь. Их револьверы годились разве для дуэлей, однако солдатская масса была столь плотной, что первые пули, так или иначе, достигли цели. Покуда толпа с удивленным воем рассыпалась по сторонам, залегала и прыгала в траншеи, несколько десятков нападающих было сражено наповал. Затем, конечно, по офицерам дружно забили трехлинейки; летящие осиным роем пули довольно скоро выклевали обороняющихся, и ликующая инфантерия со всех сторон пошла в атаку. Раздавив поверженных, вздевали их на штыки и долго с детским упоением носили над собою подобно хоругвям, потом скидывали в окоп. В незапертую дверь штабного блиндажа на всякий случай забросили несколько гранат.

Растрепав останки своих командиров, вдоволь поторжествовав и покуражась, понемногу начали приходить в себя. Когда совсем очнулись, испугались не на шутку. Чтобы сообща сообразить, что делать дальше, разумеется, собрались на митинг.

На митинге члены полкового Комитета пожурили воинов за анархию и необдуманность действий. Затем единодушно рассудили, что

виноваты в случившемся сами офицеры, ибо провокация была с их стороны и первым оружие пытался применить поручик Романцев. Выложив в ряд тела погибших у штаба товарищей, почтили молчанием павших за революцию, после чего устроили поспешные, но торжественные похороны с салютом. Трупы офицеров просто снесли в общую кучу подальше от позиций – чтоб не воняли под носом.

В разгар митинга всецело проникнутые духом демократии стрелки разгромили полковую канцелярию и дружно выкрасили свои кокарды красными чернилами, тем самым наглядно доказав приверженность республиканским идеалам. Наступление на трудящихся Германии и Австро-Венгрии постановили не возобновлять, однако на занятых рубежах стоять насмерть, до последнего издыхания защищая Родину и революцию от посягательств германского империализма. В заключение Комитет решил вопрос о командовании. Командиром полка – за неимением альтернативы – временно назначался подпоручик Фролов.

7.

Далеко за полночь старший унтер Лапшин подошел к офицерской землянке. Двое часовых, запрокинув головы, мелодично храпели у входа. У молодого солдата по подбородку на грудь вязко стекала счастливая слюна.

Лапшин пнул старшего по сапогу. Раскатисто всхрапнув, Степанюк вскинулся, цепко ухватив винтовку. Молодой, пробудившись за компанию, панически хватал пальцами воздух, покуда не вспомнил, что свою трехлинейку он посеял во время бегства от германцев.

- Как дела? – сумрачно осведомился Лапшин.

- Все нормально, - заверил Степанюк. – Никто не приближался. Арестованный сидит тихо.

- Арестованный твой удрал давно, - огорошил Лапшин. – Молись за него, что тебе собственный штык в пузо не засунул.

Степанюк вытаращил зенки, долго, разинув рот, не мигая пялился на фельдфебеля. Потом побледнел и с грохотом бросился в дверь землянки. Через минуту расслабленно вылез наружу, одной рукою держа фуражку, другой – с винтовкой – утирая пот со лба.

- Уф-ф… Здесь он, сидит, курит. Всю землянку насквозь продымил… Ну и шуточки у тебя, Алексей Васильевич!

- Шуточки? – злобно ухмыльнулся Лапшин. – Радуйся, что покуда не всерьез. Мало вас, дьяволов, командиры по мордам лупили – сильнее надо было!

Степанюк обиженно засопел. Его молодой напарник, вытянувшись, со взведенным нечаевским револьвером в руке, всем видом изображал бравого служаку.

- Оба свободны, - отпустил фельдфебель. – Дуйте спать… Эй, постой! – окликнул молодого. – Наган верни.

- Так… у меня ж винтовки нету…

- Найди, чтоб была.

- Где?

- Где хочешь! – гавкнул старший унтер. – Можешь к немецким позициям вернуться, там поискать!

Солдатик предпочел не развивать тему. Сунув револьвер в ладонь фельдфебелю, беззвучно канул во тьму.

Всердцах сплюнув, Лапшин шагнул в землянку. В окутавших офицерское жилище сизых табачных волнах сначала разглядел мутный огонь керосиновой лампы, и лишь после – неясный силуэт арестованного.

Капитан Нечаев, по-стариковски сгорбясь, сидел за столом, уронив голову на сложенные руки. Нехотя приподняв лицо навстречу вошедшему, натянуто спросил:

- Всех убили?

- Всех, - вздохнул Лапшин, присаживаясь напротив и сняв фуражку.

- Я последний, стало быть. На десерт оставили?

- Фролов еще… Он теперь за командира полка.

Нечаев презрительно хмыкнул. Крепкие зубы тускло блеснули в ядовитом оскале.

- Досыта натешились?

- Не мог я уже ничего сделать, - досадливо нахмурился комитетчик. – Офицеры стрелять начали. Тридцать двух наших насмерть повалили.

- Наших… - горько усмехнулся капитан. – Мы, стало быть, уже не ваши. Пока офицеры впереди солдат ходили в атаки, пока погибали первыми – все были свои… Вы ведь убиваете лучших, Лапшин. Три года офицеры телами своими устилали путь наступающим армиям. Три

года отходили последними, прикрывая вас собою. Самые честные, самые бесстрашные прежде прочих жертвовали жизнями. И сохранилось их – меньше малого. Теперь вы добиваете последних. С кем останетесь? С Фроловым?

- А зачем против рожна полезли! – огрызнулся комитетчик. – Революция, Андрей Владимирович, это стихия. Против такого потопа никакая плотина не устоит. Бунт – как паровоз: или отойди в сторону, когда он прет, или сдохнешь на рельсах! А они – стрелять…

- По-твоему, боевые офицеры должны были смиренно позволить себя растерзать?

- Да правда ваша!.. – махнул рукою Лапшин. – Разболтались ребята, спасу нет. Озверели вконец. Мы в Комитете сами в толк не возьмем, что теперь с ними делать. Хоть опять расстрелы вводи, как до революции. Ни командира, ни Комитета, ни самого Господа Бога – никакой власти над собою не признают…

- Это ты, Лапшин, их такими сделал. Ты и тебе подобные. Вы, господа комитетчики, господа революционеры, господа либералы – демократы – социалисты, разбудили в людях самые низкие инстинкты. Они убогие, глупые; они – стадо, и неспособны отвечать сами за себя. Какими им быть – зависит только от поводыря. От пастыря. Вы четыре месяца подряд и в столице, и в провинциях, на фронте, в тылу орали день и ночь, будто мы, «старорежимники», пасем плохо. Вы напросились в пастыри сами – вот и пасите, без нас! И не жалуйтесь, что стадо вас не слушается.

- Не мы разбудили низкие инстинкты, Андрей Владимирович, - уверенно возразил фельдфебель. – Война людишек вызверила. Долгая, кровавая война. Ненужная народу и непонятная.

- Послушай, Лапшин, - с укором сказал Нечаев. – Я ведь тебя не первый год знаю… Это солдатам ты можешь головы дурить подобной демагогией – она им как бальзам на язву. Но со мной-то мог бы хоть напоследок поговорить откровенно? Ты же грамотный. Очень грамотный и очень умный. Я видел, какие ты книги читал в окопах, покуда другие дрыхнули да маялись от безделья… А теперь сидишь тут и вещаешь лозунгами, как большевик какой-то!

Лапшин коротко засмеялся; немного смущенный, достал папиросу; долго, раздумывая, мял ее пальцами, рассыпая по столу крупинки табака. Наконец ответил:

- Ну, давайте начистоту. То, что вы меня большевиком назвали, - ерунда, конечно. Мне на все эти партии наплевать с высокой колокольни: толком себя покуда ни одна не проявила. А насчет пастыря – очень верно, и отрекаться не стану. Да, Андрей Владимирович, уж так судьбе было угодно, чтобы мы пришли вам на смену и взяли вожжи. И теперь я за этих солдатиков отвечаю, и теперь от меня зависит, куда они пойдут и куда придут. Уклоняться от ответственности я не желаю, да и права такого у меня нет.

- И куда думаешь вести? Куда вожжи потянешь?

- К лучшему, Андрей Владимирович, к лучшему! – вскинул брови Лапшин. – К свету, к добру и справедливости! Вы ведь поумнее меня будете и пообразованней, да и человек вы на редкость хороший. Потому удивляюсь я: на ваших глазах в крови и муках рождается новый мир, а вы не замечаете. Сама история меняет ход свой! Со времен Христа человечество мечтало о такой возможности, две тысячи лет молилось и ждало. И дождалось, наконец. А война тому весьма поспособствовала: не случись ее, так и прозябали бы людишки в вечной своей скотской дреме – поди добудись! Однако проснулись – от орудийных залпов, от грохота и взрывов проснулись. И людьми себя почувствовали, а не мурашками. Потому сейчас и бузят, и шалят от души, и горло надрывают, как новорожденные, - они новорожденные и есть. Теперь бы еще эту стихию направить в нужную колею, чтобы вместо убийств да разгрома полезным делом занялись! Удастся это нам – создадим такую Россию, такую Европу, что никакое Царство Христово с ней не сравнится. Не сумеем – грош нам цена!.. Что, господин капитан, опять скажете: Лапшин лозунгами заговорил? Я и рад бы по-другому, да как о столь высоких материях проще скажешь!

- Поток слов, - кивнул капитан. – Рассказал бы лучше, что за новый мир построить собираешься.

Лапшин обескуражено умолк; долго в раздумье хлопал глазами, потом честно признал:

- Не знаю… Пока не знаю. Но то, что построим, должно быть лучше, чем было до сих пор. Хуже-то все равно уже некуда.

- Стало быть, чтобы построить лучший мир, необходимо уничтожить лучших представителей человечества? – угрюмо подвел Нечаев.

- Не без того, - набычился фельдфебель. – Ни к чему, конечно… Только… Вы – господа – нашего брата веками давили. Теперь вот удивляетесь, как это я офицеров за наших не считаю, - будто открытие для себя сделали! Народ российский издревле делился надвое: всегда существовали нация хозяев и нация рабов, и никогда две эти нации едины не были. Правда, вы об общих корнях вспоминали время от времени – в годину нашествий. Тогда мы вам и «братцами» доводились, и соотечественниками, согражданами даже. Да только после победы опять становились холопами, скотинкой бессловесной. Сотнями лет вы нас на конюшнях секли, сквозь строй гоняли да по мордам били. Столетиями продавали друг другу и в карты проигрывали. Мы же только зубами скрипели – и ненавидели! Люто, упоенно, постоянно! Поколениями ненавидели, и ненависть эту передавали от отцов к детям. Злоба нынешняя не вчера в нас возникла, она в самой крови нашей, с материнским молоком всосанная. Испокон веку в душе народной волчье чувство копилось, а ныне вот прорвало разом… Чего ж вы хотели – придется вам, господа дворяне, волей-неволей расплачиваться сполна за тысячелетние грехи дедов ваших и прадедов! А спасибо за это скажите тем же прадедам…

- Столько праведной страсти, и все не по адресу! – пожал плечами Нечаев. – Я вас не давил, не унижал. И по морде никого не ударил за всю службу. И дед мой, Лапшин, тоже был крепостной графов Шереметевых, слыхал таких? Дворянство мое ко мне пришло вместе со вторым офицерским званием, как полагается.

Ты вот дослужился бы до подпоручика – тоже стал бы дворянином. Потомственных же аристократов в нашем полку я не знаю. А рукоприкладством из наших офицеров ни один не грешил… кроме, разве, поручика Романцева.

Лапшин промолчал. Закурив, покосился на полуоткрытую дверь: полоска неба в проеме тускло голубела.

- Светает. Летняя ночь короткая, - отвлечено отметил он и, вздохнув, сообщил: - Комитет принял решение отстранить вас от должности командира роты. И вообще исключить из списков личного состава полка… Уходите, пока солдаты спят.

Нечаев не удивился, лишь скривился, как от зубной боли:

- Бежать предлагаешь?.. Нет уж, Алексей Васильевич, не стану

я от смерти дезертировать. Не для того добровольно на фронт пошел. И, если помнишь, я ведь тоже офицер, как те… у штаба…

- А вас никто не убьет, не надейтесь, - угрюмо возразил Лапшин. – Просто если сейчас сами не уйдете, утром вас солдатики пинками погонят. – Он развел руками: - дело хозяйское!

Глянув из-под бровей на вспыхнувшего капитана, выложил перед ним отобранный накануне револьвер. Нечаев, помедлив, взял личное оружие; откинув, крутанул барабан.

- Надо же – и патроны на месте!.. Не боишься?

- Я, Андрей Владимирович, давно уже ничего не боюсь, - мрачно заверил фельдфебель. – Между прочим, у вас научился.

- Плохим я, видно, оказался учителем… - качнул головою капитан. – Совсем ни к черту! – и спрятал револьвер в кобуру.

… В сопровождении комитетчика, выйдя за линию постов, Нечаев напоследок оглянулся. На фиолетовом фоне гребнем доисторического ящера тянулся нескончаемый бруствер. Перед черным руслом окопов уютно пучились холмики блиндажей и землянок. Позади оставался год жизни – бесконечный год на одном месте, в одной землянке, в одной траншее – с самого окончания Брусиловского прорыва… Как прежде тоскливо мечтал он о том сказочном мгновении, когда наконец сможет покинуть эту опостылевшую позицию, чтобы никогда, никогда больше не видеть знакомого до тошноты, неизменно-монотонного пейзажа! И как же больно и стыдно, оказалось, уходить отсюда вот таким образом…

- Ступайте, Андрей Владимирович, сейчас солнце взойдет, - поторопил Лапшин. – Чего доброго, увидят вас, черти, и будут в спину свистеть!

Нечаев насупился. Обернувшись через плечо, коротко кивнул фельдфебелю и, более не оглядываясь, широко зашагал прочь.

ПОЭЗИЯ

Акимов Валерий Юрьевич родился 6 сентября 1949 года в городе Новомосковске Тульской области. Окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева.

С 1978 года живет в Нижневартовске, работает в ООО «Нижневартовское нефтеперерабатывающее объединение».

Автор нескольких поэтических сборников. Ветеран литературного объединения «Замысел».

ПАЛОМНИК

поэма

-1-

Паломники всегда приходят с миром,
Имея в душах пальмовую ветвь,
Не ради поклонения кумирам,
К себе влечёт не просто белый свет.
Желанье это в них неколебимо:
Им надо побывать в святых местах!
Бредут себе по миру пилигримы,
С молитвой неизменной на устах,
И взгляды их светлы от покаянья,
Проходят километры и года.
Живут они добром и подаяньем,
Им в помощь - Божий промысел всегда.
Вся жизнь их – над собою переможье
И с Богом бесконечный разговор.
Не в тягость непогода, бездорожье…
Готов за веру каждый на костёр.

Как повезло мне в жизни, Христа ради,
Лишь капле в океане бытия:
Церковным старостою был мой прадед,
Не заплутал в безверии и я.

-2-

Отыскав себя в нашем приходе,
Видно, в церковь привёл Божий глас.
И всегда активист по природе,
Отличиться сумел и сейчас.
По-сибирскому гостеприимству,
Не за золотом и серебром,
Пригласили в Тобольск. Пилигримство!
Ну, а так как дружу я с пером,
То могу описать откровенье.
Неспроста вдруг такой поворот:
На поездку дал благословенье
Настоятель Георгий. И вот,
Словно свет мне из буднего мрака,
И моя есть на небе звезда.
Устремляюсь в Тобольск не зевакой,
А паломником еду туда,
Хоть живу с ним почти по-соседству,
И всегда был и есть выездной.
Этим городом бредил я с детства,
С Менделеевым связан судьбой,
Там величье и смерть атамана,
Кремль парит над иртышской водой…
Поклонюсь я мощам Иоанна
И счастливым приеду домой!
Ветерок обдувает вагоны,
Занося к нам таёжный дурман.
А мы мчим всё вперёд к небосклону…
Кто же этот Святой Иоанн?

-3-

Слова о доброй памяти звучат,
С молвою растекаются всё шире
В честь жившего здесь триста лет назад
Святого Покровителя Сибири.

Тот век его бездушием не смял –
Идущему не страшно бездорожье.
Он в искушеньях смуты устоял,
Всем сердцем прославляя имя Божье.
И выбрал путь свой без мирских утех
Великий сын Руси и Украины,
Чтоб дальше жить с молитвою за всех,
Оставшись неподвластным властелинам.
Врагов своих в смирении прощал.
Не уставая думать о грядущем,
Упорно тьму незнанья просвещал,
Убогим помогал и неимущим.
Всегда в делах, с покоем на душе
Он превратил трудом священным в клире
Тобольский городок на Иртыше
В столицу православия Сибири.
И высоко пронёс церковный сан,
Народу делал праздники из буден
Заступник наш – Тобольский Иоанн.
И мы его вовеки не забудем!
Не зря спешим в Тобольск на торжество
И нас уже ничто не остановит.
Сильней роднит некровное родство
Друг к другу и волнует чувство нови.

-4-

*Н*е счастье ли, когда мечта сбывается!
Выстукивает сердце многоточия
И мне загоризонтье открывается,
И вот увидел я Тобольск воочию.
Так привлекали взор к себе строения
И не было в домах однообразия.
Гуляли, пробуждая вдохновение,
Все девушки – красавицы из Азии.
Задался день чудесною погодою,
Ни шороха пока, ни дуновения,
И наслаждалось облако свободою,
Остановив счастливые мгновения.
И золотилось небо бирюзовое

Над куполами солнечными бликами,
И было настроение особое,
И расцветали улицы улыбками
В честь нашего тобольского Святителя,
И благовест ему, и песнопение…
Заступнику и нашему Учителю
Мы воздаём на Празднике почтение.
Со всей Сибири съехались посланники
И краше мир от этого свидания.
И я теперь такой, как эти странники
И с ними одного того же звания.

-5-

Тобольский кремль зубчатою стеной
Мне передал привет из прастолетий.
Теперь он в яви тут передо мной
Раскинулся во всём великолепье..
Хотя ещё Софиевка в лесах,
Над нею благодатью свет струился.
С лицом от умиления в слезах
Зашёл туда, куда я так стремился.
На миг меня величьем ослепил,
Я воспылал надеждой несказанно,
Когда простым паломником ступил
В Покровский храм, где мощи Иоанна.
И там своей молитвою не вдруг
Я попросил его не по записке,
Чтобы помог он исцелить недуг
Той, что сейчас мне ближе самых близких.
Вымаливал здоровье не себе
Пред ракою коленопреклонённо.
И небо становилось голубей,
Казалась взгляду глубь его бездонной.
И благовест разлился, как ответ,
И неспроста душе моей запелось:
Милее стал и краше божий свет,
И жить ещё сильнее захотелось.
И я поставил к образу свечу,
И сердце так восторженно забилось,

И стали все невзгоды по плечу,
И будто солнце ярче засветилось.

-6-

За ракой в крестном ходе, как во сне я
Прошёл в Кремле, а небо всё яснее.
И был невдалеке совсем Владыка –
Рукой подать от мала до Велика!
Что я стою в Софиевском соборе.
Не осознал в паломницком задоре.
Таких соборов три ещё на свете.
Открылся этот мне в церковном свете.
Веками тут намоливали стены,
И лики образов глядят степенно.
И, хоть с икон в глаза Он смотрит строго,
Что я в Тобольске – промысел от Бога!
Не уж-то происходит всё со мною?
Но люди – слева, справа, за спиною
И, наконец, себя воспринимаю.
Словам с благоговением внимаю.
Звучит молитва, чудо сотворяя,
А я её тихонько повторяю.
Покойней на душе от покаянья.
И, хоть устал от долгого стоянья,
Вдруг ощутил в себе такую силу,
Когда услышал: Господи, помилуй!
А мне и со смиренной головою
Звон колокольный силу ту удвоил.
А благовест всё шире растекался.
И как-то незаметно день смеркался.
И в свете звёзд мы будем неустанно
В молитвах славить память Иоанна.

-7-

День, как перелистнутая страница,
Всего лишь раз успел я оскоромиться.
Не терпится с детинцем ознакомиться,
Хоть столько на ногах, а мне не спится.

Светает. Алый цвет, как на порфире.
Тобольск в туманной дымке поднимается,
Но без Кремля он не воспринимается.
Взмывает Кремль – жемчужина Сибири.
Не дремлют его башни в карауле.
Глядит со всех сторон сама история.
А в глубине. за лугом – консистория,
Напоминает мне пчелиный улей.
Рассвет назаглядение лучистый.
И снова служит Богу семинария.
Запоминаю, как на семинаре я
Смотрю во все глаза. Семинаристы
Чисты в стремленьях, с долею иною,
Они на Красной площади встречаются,
И в светском платье статью отличаются-
Походка с распрямлённою спиною.
В глазах - забота, лицами светлеют
И на челе у каждого – достоинство.
Все в чёрных кителях – Святое воинство,
Лишь подворотнички на них белеют.
Я видел, как сторонний наблюдатель:
Они не для того, чтобы тщеславиться.
И зря хотят красотки им понравиться –
В ребячьих душах царствует Создатель!
Уверен, радость не бывает серой!
И синь до горизонта простирается.
Благочестиво отроки стараются,
Страну упрочить православной верой.

-8-

*Н*е могу я усидеть.
Коль в Тобольск приехал,
Надо город оглядеть!
Возраст – не помеха.
В грусти старые дома ,
Прошлое жалея.
Набирался тут ума
Юный Менделеев.

Им гордится неспроста
Городок былинный.
Манят чудные места,
Не страшит путь длинный.
А дорога – не пряма,
Гонит по столетьям.
Тут и царская тюрьма,
И костёл с мечетью.
Неспроста мой взгляд горит:
В чудных красках лета
Всё в округе говорит
О коньке поэта.
Не по этим ли холмам
Он унёс Ивана
В сказке к царским теремам
В зипунишке рваном.
Голубеет не спеша
Лента иртышова.
Восхищается душа
Родиной Ершова.

-9-

*В*сё также, как и много раз,
Явила добрый нрав Сибирь,
Любовно от сглазливых глаз
Упрятав женский монастырь.
Его лелеют, как цветок,
Чтоб этот светоч не зачах.
И вот – старания итог
На хрупких сестринских плечах.
Они здесь дома, не в гостях.
А день июньский тёпл и тих
И небо, словно синий стяг,
Передо мной – одна из них.
Как целомудренна она!
Стяжанья нет, душой цветя,
Вся – в послушанье. Тишина
Ей для моления. Хотя
Ещё по-женски молода
И привлекательна на вид,

Но неулыбчива всегда
И без весёлости глядит.
Мир уместила в закуток,
Такую выбрала из норм:
Всё темно, длинно и платок,
Ни каблуков и ни платформ,
Закрытый ворот, рукава…
На ней и платье, как доспех.
Судьба черницы такова –
С губ не сорвётся громкий смех,
И будь то зной или мороз -
Решимость бледного лица…
Её жених – Иисус Христос
И ей идти с ним до конца.

-10-

*Н*а небе тучи. И жара
Сегодня спала. И с прохладой
Готов я снова в путь с утра
И побывать в скиту мне надо..
Так много в жизни повидал,
Свидетель страшных потрясений.
Не забывая вознесений,
С народом вместе он страдал,
Не избежав земных потерь.
Но Божья Матерь Абалака
Спасала всех тогда от мрака.
Она спасает и теперь.
Познав предательский навет,
Всё пережили эти стены.
И в прошлом - подлые измены.
В монастыре грядёт расцвет.
Мы у него всегда в долгу.
Он наш душевный утешитель..
И возрожденную обитель
Не посетить я не могу.
Был встречен солнечным дождём.
Там старина и новостройки.
Так будем, люди, верой стойки!
И в смуте мы не пропадём.

Ничто не делает Бог зря
И кровь людская не водица!
Должна Россия возродиться,
Как стены вкруг монастыря!
И будет вновь такой размах!
Не может это не случиться.
И мы сумеем отличиться.
Напрасно ль братия в мольбах?

-11-

А мне уже пора домой –
Какой роман без точек.
Но будет вечно жить со мной
Тобольский городочек.
И я в обиде на судьбу,
Что не бывал тут раньше.
И говорю не в похвальбу,
Без лести и без фальши:
Куда не взглянешь – экспонат!
Нельзя им не гордиться.
И манит древний аромат –
Ну, как не возвратиться!
Мир изменяется вокруг
И жить на свете любо.
Звон колокольный нежит слух,
Чуть слышно шепчут губы:
Когда ласкает солнце плоть
И в стужу ледяную,
Благодарю тебя, Господь,
За благодать земную!
Что путеводная звезда
Мне светит лучезарно,
Благодарю! Жаль, не всегда
Бываю благодарным.
За это, Господи, прости.
Как рад, что я - не лишний!
И легче будет мне в пути,
Когда прощён Всевышним.

-12-

(ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Паломничество – это не от скуки!
Проходит жизнь в дороге? Ну и пусть.
Перрон. Гудок. Всё чаще перестуки,
Ритмичностью навеивая грусть.
Как Вам в Тобольске? – Если бы спросили,
То я б ответил без отвода глаз:
Тоболяки, не вы ли соль России,
Но почему так горько мне сейчас?
Вначале вы меня очаровали.
Открыв красоты, взгляд мой веселя,
Но душу поразило от развалин,
Как будто здесь ничейная земля.
Наверное, тут не было сраженья,
Так взял его неумолимый враг…
И горше мне вдвойне от униженья,
И время превращает город в прах.
Так что с тобой, столица Православья?
Понатворили, Господи, прости!
Где храмов красота и величавье?
Осталось шесть от сорока шести.
Покровский и Христова Воскресенья,
Андрея Первозванного… И в них
Не будет никогда богослуженья,
Навеки колокольный звон утих.
И нет уже былого загляденья.
Стоит несокрушимый божий дом,
Как знамение и предупрежденье
Поникнувшим трёхвековым крестом.
Всей горечи не передать словами.
И Кремль уже не поднимает ввысь.
Глядит Тобольск руинными церквами.
И даже не пытается спастись.

Андреев Владимир Петрович родился в 1947 году в Татарии. Окончил Казанский государственный университет. Работал журналистом, нефтяником, избирался главой города Радужного. Автор книг «Стихи и максимы», «Максимы», «Песни квантовой кукушки», Стихи философского взгляда. Член Союза журналистов России.
Живет в Нижневартовске.

ДОРОГИ

... перекрещиваются на миг,
как взгляды влюбленных ;
расходятся ,
будто две сердитые соседки ;
гоняются ,
точно играют в пятнашки ;
сливаются ,
словно молоко из ведра в бидон ...

Дороги на любой вкус и длину .

... дороги ,
протяжные как песни о доле ,
с радостью и печалью вспаханного поля
у границы обочин , у чахлых лесков ,
чей век источен до могильных пней .
... дороги ,
застенчивые словно бубенчик
рядом с голосом скрипки .
По ним так легко нести искреннее наслаждение
шагающих ног –
не лезет на глаза пот липкий ,

не вычурный – ровный слог серьезных дум
на скромном пути .
... дороги помпезно парадные ,
привычные к меди оркестра ,
скандированию толпы ,
печатному ритму шагов .
На них быстро тупеет голова
и почему-то болят подошвы .
... дороги , непролазные как шлагбаум секретных объектов;
как они привычны российскому взору , языку и нравам .
... дороги , самые таинственные дороги в никуда ,
где скопом в пропасть сыплются
человеческие тела ,
как песчинки в песочных часах .
... дорога , сладкая дорога возвращения ;
пыль желанна ,
легок пот ,
сердце рвется за следующий поворот ,
где то , по чему истосковался , –
единение родственных душ .
Дороги принадлежат всем
и отдельно каждому .
... на моих дорогах
мои отпечатались шаги ,
мои встречались враги ,
мои рождались мысли
от тверди земной
до небесной выси ,
мои разговоры с самим собой ;
моя верность вела к порогу родимого дома ,
моя любовь через все сроки
стремилась к тебе снова и снова .
...на моих дорогах я познал многие истины ,
о которых не подозревал .
Они подсказали , что надеяться на друзей нужно и можно ,
но полезней и надежней
надеяться на себя ;
Они предупредили: не выходи на ложную дорогу.
Ложь – это гибель .
Они сбили с меня возникающую спесь :

первые шаги – шаги безвестных путников .
Они открыли и главную истину :
в мире нет глаз печальней ,
чем глаза одинокой матери
и
больного младенца .

Дороги , дороги , дороги –
четкие линии чертежа настоящего человека .
Дороги , дороги , дороги –
мои бескорыстные земные ангелы ,
мои молчаливые друзья ,
как не любить вас ?!

1990-е – 2004

ЗРЯ УДИВЛЯЮСЬ

В моей стране обязательного проклятья
выше колоколен – дрожь пугающей тайны,
ниже колоколен – разостланные на ветхой надежде
обильные грехи ,
горсточка раскаяний
и постные прощения .
Мимо колоколен – ветра и мысли без своего угла .
В углах перхотные пахучие люди
и погребальные слова .
Кресты пращуров в голубых пальцах разврата.
Ими пастыри ненависти увещевают и увещевают непокорных .
Надолго ли выстраданные дали
отданы падальщикам ?
Текут и текут черные струи
из пугающей тайны
на ожидающие зрачки .
Незаметно моя ярость очутилась на поводке недоумения .

2003

КАМЕНЬ

О твердости его заботится нижняя нота ,
верхняя – о способности летать ,
не рассыпаясь .
В извилистых слоях сокрыто молчание
озвученных мыслей .
Он не ляжет покорно на стену ,
не заставив привести себя в порядок .
В чести у него – предельная собранность.
Не зря его имя у Петра .
У райских врат непреклонность –
надежно оберегает от обоюдных ошибок .
В нем молчаливая тяга к величавому терпению ,
чего лишена в миг разбегающаяся толпа .
Он в стороне , когда колокола прочищают горло
и змея из прошлого вползает на темя
запрограммированного везения .
Что ему , если при синюшных губах и аритмии сердца
шлифованные скелеты поутру
прогуливают несбывшиеся мечты .
Внутри него настоящее истерично зовет на помощь,
надеясь на реакцию потаенной совести .
Холодно . Века завернулись в овчину забытья ,
оставив без вниманья поиск странных ошибок ,
в свое время бесспорных аксиом .
И внутреннее братство единого напряжения ,
и агрессия шатающихся атомов ,
и сила , таящаяся в монументальной тверди , –
почему-то пренебрегли зовом свободы .
Во мне годами ворочается им подаренное упорство ,
дразнящее судьбу .
Как и ему , мне тяжело быть атлантом ,
без веры подпирающим чужую жизнь .
Окружающая зависть с нетерпением ждет пыли –
знака побежденного голиафа .

2004

МЕНСИТОВО

деревне моего малолетства, загубленной
Куйбышевским водохранилищем
на Волге

Ты – гордыня инженерного варварства;
Ты – месть разливанного электричества, настоянного на плановой
смерти;
Ты – тщеславье ядовитой воды и проклятье размытых могил;
Ты – пейзаж, забытый великим живописцем;
Ты – стихотворение, рожденное из насильственной печали;
Ты – соловьиный рай, помещенный в клетку ада;
Ты – рука из будущего, трогающая поводья кровоточащей памяти;
Ты – сладкая иудейская месть, приползшая из египетских времен;
Ты – поздняя кукушка на излете лета, ложь которой слаще правды;
Ты – младенец, насильно оторванный от материнской груди;
Ты – святой мир ребенка, сидящий на его взрослых плечах;
Ты – погасший кузнечный горн и безделье ржавых серпов и кос;
Ты – радуга победы и обнадеживающий восторг победителей;
Ты – пантеон своих наполеонов, лениных, сталиных и правителей
в короне грядущего;
Ты – подло украденные водою леса, звери и птицы;
Ты – крупицы счастья, рассыпанные не поровну по светящимся
избам;
Ты – лобное место сновидений, крик, возникающий из затихающей боли;
Ты – одна из сотен голгоф великой культовой реки.
Покидая полдневное детство и приговоренную деревню,
я верил,
что сказка вскоре повторится и снова выйдут из воды
в порядке появления:
скошенное гречневое поле темно-вишневого цвета
и на нем наша огромная белая свинья,
легко падавшая от щекотки моих ладошек,
когда я чесал ей бок;
дорога, уходящая за песчаный яр, как в неизвестную страну;
пруд под охраной вековых тополей;
дома, люди, скотина, сады, звуки,
и главное – величавый запах жизни,
который и есть запах родины.

У кромки прибоя отравленной водой я смываю слезы.
Не слышу , как в ухо оправдывается сказка-обманщица .
Не замечаю , как ветер , словно отец , ерошит мои волосы.
Седые волосы .

Атлантиды , как и люди , после смерти не возвращаются .
Чтобы слиться воедино , они превращаются в воду .

2003

МОЛИТВА НАЖДАЧНОГО КРУГА

Дайте мне тело для преображенья .
Тело ,
к которому причастно оскверненье .
Хладнокровно , без внутреннего содроганья
я уберу излишки материи .
Своим бархатным краем разделю непокорные молекулы .
Да и заточка вселенной не трудней ,
чем правка ножа .
Подвластно моему терпенью и правка характеров.
Прощу несмышленым высокомерье – яблоко-кислушку,
что в рот не возьмешь.
Задушу самомненье , как кашель у траншеи врага ,
И наслажусь игрою искр – салютом предвиденной победы .
Податливое самолюбие спаси от прегрешенья,
направь силу на рожденье добра .
Выправлю угол притяженья деревьев и цветов,
отрежу руку , тянущуюся к топору .
Иногда хочется счастья для смягченья ожесточенья.
Чтобы там ни было , я и в одиночестве –
общественная собственность и непререкаемая
ценность.
За мной вся сила земли и мощь космических далей ,
и поэтому полагаясь на это ,
жалкое человечество пробует достичь
восхитительные пропорции .
Работая над совершенством , я мечтаю о чем-то недосягаемом ,

проще говоря , мечтаю о
пустоте .
Мой труд напрасен: векам с поврежденной памятью
не понять до конца ,
что лихолетье знамен обычно сменяется лихолетьем предательства .
И века возвращаются вопреки неверию к прежним ошибкам .
И в новый политический гололед требуется запредельная храбрость,
чтобы водрузить знамя на ледяной вершине власти .
Понимая важность момента , я молча вырежу своим любимцам
недостающие ступени ,
не надеясь на благодарность .
Правда , во время работы будет свербить в мозгу глупый вопрос:
к какому типу животных относится Земля ,
если с точки зрения линейной логики она такая бестолковая .

2004

ПЛУГ

Его не видел никто .
Он бестелесен .
По напору – страшен , по силе – непобедим .
Ему неведомы страдание ,
дружба ,
любовь ,
ненависть ,
добро и зло .
Он бесстрастно ведет борозду с незапамятных времен
в сторону будущих ,
запахивая и мысли , и тела планет , и то
что было ,
и то , что будет .
Пластуется в борозду время ,
и отдельно ложатся в нее
человеческих судеб семена ,
отвеянные от плевел греха .
И блестит , и льстит , и чернит , и смущает
ревниво уложенная
борозда человечества .

Она , как ложно сказанное слово , больше всего
вызывает тревогу .
Неустанно пестуется вселенская нива ,
вселяя надежду в засеянное ,
предсказывая : кому взойти
и созреть .
Бог , как заправский агроном , пробует пахоту на ощупь
и хмыкает , удовлетворенный работой .
Это его любимое орудие ,
плуг мирозданья ,
выкованный из металла вечности ,
и он не вправе делать брак .

Обозревая свою сжатую вселенную ,
в зеркале отвала вижу
свою обязательную беседу с богом .

2004

РОЗОВЫЙ ЗАЯЦ

Под охраной ревностного снега
он проходит сквозь парадный строй напряженных деревьев
и садится на верхушку холма , как на трон.
Тому не помеха
ни ночи подозрительная тишь ,
ни ее обманчивая тьма ,
ни смертельный блеск голодных зубов,
ни прихоть заглушенной страсти .
Прокован взгляд к точке рожденья тайны .
В ожидании животворящего света
Он вбирает всей силой зренья покуда невидимый восток.

Он ждет слово праматери тайны . Ее одно-единственное слово – и исчезнут врожденные страхи и наступит роскошь спокойствия .Это слово откроет тайны грядущего обезлюженного пространства , подарит обнадеживающие плоды верховной звезды .

Ему известно ,
человечество – это плохо ухоженный огород полузнаек ,
который редко дает прекрасные плоды ,
и оно – не советник и не товарищ в охоте на тайны .

Он терпеливо ожидает миг рожденья – робкие вскрики радуги ,
когда , то ли с неба , то ли из земли ,
выйдут гуськом цвета ,
что оживят умершие тайны .
К чему ему родословная кудлатого солнца ,
если в своей выстраданной вселенной
в десять самомнительных атомов
он предлагает нашему светилу скромное место
в периодической таблице солнц ?
Ушастый мудрец – ученик тибетских лам – из дня в день
читает в темноте надиктованные мысли ,
исподволь множа личную мудрость .
Драма отсутствует, есть демонстрация терпения ,
кругосветное путешествие мига тайны .
И будет день разгаданного рассвета, и будет прыжок от счастья,
и будет братание с тайной, которую ждал.

Я счастлив ,что видел через объектив прицела
прекрасный вызов нашим измерениям, –
как заяц в ожидании желтого океана купался в розовой заре .
Любовался ,
забыв о спусковом крючке .

2003

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

В общей сложности те , кто внизу хранит молчание ,

мудрей ,
умней ,
красивей ,
отважней ,
честней ,
искренней ,

чем я .

Поэтому с благоговением в скорбной тишине
осторожно иду по кладбищу
и молча разговариваю с ними .
Язык не поворачивается назвать их мертвыми .
Маленькая часть отжившего человечества
внимательно следит за мной .
Приглядывается ко мне ,
как очередному товарищу по безмолвью .
Обычная логика . Нашего бытия .
И никто не в силах понять ее до конца .
Светлея от смирения , душою признаешь ,
что всех без исключения , кто безмолвно глядит на тебя ,
ты любишь и просишь прощения за былое высокомерие .

2004

СОЛОВЬИ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

Дом гляделся в полдень ,
словно в зеркало судьбы ,
где роятся и по сей день
грезы едва различимого детства .
В те годы родители носили в себе любовь ,
как взведенную гранату .
мечтая о колыбели и колыбельной .
Их всепобеждающая молодость не охала
от короткой не смертельной бедности .
Она звенела от счастья и непоколебимой святости .
Одухотворенными ночами на крышу
в подарок двум неугомонным ангелам –
мне и сестре –
сыпался звездный дождь ,
и дом светился сказочным светом .
Белой магией луна
снимала с дома порчу .
В просторной колыбели – корзине , сплетенной отцом ,
мы , зимние дети ,
постигали непонятную жизнь через слова ,

руки ,
еду ,
слезы
и тепло .

Весной нас впервые показали солнцу .
Мы понравились друг другу ,
и эта любовь осталась на всю жизнь .
В саду соловьиные трели и цветущие яблони
под баюканье бабушки Дарьи
уносили затихших ангелов
в горний мир младенческих снов .
О забытое блаженство непорочных снов !
О всеохватная доброта весеннего мира !
О душевное благословение любви и жизни !
Вам , оберегавшим солнечные тельца
от внезапных напастей ,
мой земной поклон !
Жизнь , пусть и причастная к вечности , мала ,
какой бы длинной не была ,
и время в свой срок забрало к себе
и бабушку Дарью , и соловьев , и яблонь , и родителей .
Как догоняющий свою стаю журавль ,
исчез в дымке лет и дом .
Из памяти , из любви , из колыбельной
на месте дома выросла огромная черемуха –
пристанище новых соловьев .
По словам крёстной , весной она слушает их до слез .
Она знает ,что говорит : в семьдесят пять
мудрость по-другому оценивает мир ...

Когда-то в счастливом былом
нам пела золотая птичка и качалась
на солнечном луче ...

2004

деревня Мордовские Каратаи

ЧЕРНАЯ КУРОПАТКА

Рожденная из разрозненных душ мятущихся амазонок
в лоне белого гибельного пространства ,
где жизнь приравнена подвигу ;
Вознесенная на царство упрямой тысячекрылой стаей ,
без нее приговоренной смерти ;
С радостью измеряющая изящную геометрию крыла
на неприхотливых молекулах синевы ;
Зоркое око хозяйки трех миров ,
благословенной Золотой Бабы ,
кормящей ее , единственную ,
из своих бессмертных рук ;
Трепетное волнение удивленной орнитологии ;
Загадка для беспощадного сокола ,
привыкшего к белому очертанию .
Вся ее обманчивая хрупкость –
незримая воля всевластья .
Присущая женская робость совсем не заметна
под жесткой личиной обыденности .
Птичий ум в миленькой головке
рассудителен и строен .
Он окружает ее и подчиненную стаю
самой легкой и надежной броней .
Перелеты , перелеты , перелеты –
жизнь , поделенная на небо и землю .
В ней без опрометчивых выходок
и никчемных бахвальств
живая стая – не прихоть безмерной любви ,
а упрямая цель ее существования .
Исподволь и в открытую ,
то гневно , то с победным криком ,
веря в стаю и себя ,
она настойчиво заставляет
жизнь следовать за ней .
Загадочное черное пятно на палитре северного пейзажа –
средоточье пристального взгляда .
сбитых с толку добра и зла .
Этим она повторяет поэтов ,
чье световое присутствие
на общем полотне человечества
помогает ему очищаться от грязи .

2004

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

М. Анисимкова

ДРОВОКОЛ ГОША

рассказ

- 1 -

Два дня шел затяжной дождь. Вековечный тополь на взгорье за одну ночь уронил с ветвей все листья, и, не успевшие подсохнуть на ветру и разлететься в разные стороны они скоро смешались с грязью под подошвами бродней, сапог и калош.

Почернели во дворе поленницы, прясла изгородей, бревна, двери конюшен и сараев. Отошло наше раздолье бегать босиком. Грязь стала холодная, липкая, а обутки никакой, если не считать стоптанных бродней, да маминых развалившихся калош. Мама с утра сказала, что будет нам выводить цыпки. Колька сразу залез на печку, прижался в самый угол сидел, не подавая голоса. Но скоро ему надоело молчание и они с Юркой стали играть в шалобаны, пока не разодрались. Я тоже пригорюнилась, но думала, что за это время можно было обежать Набережную улицу со всеми закоулками, и на Пузыриху сбегать и у Шишинских побывать. Готова была сбегать на самое дальнее поле, за блудливой Мотькой, да Мотька стояла в конюшне. Ей хорошо: сено жует да теплое пойло пьет. И к окну подойти нельзя. Мама говорит: во всем селе стекла днем с огнем не сыскать. А во дворе Генка свистит. Окна запотели, будто кто-то их мелом вымазал. Сидим в избе, как в неволе.

Гляжу на шесток – там в большом черном чугунке вода закипает: веселые пузырьки по поверхности бегают, лопаются, новые появляются. Я сразу ноги под лавку спрятала, гляжу на чугунок, ежусь, как представлю, что эта вода для мытья наших ног готовится.

Цыпки на ногах у нас появлялись с самой весны, когда по примеру Юрки Левина мы сбрасывали стоптанные обутки и начинали бегать босиком. От воды, ветра, пыли и грязи кожа на ногах трескалась, появлялось множество крохотных ранок. Вначале они кровоточили, потом подсыхали, потом снова кровоточили, снова подсыхали. Иногда после бани мама снимала с кринки отстоявшего молока сметану, смазывала их, но этого лечения хватало только до утра. Про цыпки мы забывали, и наши резвые ребячьи ноги во всю топтали сельские тропки – дорожки.

Но вот загремело большое стиральное корыто, паром окутался угол избы. Мама тряхнула в корыто какого-то порошка – вода порозовела.

Толкайте ноги в марганцовку, – скомандовала она. Колька, у которого цыпки покрыли сплошной серой коростой, завопил: я лучше в бане отпарю. Но в эти минуты с мамой много не наговоришь. Она дернула его за ногу, и, он зажмурив глаза стал медленно погружать ноги в корыто. Вначале он кряхтел, стонал, но скоро стал всем корчить рожи.

- Не дурите! - строго говорила мама, подливала из чугуна кипяток и начинала намыливать мочальную вехотку.

- Не с меня, с Шурки начинай! - завизжал он, жмурясь.

- Шур-ка са-ма вы-мо-ет. Не маленькая, - говорила мама нараспев.

- Я тоже не маленький! Но напрасно он сопротивлялся. Мама уже крепко держала его ногу, качала головой ощупывая багровый шрам возле мизинца.

- Это я давным-давно на стекло наступил. Уже все проходит, а вот эта царапина от гвоздя, - пояснял он маме все ссадины на ногах.

- Ты только не шибко три.

Мы сидели на лавке рядком, смотрели на цыпки, смазанные сметаной. Колька потихоньку охал и болтал ногами.

- Кто-то чужой стучится. Слышите, - сказал он, повернул голову.

- И Белка урчит.

- Сидите, набрасывая на плечи телогрейку, - сказала мама.

Колька выдернул старую варежку втолкнутую вместо выбитого осколка в окне и мы услышали мамин голос.

- Кто там? - спрашивала она.

- Мы беженцы. Пусти дочка, ради Бога.

Голос был незнакомый. Мы вскочили припали к окну.

- Какие еще беженцы. В такую погоду все в избах сидят. - говорила мама. - Теперь по белу свету люд всякий двинулся.

За воротами стоял высокий, как сухая лесина старик, с белой, как у Деда Мороза бородой и держал за руку маленькую девочку. Стащив с головы помятую шляпу стоял перед мамой в поклоне.

- Не бойтесь нас, - сипло говорил старик. Мы с внучкой от войны бежим. Из под Тулы мы.

- Поздно как-то, - тихо говорила мама, поднимая на руки девочку. Та была как неживая, не подала звука.

- Ну-ка, Шурка! На мои калоши да беги на почту. Позови Василия Степановича.

Наш небольшой домик стоял в почтовском дворе. Раньше он служил жильем купеческой прислуге. Во время революции хозяин-

купец, ведший перекупку пушнины у инородцев, сбежал со своей семьей, оставив на произвол судьбы громадный дом со всем имуществом. В купеческом доме разместилась сельская почта, а в домике с двумя аккуратными окошками на солнечную сторону и одним на восточную - стала жить наша семья.

Я глянула на двухэтажный купеческий дом. В кабинете дежурного горел свет.

- Беги, - торопила меня мама. Как ни как Василий Степанович на войну призывался, поди лучше меня разбирается.

Василий Степанович бежал через двор, шумно дышал и кашлял. Полы шинели походили на крылья громадной птицы. Большие ботинки с черными скрипучими крагами бухали по промерзшим лывам.

Василий Степанович давно вернулся из Армии. Все говорили: скомиссовали его из-за перепуга. будто при отправке на фронт он стал заговариваться, а как услышал взрывы снарядов норовил выпрыгнуть из вагона. Толком об этом никто не знал, но досужие языки разносили о нем такой навет. Расстегивая пуговицы гимнастерки возле порога он крикнул: ваши документы! Предъявите ваши документы. У дедушки дрогнули губы.

- Какие документы сынок. Как есть, у нас все сгорело. Только и успел Полинку схватить. В овраге с ней неделю прятались. А где остальные - не знаю. У нас ведь под Тулой бои шли страшные.

- Тогда в милицию, - будто не слышал дедушкиных слов, резко говорил Василий Степанович.

- Какая милиция? - возмутилась мама.

- Места на полу всем хватит. Пусть будут до утра, а там видно будет. Ладно ли ты говоришь? Этакую малютку в милицию.

Я была рада за маму, что она не побоялась возразить Василию Степановичу и даже махнув в его сторону рукой, приказала: - пододвинь старику табуретку. Не видишь - рухнет еще.

Василий Степанович от ее слов подскочил, как укушенный собакой, заложил руки за спину, посмотрел маме в глаза, изрек:

- Не рискуй, Татьяна. У самой четверо. Он круто повернулся на пятке ботинка, скрипнул крагами и в сердцах хлопнув дверью, ушел.

Утром дедушка не мог подняться с полу. Мама позвала фельдшерицу Клашу. Она осмотрела его и шепотом сказала: в больницу надо его. Дистофия. Приехала больничная повозка, дедушку увезли.

Первые дни Полинка жила у нас, как птичка в неволе: от каждого скрипа и стука вздрагивала, жалась в угол, жмурила глаза и плакала беззвучно. По ночам она громко кричала, вскакивала. Мама, на зависть нам, брала ее к себе прижимала, и она сладко засыпала.

Однажды утром наш Юрка нечаянно запнулся и сел в ведро с коровьим пойлом. Все над ним засмеялись, а Полинка завизжала так беззаботно и весело, что все обернулись. Глазки у Полинки были черненькие, реснички густые, бровки широконькие.

Юрка в мокрых штанах стоял напротив нее и закричал от обиды.

- Зуб-то у тебя скоро выпадет. На ниточке болтается. Беглянка.

- Про какой-то еще зуб разговаривает. Я тебе покажу беглянка! - рассердилась мама, стаскивая с Юрки штаны, шлепала ими по голой заднице, кричала. - Сиди там на печке бесштанный, или Шуркины одевай...

- Не буду одевать девичьи. Не буду, не буду! - орал он во все горло.

- Одевай сама. Это показалось удивительным. Наш Юрка никогда не разбирал что одевать. Он накидывал на себя все, что попадало под руку. Его даже прозвали Машей, потому что все зимы у него не было шапки и мама повязывала ему вокруг головы свою шаль. В ней он катался на санках, ходил в ларек за хлебом и откликался на ребячьи возгласы: Маша! без всякой обиды. А тут так закричал, хоть уши закрывай. Мама еле уговорила его.

- Надо же! Не из тучи гром! Или вон те, старые, с лямкой. Мама не договорила, что эти штаны были сшиты по особому фасону, без середыша, чтобы малыш мог в любую минуту присесть в любой угол по нужде.

- Одевай сама! - опять закричал Юрка.

Тут мама не стерпела.

- Я тебе дам - одевай сама! Я тебе дам - одевай сама, - и опять несколько раз шлепнула его мокрыми штанами, но голос у нее становился все тише и тише, потом она уткнув лицо в Юркины штаны, заплакала. Полинка прижалась к ней, захныкала, немного погодя на печке заголосил Юрка.

Дома сразу стало как-то неуютно, холодно и всем захотелось плакать. Мама сидела на табуретке недолго.

Это че же у нас будет, если каждый так со мной разговаривать станет? - еле слышно сказала она, но мы расслышали каждое слово.

Тогда хоть глаза завязывай да беги из дому.

Юрка с печи ответил ей таким визгливым плачем, что мама привстав на цыпочки притянула его к себе, и поцеловала в щеку, зная, что только этим успокоит кающегося слезами брата.

По сравнению с другими мы жили по - божески. От нашей черномастной Мотьки по утрам и вечерам мама приносила в подойнике парное молоко с воздушной, запашистой пеной. Еще до прихода ее из

конюшни мы выстраивались возле стола в затылок друг другу и слушали нетерпеливое мяуканье кошки Буски. Она, подняв хвост трубой, кружила возле наших ног, сверкала большими блестящими глазами.

Теперь первую кружку мама наливала Полинке и все приговаривала: пора ведь Мотьке-то отдых дать. Пора ведь ее запускать. Нам были непонятны эти слова. Но когда мама не пошла вечером доить корову, убрала с глаз подойник сразу стало невесело. Правда Колька храбрился. - У Голдобинских нет коровы - не помирают. Генка говорит: без молока жить можно, а вот без хлеба много не протянешь.

- Грамотей ты, грамотей, - говорила мама, подавая Полинке остаток утреннего надоя.

- Вот ей как раз! Вот ее надо отпаивать, - упершись рукой о подбородок говорил он. - Полинка маленькая. Но Колька говорил не свое. Он больше всех любил молоко, не замечая облизывал губы и я слышала как у него урчало в животе.

- Вона, видать Василий Степанович к нам вышагивает. Кто его еще выслушивать станет, - сказал Колька и спрятался за трубу на печке. Колька и тут говорил не свои слова. Про Василия Степановича каждый день кто-нибудь, что-нибудь рассказывал. И сегодня к нам прибегала райповская продавщица Раиса так жаловалась маме: мол он, Василий Степанович вытребовал у нее жалобную книгу: почему мол она, Раиса, Нюрке кладовщице отвешивала хлеб хоть и по карточкам, но с походом, и даже сверх лишнюю корочку положила, а у него все норовит лишний грамм уворовать.

- Я ему принародно, с походом взвесила, - жаловалась она маме. - Так он совсем медведем заревел. Стал допытывать: по какому такому поводу я ему излишки даю? Кого обьегориваю? Ну до того поперешний человек: все ему не так, все ему не этак!

- Дала жалостливую книгу?

- Где я ему взяла? У нас ее сроду не бывало.

- А от куда он взял такое?

Вычитал, наверное. Книжки-то, газеты - не читает, а поедом есть. Боле ничего и не делает. Пуговицы на шинели все оборваны, так и носится - полы нараспашку. Люмка Тютюкова к нему подговаривается и так и этак, а он еще куражится. А куда бы? Люмка ему за глаза: одиникая, вся из себя. Не то что мы с этакими хвостами остались, - окинула продавщица взглядом нашу избу. - Он чего-то фасонит. Сам рожу-то как следует вымыть не умеет. - Пока Марфа-то Ефремовна жива была так он был весь в аккурате, а теперя глядеть не на что. В

избе - сказывают - сам черт ногу своротит. Возле печки - сажи на вершок, на кровати не постель, а гайно-гайном. Кружки да чашки в руки взять нельзя и от мышей отбою нету. Сказывают он сам боится их. Заберется на кровать и швыряет в них, что попадет под руки.

- Мелешь че попало, - перебила мама продавщицу Раису, а та будто не слышала свое: - а вечерами - то чтоб мышей разогнать начинает маршировать по избе - только стукоток по половицам, а он себе командует: ать-два! ать-два! А потом еще какую-нибудь песню затянет. Вчерась: по долинам и по взгорьям пел, а днями «соловей, соловей-пташечка». Поет да еще посвистывает, - тряхнула головой продавщица Раиса, как будто в своем разговоре поставила точку.

- Ты почем знаешь?

- Из первых рук. Люмка рассказывала. Она все, как есть про него знает. Ей и изба его нравится. Она бы ее изобиходила - людям на загляденье, да и его бы прибрала.

- Этак он жить будет, так совсем свихнуться может. Чего бы ему носом-то воротить. Перешла она через него. Не война бы так с ним на одной версте... не стала. А теперь какой он ни на есть, а мужичишко.

- Есть в кого, - ответила мама. - Отец-то у него, Степан Степанович задира был, грешная душа. Все будто он знал, все ведал, все умел, а как зачнет чего делать - все курам на смех. Марфа Ефремовна при нем сторожем была. Как услышит, что в разговоре его начинает заносить, присядет возле и легонько, легонько поправляет мысль, а уж как без нее заврется, не знает как выкрутиться, сбежит от мужиков.

- Вот, вот, - вздохнула продавщица. - Хоть и по родовой стороне нет зависти, да ты, Татьяна, все таки поговори с ним насчет Люмки.

С того вечера, Василий Степанович дня три не приходил к нам, а тут шел к нашему домику напрямик.

- Явился по вашему приказанию! - крикнул он весело с порога. Мама ответила ему ласково, а Колька на печке захохотал, наслушавшись бабьих разговоров.

Это плохое воспитание, Татьяна Сергеевна, - покраснев выпалил он. - Такое неуважение к старшим до добра не доведет.

В ответ мама взяла с приступка холщевое полотенце и замахнулась на Кольку.

- Ну прекрати, прекрати, Татьяна Сергеевна, - взял он мамину руку. - Это не воспитание.

- Много смыслишь в воспитании, - зло ответила она.

- Ну не сердись, Татьяна Сергеевна. Не сердись. Шел с самыми радужными мыслями. Хочется поговорить о том, о сем. Ну хоть о погоде, о снеге. Погляди какой он девственный, стерильный.

А жаль больше суток ему не продержаться. Растает.

- Чего ему таять? Вся земля морозом скована. Неуж не видно?

- Тебе Татьяна Сергеевна, только возражать. Только бы все говорить мне наперекор. - вспылил Василий Степанович. - Ты со мной ни в чем не соглашаешься, решительно во всем. Вот и про этих - кивнул он головой в сторону Полинки. - Говорено было: надо их куда-нибудь в казенное место отправить, а ты по-своему. Мало своих?

- Ну чего ты мелешь? Взрослый мужик. А как язык поворачивается. Сам недавно какую лекцию бабам читал. Сказывают все про людскую доброту, про бедствия и страдания людей. В пример говорил про какую-то семью, где восемнадцать чужих ребятишек пригрето. Или война не для всех?

- Ты, Татьяна, говори да не заговаривайся. Я тебе не позволю с собой так разговаривать. Ты на то не имеешь права. Я участник войны. На моей стороне закон.

- Ай-да, - пренебрежительно сказала мама, махнула перед лицом холщевым полотенцем, которое все еще было у нее в руках. Он испуганно вытаращил глаза.

- Язык без костей, сразу переменила разговор. А снег-то все-таки не растает.

- Растает! - закричал Василий Степанович.

- Ты думаешь погода станет ждать когда тебе Пономариха телогрейку выстежит? Жди. У ней очередь до будущей зимы. Погляди на улице-то вьюжит.

- Но тут, Татьяна Сергеевна не твоя печаль. У меня на плечах ни чего-нибудь, а солдатская шинель! И он опять в сердцах ушел от нас, но все знали - не на долго. Утром он опять постучит в дверь, попросит у мамы извинение, будет сидеть возле камина, разговаривать, пока у них не найдет коса на камень.

-2-

- Хуна - хуна пришел! Хуна - хуна пришел! - закричал я. Все спрыгнули с печки.

По почтовскому двору расхаживал дровокол Гоша, по прозвищу Хуна - хуна. Все лето его не было в селе. Он косил сено для почтовских лошадей, жил на покосе. Без него в нашем дворе было сиротливо, забегали парни с соседских улиц, безбоязно лазили по нашим крышам, могли загнать вонючего Таловского козла, который обозлясь налетел на всех с разбегу и даже свалил с ног Юрку Левина. Мы его боялись, залезали на крыши, по долгу сидели там. Когда сидеть надоедало, а

круголобый козел улаживался на завалинку отдохнуть нам ничего не оставалось, как звать на помощь кого-нибудь из старших. А когда был на почте дровокол Гоша мы жили под его крепкой защитой.

Мы, забыв про всякую осторожность спрыгнув с печи затарабанили в окно. Дровокол ответи нам, приподняв на голове большую, как воронье гнездо, старую заячью шапку.

- Невидаль какая! - отгоняла нас от окна мама. - Куда он денется ваш хуна-хуна?

- Его все лето не было, - будто скомандовал Колька, и мы наспех набрасывали на себя любую, попавшуюся под руки одеженку бежали во двор.

Гоша повидимому простыл на покосе; дышал шумно, поминутно облизывал нижнюю губу. И руки у него были горячими, когда он будто нечаяно гладил нас по голове, хрипло выговаривал: за лето выросли. Совсем большими стали. Все говорили, что Гоша гнусавит, но мы не замечали и понимали каждое его слово.

Нам было невдомек, как в эти минуты от встречи с нами трепетало от радости Гошино сердце и как крепился он не показать нам слез, которые щекотали его покрасневшие веки.

В селе, все старые люди знали, что Гоша подкидыш, что прибрала его и пригрела солдатская вдова Фёдора Сушкина. - Было это давней весной, когда с крыш, на солнцевсходе потайка началась и к ночи сосульки ледяные нарастали - рассказывала беззубая Парамониха. Федора пошла в сараюшку по дрова и услышала какой-то писк. Поначалу подумала коты на крыше разыгрались - пришла пора им свои кошачьи свадьбы справлять. Она уже за дверную скобку взялась, а вдогонку ей опять такой же звук. Бросила Федора охапку дров, пошла за сараюшку и ужахнулась: между двумя старыми бревнами лежал сверток, перевязанный мочальной веревкой, а из него выставлялись маленькие ножки с красными пятками. Федора схватила в охапку сверток и бегом в избу. У самой все внутри колотит. Развернула лохмотья, а в них мальчонок ножками сучит, рот разевает, а голосу уже нет. - Господи, оборони и помилуй. На беду аль на радость? - шептала она в испуге. Своих-то детей ей Господь не дал.

Не зная что делать, села на табуретку не жива ни мертва. А из свертка плач. Развернула Федора сырую холщевую тряпицу, а возле правого боку ребенка бархатный лоскуток, а в нем золотники. Зажмурила Федора глаза не зная что делать. Мальчонок закатился в плаче, разевал рот, повидимому материнскую титьку искал.

Нажевала Федора хлебного мякиша, завязала его в тряпочку, обмакнула в теплую водицу. Стала подносить тюрю к губам. Малышок язычком чмокает, а у него на верхней губе расщелина. «Заячья губа»!

- всплеснула Федора руками. А найденышу все ни почем. Сосет тюрю, язычком посвистывает. Скоро на лбу у него потные капельки высыпали.

Глядела на него Федора, слезы глотала, себя уговаривала: - Всякие изъяны у людей бывают.

Накинула на плечи пальтушку, побежала к соседке Парамонихе. Та, только первые слова услыхала, набросила на плечи суконную шаль, в которой в извоз ходила и бегом в Федорину избу. Только перешагнула порог, сразу спросила: - Како с ним придано было? Федора с испугу, ответила: ничего нету. Помрачнела Парамониха, насупилась, хотела Федору заставить перед образами помолиться, да дверь распахнулась.

По селу, как в колокол ударили. Все в один голос: Федора подкидыша нашла. Мальчонка. Живехонький. Многие приходили из любопытства, посмотрят друг на друга, сразу уходят, что подкидыш-то с «заячьей губой»!

- Как же так Федора? Не уж-то при ем ничего не было? удивлялись бабы, что это за люди? Мало что дитя осиротели, да и на жизнь гроша не положили. Без стыда и совести.

- Кабы были у матери гроши, так не оставила бы ребенка под забором, - сгорая от стыда лепетала Федора.

- Нужда видать у нее великая, - вставила соседка Маруська, всхлипывая над подкидышем.

- Бог его знает, - в который раз перетрясывая лоскутья стонала Паномариха. - Мир-то теперь весь пошатнулся. У людей ни стыда, ни совести не стало.

- А то будто раньше такого не было? Сказывают: наш приказчик тоже подкидышем был. Осип Петрович.

- Так с ним вексель на целую тысячу рядышком лежал. Старик-то, Петр Силантьевич Шарапов, царство ему небесное, - перекрестилась Паномариха, - до последней копеечке на Осипа расходовал. Одевал, как родных сыновей, выучил, дом ему какой выстроил. А этому? - кивнула она в сторону спящего найденыша. - Да сам Бог велел ребенку кое какое награждение оставить.

- Где его брать: награждение-то? - Опять возмутилась Маруська. - Где его брать, если вокруг тебя голь перекатная?

- Глазки-то, глаз какие черненькие, - гулила над малышом Маруська, - и носик вакуратненький, волосенки густы, поди кудрявиться станут. Поди мать - то твоя изжогой маялась, когда тебя носила? Это всегда бывает, когда у ребенка в утробе волосья растут. Моя Настя какая косматая родилась, а я че только от этой изжоги не пила, чего не перепробовала, и глину ела, а брусничного соку до опухоли пила.

Кто хоть твоя мать - то будет? - глядя на малыша в задумчивости проговорила Паномариха. - Всех в уме перебрала. Разве какая чернявка из Бурмантовского скита.

- Не уж-то святые девы на такое решатся? - перекрестилась Маруська.

- Ох, грехи наши тяжкие, - ответила ей на это Паномариха, стала усердно класть поклоны перед висевшей в переднем углу иконой.

В приют сдавать станешь, али как? - дрожа губами спросила Маруська. - Гляди, Федора. Со всех сторон тебе суда не будет. Хошь отдашь - ладно, хошь оставишь - ладно.

- Оставлю, - еле слышно ответила Федора, разрыдалась.

- Мой бы совет тебе такой же был. Оставляй, - молвила Маруська. - Как - ни как рядом завсегда будет живая душа. Он подле тебя греться будет, ты подле него. А там Бог сам дорогу укажет.

Побежало время, оставляя год за годом. Имя подкидышу Георгий дали, по Федориному батюшке. Рос он крепышом и ладным, только все «заячья губа» портила. Пустяк вроде, а поди ты! Этот изъян всем в глаза лез. Не мало пролила Федора из-за этого горьких слез, не раз говаривала Маруське: кабы можно было отдать ему свою губу - глазом не моргнула. Но чего замахиваться на то, что самой судьбой уготовлено. - Постарше станет, под усы спрячет, а пока на каждый роток не накинешь платок. Федора хорошей матерью была, одно твердила: с людям в дружбе живи, не охлаждай сердце. Всему учила что умела сама, потом Прошка сосед-гармонист выучил его на гармошке играть. Самого из-за нее не видно, а крохотные пальчики по кнопкам вроде сами бегали.

А потом сказал Федоре: - талант в нем неописанный, чего тамо наша «подгорная» или «Кадриль». В губернию бы его. Многих бы за пояс заткнул твой Гоша. Закавыка одна, и он показал Федоре на «заячью губу». И пошло по селу: как только где какое веселье - Федоре первое приглашение. У хмельных людей в пляске сила дикая! Мужики с вывертами, лихо на пятках поворачиваются, баб кружат вокруг себя - только визг стоит да подолы мелькают. Ай да Гоша! Ай да молодец! А он сквозь рассеченную губу подпевает в такт: хуна-хуна - хуна-хуна! Хуна-хуна-хуна!

А вскоре в его жизни черный день пришел. Померла Федора. Совсем ни с того, ни с сего. Только и успела Гоше сказать: у тебя золотники на черный день есть. Как нужда придет, найдешь в подполье, под пятым венцом. Про них никому не сказывай.

- Че мать-то тебе наказывала? - тормошила Паномариха Гошу. - Какие слова сказывала? как и на что жить велела?

- Легла и глаза закрыла, только слезинка из глаз выкатилась - отвечал он.

Опустело в избе. Дня три Гоша на крючке сидел - никого к себе не пускал, только голос подавал, что живой. Но скоро все про Гошино сиротство позабыли.

Гармошку он забыл, никогда не брал в руки, глядел и будто видел ее впервые. Видно Федорина смерть унесла с собой его песню.

По совету Паномарихи пошел он зарабатывать на жизнь. Как взяли его подростком дровоколом в почтовскую контору, так и состарился он в этом дворе.

Жил Гоша бобылем. Вроде как, Маруськина дочь, рябоватая Настя просилась к нему на житье, да он не знал как ответить. А в скорости война грянула. Забрала всех самолучших мужиков. Остались бабы с оравами ребятишек. Не было в русских селах понятия: для себя жить, а детей опосля рожать, как на забаву. Если кто с первого года замужества не обзаводился ребенком, настораживались все. То ли яловая молодуха оказалась, то ли еще что. Да и мужик по селу ходил как виноватый. А уж у кого пойдут, так как горох посыплется. А тут война. Ребят на ноги поднимать - не сено в стога складывать. Гоша многое себе в укор ставил, а больше всего то, что на войну его не брали. «По мне плакать некому вернусь - не вернусь», - рассуждал он, хотя и не было ему ни какого покоя. Одна солдатка просит его чересседельник починить, другая - топор насадить, третья - сено сметать, четвертая - на крылечке доски поправить, пятая - из печки кирпич вытащить, а вчерась Грунька Мальцева с ремнем пришла. - Отстегай, Гоша ремнем моего Федьку. У меня в руках силы совсем нету. Зачну его хлестать, а он только похохатывает. Сегодня весь день дома не был. В какие - то тимуровцы записался и водится тамо с Субботинскими ребятами, да воду в бочках возит, да дрова колет.

- У Субботинских восьмеро, - ответил ей Гоша, приподнял на лоб косматые брови.

- Кто им помогать станет? - и отдал Груньке ремень обратно.

- Да ему рука мужская нужно. Обжег бы его раз - другой почаще на часы стал поглядывать.

- Не умею драться, - сказал Гоша, по привычке закрывая рыжими усами щель на губе.

Жизнь тяжелая стала, всех на поверку вывела. Повели счет хлебным крошкам. В магазине все полки, как корова языком вылизала. В хриплом радио все про жестокие бои рассказывали.

Как-то под вечер подошла к Гоше почтовская счетоводиха Настасья Насырова, и как бы промежду прочим спросила: а у тебя Гоша что из теплых вещей есть, чтобы на фронт послать? Вещей нет, так

может деньги из зарплаты отчислять согласишься. Может облигации есть? Наше село деньги на танк собирает. Гоша сразу ничего не ответил. Пришел домой, про разговор забыл, а как полез в голбец за картошкой про золотник вспомнил, будто сама мать Федора ему в эти минуты в ухо шепнула: - Ищи под пятым венцом.

Засветил он свечу, отсчитал пять венцов, оглядел - нигде, никакой щелочки нету, только в дальнем углу мох торчит. Вытащил он мох, увидел углубление. Достал березовую кору, а в ней бархатный узелок. В нем золотники давнишней чеканки.

Не разгорелись у Гоши глаза, не задрожали руки, наверное от того, что всю жизнь без зависти жил, а как мать учила: по одежке - протягивать ножки. Глядит на эти золотники Гоша, а истинной их цены не знает. Слыхал про его могучую силу, про зло, когда отец сына из-за него не жалеет, и совесть перед людьми теряет. Но это не для него.

Утром, положил тот бархатный узелок в старую шапку с оторванным ухом, пошел к счетоводихе Анастасии Насыровой и высыпал перед ней золотники.

Счетоводиха побледнела, уставила на Гошу немигающие глаза.

- Откуда? - еле слышно выдавила, а у самой из глаз слезы покатились.

- Из голбца достал. Маменька, как умирала наказывала: в трудный час достать эти золотники.

- Скоко тут?

- Пятьдесят - один к одному, - ответил Гоша.

- Отдай мне один золотник. Отдай, Гоша, - прижав указательным пальцем один золотник молила счетоводиха.

- Нет, - покачал головой Гоша. Все на войну отдам. Пущай танк строят.

- Отдай, Гоша. На что он тебе? Столько лет лежали. Я твою-то мать чуть-чуть помню. Отдай голубчик. Мои ребята тебе каждый день молоко таскать будут.

- Нет, - стоял на своем Гоша.

- Тогда с твоим капиталом тебя в тюрьму засадят. Спросят: где сэстолько взял! Все ходишь в ремотье, все притворялся нищим, а у самого такой капитал. А я вот их у тебя принять не могу! - Анастасия вся побледнела. Сидит, кусает дрожащие губы. - Мне бы эти деньги! Я бы нашла им дорогу, знала бы куда их девать. На золотоскупке такие шубы продают. Купила бы шаль с кистями, боты фетровые. Корову бы на Талой, у бабки Тюленихи купила. Она за удой по ведру молока дает. Сепаратор купила. Бог ты мой. Две бы лошади взяла и чтоб одна была выездная. В гости бы в Надежденский завод съездила. - Она

рассуждала, слизывала с губ слезы, потом еле поднялась с табуретки, грозно сказала: пошли в милицию!

- Пойдем, - сгребая золотники обратно в бархатный лоскуток, - ответил Гоша.

- Дежурный по милиции рядовой Столяров тоже опешил, позвал к начальнику, тот в область. Одним словом: все руки по швам. Не знают как поступить с золотниками.

Гоша ни добавляет, ни убавляет - говорит свое: в голбце были, под пятым венцом.

Тут милиционер Столяров про купеческого приказчика вспомнил, мол он больше с золотом возился, знает ему цену.

- На что нам цена? Без приказчика хрен от редьки отличить можем, видно, что золото. Другое дело куда его сдавать? Скорее всего в государственный банк нести надо, а за Осипом Петровичем уже сбегали. - Совсем дряхлым стал купеческий приказчик. Отощал, сгорбился весь. Клинистая бороденка порядела - гляди так по волоску пересчитать можно. Все вроде годам не поддавался, бегал - грудь колесом, а как отправил на войну трех сыновей - в одну ночь согнуло спину в полоз. Вошел в милицию с тростью, в неизменном вельветовом пиджаке, в белых фетровых валенках. Возле порога снял шапку, вымолвил: мое почтенье, люди добрые! Это у него всю жизнь без изменений. Хотел еще что-то сказать и поперхнулся. Увидев на столе золотники, машинально полез в карман за очками. - Богатство, еле выдохнул. Великое богатство! Откуда выискался такой кладец? - Обвел их взглядом, но прежде чем промолвить слово, сел на табуретку.

- Эти золотники из Бурмантовского скита. Нет в этом сомнения: принадлежали они егумени Серафиме. И этот алый бархат! - совсем не кстати нервно хохотнул Осип Петрович.

- Сколько тебе лет-то Гоша? - не поднимая глаз спросил Осип Петрович.

- Однако тридцать семой.

- Так и есть- он, и золотники из Бурмантовского скита, - остановил приказчик взгляд на неуклюжей фигуре дровокола, одетого в длиннополый полушубок, стоптанные валенки и маломальскую шапку. - Ох и дура же, Федора, дура. Прожила в такой нищете! - но это он сказал так тихо, что никто не расслышал.

- Дуракам завсегда везет, - сказала счетоводиха Анастасия. По золоту ходил, а у самого в чем душа держится.

Скоро в Сосново пришла телеграмма: в ней вытребовали доподлинную фамилию и имя человека, сдавшего государству золотой клад. Телаграфистка Лизавета Лопатина передала по буквам: Георгий Сушкин.

Потом на это имя пришла благодарственная телеграмма от правительства и сообщение, что на сданные средства жителем села Сосновка Георгием Сушкиным построен танк с присвоением ему имени «Георгий Сушкин», и прямо с завода эта грозная машина отправлена на передовую линию фронта.

Так распорядился Гоша своим тайным кладом. Люди поговорили, посудачили, а жизнь пошла чередом.

Если бы не война, мы быть может не так привязались к Гоше. Без него нам было скучно и плохо. Нам и в голову не приходило судить, кто такой дровокол Гоша. При виде его нас нельзя было остановить никакими силами. Мы бежали к нему с разных сторон, толкались возле него, а он когда прибегали и Голдобинские ребята и Мартыновских целых шесть человек, садился на низкий чурбан, на котором колол дрова и тихо спрашивал как мы живем - поживаем. Каждый торопился сказать первым. Около чурбана поднимался гвалт. Но Гоша видел всех по глазам. - Колька, - отыскивая взглядом моего брата позвал дровокол. - Ты кажись уже запрягаешь лошадь, а я и не знал. Молодец. Это мужицкая работа. Нам было всегда удивительно, как это Гоша узнавал все наперед. Его и в селе не было целое лето, когда Колька стал запрягать почтовских лошадей, да ездить с почтарем Ефимом за почтой, а он уже знает. Колька захохотал, ни с того ни с чего стал носиться по двору, насвистывать. Гоша еле заметно улыбнулся.

- А Нюська Неволина совсем не умеет колоть дрова, - сказала Гоше Гетка Голдобина. - Толку у ней нет никакого.

Смешно смотреть. Как топором стукнет, так и присядет. Ха-ха-ха!

- Дрова колоть шибко тяжело, Гетка. Откуль у Нюськи сила возьмется? У них и коровы нету, и картошки нынче мало сняли. Это дело мужицкое.

- Машет топором машет, а только на одну охапку наколет, а взмокнет как мышь. Гетка опять захохотала.

- Пошто смеешься? - построжал Гоша. - Ежели я не умею пироги стряпать, а ты не умеешь шапки шить, так это смешно?

- Я вот ноне вокруг балагана от комаров бегал. Кружил, кружил и юркнул в балаган. А если бы кто глядел со стороны, вот бы надо мной похохотал.

Тут, прибежавшая за нами Полинка, увидев Гошу захныкала. Он ласково спросил: - это чия така малюсенька девочка к нам в гости пришла? Протянул к ней свою большую, корявую ладонь. - Полинка испугалась, уткнулась лицом мне в пальтушку.

- Это же Гоша! Полинка, ты чего, это же Гоша! - закричал Юрка. - Она у нас ишо дикая. Она беженка? Они от войны с дедушкой убежали! - Дедушка отощал - в больнице лежит, а она у нас. Она есть хочет - вот и ревет. У нас Мотька не доится, только картошка одна.

Гоша встал с чурбана, пошарил в карманах, вытащил горсть сушеной малины. - На - ко вот тебе, маленькая девочка. Нако. Он хотел погладить ее по голове, но Полинка совсем разревелась.

- Да он только с виду такой. Не бойся. Он самый добрый! - уговаривала я Полинку. А Гоша выгреб до последней ягодки в кармане, молча раздал всем, и прихрамывая пошел на почту. Возле порога он остановился: - у меня еще есть работа, - сказал - Пойду в пекарню дрова колоть.

Разбитая пекарка Таська, которую в последнее время стали навеличивать Таисьей Лукьяновной, постановила: дровоколом окромя Гоши никого не ставьте. Он пальцем ничего не тронет, а к другим у меня веры нету. На почте хоть кому дрова колоть можно, а в пекарне таким, как Гоша. Пока у нашего дровокола Сеньки рука не поправится. Он палец себе чуть не отрубил.

Пекарка Таська с дровоколом Сенькой работали согласно. Она наловчилась в опростанной после выпечки хлеба, коргаче ставить бражку. У хлеба да не без крох! - говорила подмигивая дровоколу, наливала ему мутной парной водицы. Он, как кот мурлыча, говорил Таське хорошие слова, в тепле закимарит, утянется за печку и задремлет, а то и песни затянет.

Таське безбоязно: возле ворот конура поставлена, в ней откормленный пес на цепи сидит. На чужих взлаивает. Пока Сенька кимарит, Таська свое дело знает: насыплет муки в мешочки, заголкнет за пазуху, а то и промеж ног шнурочками привяжет. Перед уходом домой разбудит Сеньку. Вскочит он, как очумелый, спрячет оставленные ему куски хлеба, закроет ворота на палку.

Таська идет по селу на расшерагу, как корова с полным выменем молока. Еле с ноги на ногу переваливается, а в руках ничего. Голощаповские ребята глядят в проталинки между рам, караулят Таську.

- Идет, - крикнет кто-нибудь из них.

Мать бегом на кухню, сует бидон с молоком, велит бежать к Таисиному дому, да успеть наперед ее прошмыгнуть в ограду, а то закроется, никого не пустит.

Таисия стала жить припеваючи. На окнах строченные задергушки появились, на столе клеенка. Сама то в кашемировой юбке придет в правление; то в новую шаль обрядится, а как-то пришла в магазин с муфтой из серого барашка. Бабы на нее как зыркнули, ее как ветром

унесло. Больше никто той муфты не видел. Стали все говорить: ворует Таисия. Сеньку не один раз в милицию вызывали. Он одно: не вижу. Там ем, сколько душе угодно, домой не таскаю, при мне в пекарню никто не приходит. Голову на плаху положу. А тут, на днях, палец отсек. В глазах-то от выпитой бражки черти плясали, а разве в том кто признается. В правлении еще добавила: раз он такой клад отдал, единой копейкой не пользовался - ему только и работать при мне. Так она так Гошу выпрашивала.

Гоша пошел на пекарню с неохотой, хотя и манил вкусный хлебный дух.

Таська сразу перед ним закружила, прямо с пода на лавку румяную лепешку бросила: ешь Гоша, пока она свеженькая, тепленькая.

Поди давно такой не едал. У Гоши в глазах посинело, во рту горечь скопилась. - Ешь, не бойся. Ешь ты дурачок. Отломил Гоша край лепешки. Голова кругом пошла.

- Вот и ладно. Вот и хорошо, - подбадривала его Таська.

- Голод - то, Гоша, не тетка. Он хоть какого гордого под себя подомнет. Ни че, Гоша не пропадем. Ты че то совсем отощал. Дрова колоть силу надо. Помаши-ка колуном - руки у всякого отвалятся.

Гоша не дослушал Таиськины разговоры вышел из пекарни дрова колоть. Таська то да потому дверь отворяет, все на Гошу посматривает, а он полено за поленом колет. - Ладно, отдохни, хватит на сегодня. А Гоша будто ее не слышит. - Зови-не дозовешься, - выговаривала она, когда Гоша снял шапку, присел на табуретку возле порога. - Сенька только и ждал когда я дверь открою.

Таська сходила за печку, вышла от туда с ковшом браги.

- На, отведай. Глядишь и работа веселее пойдет, - сказала она и успела подмигнуть правым глазом.

Гоша отодвинул ковш.

- Да выпей, дурачок. Разгони кровь. В тебе ведь она, как в болоте вода застойная. Кровь - то, разгонять надо. Да бери ты, не куражься.

- Не хочу, - пробурчал дровокол.

- Ты че! Ненормальный совсем? - заорала на него пекарка. - Да голову на отрез даю. У каждого мужика губа бы затряслась от радости, сколько бы мне слов благодарственных было сказано, а он: не хочу! - скривила она губы.

Гоша распахнул дверь и вышел во двор.

- Во чучело огородное. И родятся же такие непутевые.

Золотники сдал все до единого, ну хоть бы для смеху один оставил. Да за такой капитал каждая баба в приживалки к нему пришла, а какая нашлась так ноги бы ему мыла да воду пила.

А у него все между палец прошло. И тут: ну кто из путних мужиков отказался бы от такой хмельной бражки? В ней пена играет, а он: не хочу! Таисья сделала несколько глотков из ковша, остатки на стол поставила. - Ну не быть мне Таськой, если его не упою! Вздумал еще передо мной куражиться, - распыляла себя пекарка, оскорбленная выходкой дровокола. Как заведенный бухает и бухает, прислушивалась она к стуку топора. Откуль силы берет? Сенька столько дров за неделю ни накалывал - бурчала Таисья выглядывая в окно.

- Да заходи ты, блаженный! - во весь голос заорала она приоткрывая дверь. - Упадешь возле полиницы - то. И домой пора!

Гоша долго стряхивал с пимов опилки на снег. На Таську не глядел. - Бери лепешку - то. Не ворована, не бось. От припеку, - широко расставляя ноги выходила Таська из кладовки.

- Дрова ты хорошо колешь, - говорила она, закрывая в пекарне двери. - И хлеб ровно пропекся. - Дрова дружно горели, ни одной головешки не осталось, - ласково жужжала она за спиной дровокола.

В этот вечер, когда Гоша ушел в пекарню мы ждали его с нетерпением. Нам и в голову не приходило, чтобы Гоша мог обойти почтовский двор. Не сговариваясь, мы попеременно выбегали на улицу, и взобравшись на повети, лезли на крыши, прислушивались к стуку топоров. Гошины удары мы отличали от всех. Думали: может нам хлебушка принесет.

- Все еще колет, - шепотом говорил Колька, когда на почте загорел в окне свет.

Потом на дорогу сбегал Юрка. Пришла моя очередь. Мама стала ругаться, что мы выстудили избу, и что ночью у нас станет холодно как в католажке. Мне пришлось выспрашивать у ней разрешения сбегать к Мартыновским за учебником «История», который был один на всю Набережную улицу, но тут же воротилась.

Колет? - шепотом спросил я у брата.

- Перестал.

Теперь надо было выбегать во двор. Мы загоношились, не знали как и что говорить маме. Юрка ни с того ни с чего заревел.

- Да одевайтесь. Бегите встречать своего Гошу, догадалась мама засмеялась, глядя на нашу толкотню возле порога. Некогда было удивляться маминой прозорливости. - Во дворе уже носились Голдобинские ребята. Важно вышел во двор Сашка Мартынов, стал насвистывать, гоняться за щенком. Слов нет: все ждали из пекарни Гошу. Колька наш не выдержал, снова залез на крышу.

На улице вьюжило. Белка давно забралась в контору, свернулась калачиком. Со скрипом и скрежетом распахнулись ворота. Во двор входили почтовские лошади. Колька Субботин, в большом отцовском

полушубке вел Серко под уздцы. Он вышагивал важно, будто не видя нас, громко посвистывал. Я побежала на сеновал кинуть Мотьке на ночь мелкого сена. Пахнуло переспевшей сенной подстилкой, терпким коровьим потом. Мотька дышала шумно. хрустко жевала жвачку. Я села на сено и стала глядеть на звездное небо. Мне вспомнились слова старших девчонок, которые утверждали, что у каждого человека есть на небе своя звезда. Мне захотелось найти на небе свою. Я пялила глаза, веря, моя звезда обязательно видит меня. Я уже заприметила одну возле гор, старалась не выпускать ее из виду, но в это время сторожиха из артели «Победа» выплеснула под нашу конюшню ведро грязных помоев. Я вскочила, потеряла из виду свою звездочку. Возле забора матерился Димка Ворошилов, выпрашивая у Юрки Левина самосад, потом узнала торопливые шаги Василия Степановича, поползла на край поветей удостовериться. Он стоял на крыльце, старательно стряхивал снег с солдатских ботинок. Гоша, увидев во дворе ребят, растерялся. Сел на чурбан, похлопал по пустым карманам, и, отыскав взглядом Полинку, протянул крохотный кусочек от лепешки. Мы наивно думали, что он непременно принесет нам хлебушка.

Наша пекарня была на задах Леденевских огородов. Каждое утро, пробегая в школу, я останавливалась возле прясел и подолгу нюхала вкусный хлебный дух. В животе начинало урчать, зажмурив глаза я опрометью бежала в школу, скорее к жарко натопленной печке. Пузатая, обшарпанная до красных кирпичей девичьими подолами она всех будто манила к себе.

- Подвинься, - неистово кричала я Нинке Мешечко, которая каждое утро вставала на самое теплое место.

- Не спи, - сопротивлялась она, упиралась о пол ногами, давила спиной, будто хотела сдвинуть печь с места.

- Подвинься. Я замерзла. У нас Колька хлебные карточки потерял. Это хлебные карточки.

-Где? - шепотом спросила Нинка - уступая мне теплое место. Кто знал, где Колька выронил розовые бумажки, расчерченные на ровные квадратики с указанием чисел месяца. Мама по всякому расспрашивала его. Он молчал. Когда сказала, что позовет Василия Степановича мы все заревели, а Колька признался, что один раз снимал варежку на реке, а в это время ветер дул.

- На реке потерял?

- Ветер выхватил.

Наши хлебные карточки искали все соседи, мы оползали каждый сугроб, каждую снеговую ложбину. Ничего не нашли.

- У вас говорят, беженка живет? - спросила Нинка, уступая место у печки. Без хлеба мы все отощали, на всех напала лень, не охота было бегать кататься на санках и даже читать книжки и рассматривать картинки.

Мама похудела; вокруг головы обозначился белый ободок седых волос. По избе она ходила неслышно, дверь открывала плечом, с Василием Степановичем не ссорилась. Гетка Голдобина говорила мне, что от голодухи кишки в животе могут прильнуть друг к дружке. Я ощупывала пальцем впалый живот и, закрыв глаза, уже не видела ни темного неба, ни мигающих звезд... Мы все равно каждый день прислушивались к буханью топора со стороны пекарни. Колька считал удары. Вдруг стало тихо. - Наверное Гоша идет - думали мы. Колька радостно свистел. В густых сумерках трудно было отличить Кольку от Генки, Витьку от Юрки, Гетку от Насти и только одна маленькая Полинка стояла в стороне, укутанная в мамину шаль, в больших маминых валенках. Сделав два-три шага она взмахивала руками и падала в выпавший снег. Мы ждали Гошу.

Колька, поравнявшись с Полинкой, взяла ее за руку. - Айда, поторопимся. Может Гоша нам хлебушка даст. Полинка плакала. Шаль вокруг рта отсырела, я приподняла ее на руки. - Давай поторопимся, Полинка. Давай поскорее. Вон ребята как воробьи подле него кружат!

- Устал Гоша? - спросил Колька. - Мы туто, на почте за тебя дрова кололи.

- Вижу, - обтирая снятой, с головы шапкой лицо сказал Гоша. Мы таращили на Гошу глаза, в надежде попробовать свежего пекарского хлебушка, а у него опять ничего не было.

- А Сенька - пекарский дровокол - всегда по цельной буханке приносил хлеба, - не выдержав сказал Колька.

Гоша сидел низко опустив голову, как провинившийся, глухо кашлял. - Простудишься Гоша. Одевай шапку, - деловито сказала я. Иди сюда маленькая девочка! - ласково сказал дровокол. Иди маленькая, не бойся. И Полинка вдруг пошла к Гоше, встала возле его колен. У меня от такого жалостливого Гошиного голоса задрожали губы. Я вообще часто плакала, как мама говорила: в дело и без дела.

- Тебя-то сейчас хлебушком угощу. Ты ведь у нас гостья. Дальняя гостья – и он затолкал руку под рубаху.

Мы замерзли, ничего не видели кроме дровоколовой руки.

- На - ко тебе. Да не торопись, в роту подерди хлебушко, чтобы он свой вкус тебе отдал.

Полинка робко протянула руку к отломленному кусочку лепешки.

- Бери, бери Полинка! - торопил ее Колька, облизывая губы. - Бери скорее, пока теплая.

- Во какие у тебя ручки - то маленькие, - сказал Гоша. - Совсем маленькие.

- У ней все маленькое, - кричал Колька. - И глазки и ручки и ножки, и вся сама маленькая, - кружил он вокруг нас. Гоша разламывал лепешку и почти не глядя раздавал в каждую протянутую руку. Мне показалось, что у него трясутся руки от голода.

- Какая вкуснятина! - говорил Колька. - Так бы привязал этот кусочек к носу и нюхал.

- Война скоро кончится – наедитесь хлеба, - бормотал дровокол. Раздав ребятам лепешку Гоша поднялся с чурбана и молчком пошел на почту. Ребята кричали ему в след спасибо.

- Сам-то Гоша попробовал лепешку? - спросила мама. - Он ведь сам еле ноги передвигает. И таких людей Господу на землю посылать надо - вздохнула она.

Утром мы опять расслышали стук Гошиного топора. Мы опять считали его удары и выбегали по очереди на дорогу, ждали его, но он, не садясь на чурбан, сразу зашел на почту.

Вечером мама сказала, что пекарский дровокол Сенька поправился, а Таисия жаловалась, что Гоша таскал из пекарни хлеб и кормил им всех ребят в почтовом дворе. Тамо этих ребят, как саранчи. Всех не накормишь.

Скоро Гоша захворал. Его, как Полинкиного дедушку, лечили от истощения. Мы бегали под окнами больницы, но нас не пускали, говорили: отделение заразное. Умер Гоша в середине зимы. Наш почтовский двор опустел.

Дарьина (Тараненко) Александра Петровна родилась в с. Бражниково Уваровского района Московской области.

С 1969 года работала в НГДУ «Нижневартовскнефть».

Ее стихи печатаются в периодических изданиях. Со своими стихами она часто выступает в рабочих коллективах, учебных заведениях, библиотеках, школах нашего города.

Автор сборников «Бабье лето», «Поставим память в караулы», «Я заплутаю меж берез».

Член городского литературного объединения «Замысел».

БОЛЬ

Снегом запорошило виски
Вечным и не тающим весной.
Но страшнее приступ*ов* тоски,
Боль по не вернувшимся домой…

Где лежат и под какой звездой…
В чьей стране, и чтимы ли за то,
Что закрыли собственной бедой,
Жизни их со всею суетой?

ВЕТЕРАНАМ

Все дальше огненные дни…
Все меньше с нами ветеранов.
Не зарастают в душах раны –
Горят в них вечные огни.

И это все, что я могу,
Послав проклятие врагу,
Встать перед вами на колени,
Приняв тот миг за очищенье.

И это все, что я могу,
Но не вернуть снов тихих ваших,
Как не поднять солдат, упавших
На том далеком берегу…

И это все, что я могу,
Хранить в душе с благоговеньем
К вам благодарность и почтенье.
Признанье свято берегу…
И это все, что я могу.

К ПОСЛЕДНЕЙ ГРАНИ

Мелькают кадры на экране –
Пред нами хроника тех лет…
Бежит солдат к последней грани,
Откуда и возврата нет.

Вокруг него слепые пули
Визжат, как те цепные псы…
Снаряды грудь земли рванули,
Достала смерть свои «весы»…

И дышит воину в затылок,
Сверяя каждый его шаг…
И не поймет она никак,
Что ей не взять солдата с тыла.

Ее привык встречать в лицо,
Открытой воинскою грудью…
Не по приказу на орудье
Бросался, выдернув кольцо.
Ее привык встречать в лицо.

ПАМЯТЬ

Уже ворчим по-стариковски,
Во всеуслышанье хрустим
Хондрозом, о годах грустим,
Где нам жилось совсем непросто…

Но были на ногу легки,
Казались покороче версты,
За пряник хлеб считал*и* черствый,
С ладони пили из реки…
Задумчивые васильки
Заглядывали прямо в душу,
Мы соловья умели слушать,
А чувства были так робки…

Нас память держит на плаву
И стерегут воспоминанья.
К ним в добровольное изгнанье
За облаками вслед плыву.
А память держит на плаву.

ПОСТАВИМ ПАМЯТЬ В КАРАУЛЫ

Мы не были на той войне.
Зато там были наши деды.
И не считали свои беды.
За всех сгорали в том огне.

Мы не были на той войне.
Но на стене портрет солдата…
Лицо, похожее на брата,
С винтовкой старой на ремне.

Мы не были на той войне.
Нам бабушка читает письма,
Что дед прислал ей из-за Вислы,
И плачет, прислонясь к стене…

Там, в незнакомой стороне
Есть одинокая могила…
Прощенья бабушка просила,
Что не смогла побыть на ней,
Ему представить сыновей…

Она сейчас на той войне…
Поставим
память
в караулы.

**

Как умирать он не хотел…
Цеплялся лишь одним сознаньем
За свод небесный …с опозданьем
Сверлила мысль, что не успел

Он дописать письмо домашним,
Мол, все в порядке. Жив, здоров…
Да вот закон войны суров.
Вернуть бы снова день вчерашний…

Но наползала темнота…
Лишь огонек в конце туннеля,
Не понимая, что расстрелян,
Старался разомкнуть уста…

Но наползала темнота…

**

Овсянников – Заярский Валентин Петрович родился 20 июля 1934 года в городе Волноваха Донецкой области. В Нижневартовск приехал в 1974 году. Работал на руководящих должностях в системе «Главтюменнефтегаз», в объединении «Нижневартовскстрой», тресте «Нижневартовскструбопроводстрой». Автор 15 книг, вышедших в издательствах «Приобье» г. Нижневартовска и «Средне - Уральском книжном издательстве» г. Екатеринбурга.
Член Союза российских писателей.

ЛУЧИ, КАК СТРЕЛЫ.

Когда *по* небу тучки жмутся,
Лучом последним наслаждаясь,
В груди восторга нити рвутся,
Про все на свете забывая.

День был, и нет его ...умчался,
Ложатся тени к горизонту,
Жаль тишине простор достался,
И ветру не штормить по фронту.

Все замирает: даль и небо,
Лучи, как стрелы золотые,
Ещё пылают непоседы,
Меня манят в миры большие.

2004 г.

**

АХ, БЮРОКРАТ!

Ах, бюрократ!
Какой же бюрократ!
Как «колобок»
уходишь от вопросов.
Ты год назад,
казалось, был так рад:
Я так *балдел*
от ласковых расспросов.
Тогда ты только,
только в «кресло» сел,
И через край
лилась твоя любезность,
А нынче ты
пошел на «беспредел»,
И впрямь ушло,
сбежало слово «честность».
Ты оградил
себя «секретарем»,
Надежно,
как за каменной стеною…
Как ты в глаза
смотреть *будешь* потом,
Когда вдруг жизнь
сведет меня с тобою?

2004 г.

Наверно для этого?!

Тоскою пронзает
душу мою,
А я все пытаюсь
поверить в Судьбу,
Стремлюсь осознать
для чего мы живем
И жизненный Крест
всё туда ли несем?
Мы многое делали,

вижу, не так,
Но нынче, но нынче –
не меньший *бардак?*
Труд цель потерял,
ни кому не секрет,
А пьянство несет
околесицы след.
Куда не посмотришь,
куда не пойдешь,
Одно огорчение
всюду найдешь…
А как бы хотелось
увидеть подъем,
Наверно для этого
все мы живем?!

2004 г.

Ханты: «Из истории знакомства»

КУЛЕМЗИН В. М. -
профессор кафедры археологического и исторического краеведения Томского педагогического университета, доктор исторических наук.

Югры, остяки, ханты – три названия одного и того же народа. Самым точным является последнее, в котором заложено древнее самоназвание *кантах, хантэ*, что означает и `народ`, и `человек`. В советское время оно стало официальным названием этноса, но и в зарубежной научной литерагуре по сей день употребляется и прежнее – остяки. Происхождение последнего слова имеет разные объяснения, и одно из них возводит термин к самоназванию *ас-ях* `обские люди`. *Югра* – это коми-зырянское и русское название предков хантов и близкородственных им манси, которых прежде называли вогулами. Оно известно по письменным источникам с XI в., но к XVII в. исчезает из них, чтобы через два столетия возродиться в научной литературе. В XIX в. было установлено, что ближайшие родственники хантов и манси по языку – венгры и возникло понятие «угорские языки и народы». Хантов и манси в отличии от венгров стали называть «обские угры». Их языки относятся к более широкой лингвистической общности – финно-угорской группе уральской языковой семьи. Термин «Югра» обладает какой-то притягательной силой для современной хантыйской и мансийской интеллигенции, он становится символом собственного языка и культуры. В 1989 г. в Ханты-Мансийском округе родилось народное движение «Спасение Югры».

В настоящее время основная масса хантыйского населения проживает в Тюменской области. Если учитывать административное деление, то основные районы их расселения – Нижневартовский, Сургутский, Октябрьский, Ханты-Мансийский, Белоярский и Березовский в Ханты-Мансийском автономном округе и Шурышкарский, Приуральский в Ямало-Ненецком автономном округе. Небольшая часть народа живет на Севере Томской области, в Каргасокском и Александровском районах. Общая численность хантов, по переписи 1989 г., – 22 283 чел. Их исконные поселения и угодья располагались в последние

века по бассейнам Иртыша и Оби с притоком рек Демьянка, Конда, Васюган, Вах, Аган с Тромъёганом, Юган, Пим, Салым, Казым, Назым, Сыня, Куноват, Собь. По данным русских документов XVI в., хантыйское население проживало и западнее, по Северной Сосьве, Туре, Чусовой, где позднее стали преобладать манси. Южными соседями издавна были татары и томско-нарымские селькупы, восточными – кеты и переселившиеся на Таз и Турухан селькупы, а также свободно кочующие эвенки, северными – ненцы. С начала XVII в. шло активное освоение Сибири российским населением, а коми проникали сюда еще раньше. Естественно, что в пограничных районах люди поддерживали контакты, учились друг у друга языку и разным ремеслам, женились. Но не всегда отношения были мирными. В хантыйском фольклоре немало преданий о военных сражениях, особенно с предками ненцев, татар. Сейчас это – не более чем факт истории. Один из наших рассказчиков так закончил повествование о каком-то из сражений: «А теперь ханты, ненцы – все вместе живут».

Исторически сложилось так, что хантыйское население не было однородным ни по языку, ни по культуре. Одни ученые разделяют хантыйский язык на две крупные группы – западную и восточную, а другие еще подразделяют западные диалекты на южные и северные. Согласно первой точке зрения, западные, т.е. северные и южные, ханты говорили на трех диалектах: обдорском, приобском и прииртышском, но последний теперь практически исчез. Восточное наречие имеет два диалекта: сургутский и вах-васюганский. Существуют и другие классификации хантыйского языка. Различия между диалектами проявляются в фонетике, морфологии и лексике. Между удаленными диалектами они настолько велики, что некоторые ученые считают возможным говорить о существовании не одного, а нескольких хантыйских языков. Вот несколько примеров общих и различающихся терминов у двух групп, проживающих сравнительно недалеко друг от друга – в бассейнах рек Казым и Тромъёган (в соответствующем порядке): белка – *лангки, лангки*; внук – *хилы, мокмок*; дом – *хот, кат;* здравствуй – *вуся, петявола*; имя – *нам, нэм*; карась – *маланг хул, муги*; крыльцо – *хот ов елпи, лэпынг;* лодка-долбленка – *хоп, рыт;* лошадь – *лов, лэх*; платок – *ухшам, суминьтах*; рубашка – *ернас, ернас*; рыба – *хул, кул.*

Письменность была создана для хантов советскими учеными в 1930-1950 гг. на шести диалектах и говорах: обдорском, казымском, среднеобском, шурышкарском, ваховском, сургутском. Художественная литература в настоящее время выпускается в основном на трех диалектах – шурышкарском, сургутском и казымском.

В антропологическом отношении ханты являются наиболее характерными представителями уральского антропологического типа, к которому относятся также манси, селькупы и ненцы. Самые близкие родственники хантов по происхождению, языку и культуре – манси; особенно близки северные группы. Не случайно многие путешественники и ученые с давних пор говорили о них вместе, а созданный на их территории округ получил двухчастное название.

Вещный и духовный мир хантыйского этноса складывался веками, если не тысячелетиями. За столь долгую историю было выработано два фонда культуры: один общехантыйский, а другой – групповой. Реалии общехантыйского культурного фонда: способ приготовления жарено-копченой рыбы, большие крытые лодки, закрывание лица женщины перед старшими родственниками мужа, медвежий праздник, богатейшее декоративно-прикладное искусство и др. Нужно заметить, что многое из этого фонда известно не только у хантов, но и у других народов. Особенности же объясняются тем, что расселился народ очень широко и у отдельных его групп оказались разные географические условия, неодинаковыми были и традиции соседних народов. Не удивительно поэтому, что ханты Томской области, например, вообще не знали оленеводства, а в Ямало-Ненецком округе тот же народ подстраивал свою жизнь под привычки оленя; первые могут по-настоящему насытиться только рыбой, а вторые – мясом; первые никогда не жили в чумах, а у вторых это основное жилище. Особенности такого рода можно объяснить различными природными условиями. Но чем объяснить отличия между двумя соседними группами, например пимской и казымской? В первой женщины носят одежду, запахивая одну полу на другую, а во второй полы распашной одежды стыкуются, но не запахиваются. В первой для ребенка изготавливают строгую дощатую колыбель, а во второй – узорную берестяную. Почему мастерица на р. Аган выскабливала орнамент по бересте свободным движением руки, а на Казыме рука как бы сдерживалась и узор получался более строгим?

Список подобных «почему?» может быть очень длинным, вот лишь некоторые примеры. В социальной организации, религии и фольклоре северных хантов большую роль играет деление народа на две половины – Пор и Мось; у восточных же хантов на их месте выступают три группы – Лося, Бобра и Медведя. У первых было обыкновение изготовлять изображения умерших людей, а у вторых – нет. В фольклоре северян у священного зверя медведя больше подчеркивали его небесное происхождение, а на востоке – земное.

Несомненно, между отдельными группами были контакты, и слухом о «других хантах» полнилась земля, но вряд ли, например, васюганские ханты имели представление о сынских. Сейчас территориальные барьеры в какой-то мере снимаются. Например, в Ханты-Мансийском Доме народного творчества работают представители казымских, аганских, васюганских хантов, и им известно, насколько богата и разнообразна культура народа в целом.

Особенности занятий, традиций, верований требуют долговременного и тщательного изучения каждой группы в отдельности. Пока наука не выполнила такой задачи. И, видимо, по этому до сих пор нет солидной работы общего характера о традиционной культуре этого народа, хотя подобные книги о соседях – ненцах, кетах, татарах – уже изданы. Правда, уже в 1715 г. Григорий Новицкий написал книгу «Краткое описание о народе остяцком» – первое крупное сочинение по народам Сибири. Оно касается почти исключительно южных хантов, но тем-то и ценно, ибо сейчас эта группа едва ли не полностью утратила свой язык и национальную культуру. Почти полтора столетия после Г. Новицкого никто всерьез не занимался изучением хантов, хотя интересные сообщения о тех или иных традициях, обычаях время от времени появлялись в печати. В 1840-х гг. сразу двое молодых исследователей – финн А. М. Кастрен и венгр А. Регули – заинтересовались своими далекими родственнниками. Один увлекался языками, другой – фольклором, оба долго жили и путешествовали в Сибири. Они работали независимо друг от друга, но их человеческие судьбы оказались сходными: собрав огромный материал, оба умерли сравнительно молодыми от перенапряжения и подорванного здоровья, оставив после себя многочисленные опубликованные и еще не опубликованные работы.

Следующий всплеск интереса к хантам приходится на конец XIX – начало XX в. В 1880-х гг. финн А. Алквист опубликовал на хантыйском и немецком языках собранные им фольклорные тексты и исследование «О языке северных остяков», а затем на немецком – описание своего путешествия «Среди остяков и вогулов». Из отечественных авторов нужно назвать лесничего А. А. Дунина-Горкавича, издавшего в начале XX в. три тома своего труда «Тобольский Север» с детальным описанием разных сфер жизни коренных народов. У экономиста С. Патканова неожиданно пробудился интерес к героическим сказаниям хантов, и он провел по ним увлекательное и вполне профессиональное исследование. Его труды «Иртышские остяки и их народная поэзия», «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям» изданы на русском и немецком

языках. Героический эпос – предмет увлечения и венгра Й. Папаи. Он был послан для расшифровки записей А. Регули, но собрал и собственный богатый материал. Записи того и другого составили семь томов и публиковались в Венгрии на хантыйском, венгерском и немецком языках с начала века до 1970-х гг.

На рубеже веков в течение нескольких лет подолгу жили и работали среди хантов финские ученые У. Т. Сирелиус и К. Ф. Карьялайнен. Первый дал подробное описание и анализ некоторых занятий и, так сказать, материальных объектов. Солидные работы Сирелиуса о жилище, домашних ремеслах и средствах передвижения вошли в сборники, но имеются также две отдельные книги: «О запорном рыболовстве финно-угорских народов» и альбом «Орнаменты на бересте и мехе у остяков и вогулов». Они опубликованы в Финляндии на немецком языке почти сразу после написания, а недавно там же увидели свет экспедиционные дневники У. Т. Сирелиуса с новой ценной информацией. К. Ф. Карьялайнен изучал разные диалекты хантыйского языка, и его «Остяцкий словарь», вышедший в 1948 г., – единственное в мире многодиалектное издание. Этому же автору принадлежит наиболее полное исследование и в другой области – его «Религия югорских народов» опубликована в трех томах в 1920-х гг. на финском и немецком языках. Вскоре в Финляндии увидели свет «Вогульские и остяцкие мелодии», записанные К. Ф. Карьялайненом и его соотечественником А. Каннисто. Срок издания фольклорных записей К. Ф. Карьялайнена наступил в 1970-х гг. Пока увидел свет один том – «Южно-остяцкое собрание текстов» на хантыйском и немецком языках. Все его работы опубликованы в Финляндии. Там же в 1980 г. изданы на хантыйском и немецком языках сразу четыре тома «Южно-остяцкого собрания текстов», записанного в самом начале XX в. еще одним финским ученым – Х. Паасоненом. Посетил одну из групп хантов и швед Ф. Р. Мартин, издавший в 1897 г. в Швеции свой труд «Сибирика» на немецком языке.

В 1920-е гг. на Северный Урал попадает еще подростком, жаждущим приключений, В. Н. Чернецов – самая яркая личность среди советских угроведов. Его этнографические экспедиции в Северо-Западную Сибирь продолжались целую четверть века. Среди хантов он работал немного – больше среди манси и ненцев, но каждая его статья или книга становилась настоящим открытием. Без его работ не понять древнюю историю хантов и их культуру. В.Н. Чернецов интересовался всем – и жилищем, и изобразительным искусством, и социальной организацией, и фольклором, и обрядами. Он же открыл и раскопал интереснейшие археологические памятники. Еще его

притягивали наскальные изображения Урала, и он написал о них книгу в двух частях. Работы В. Н. Чернецова издавались с 1920-х по 1980-е гг., и последними под названием «Источники по этнографии Западной Сибири» были опубликованы этнографические дневники.

В середине 1920-х гг. Комитет по делам народов Севера проводил экономическое обследование. К хантам с этой целью ездили Г. Старцев и М. Б. Шатилов, но они изучали и другие стороны жизни народа. Вскоре у первого вышла небольшая книга «Остяки», а у второго более основательная работа «Ваховские остяки». В 1930-х гг. участвует в создании письменности для хантов Н. Ф. Прыткова. Тогда начинается, а в трудные военные годы продолжается ее собирательская работа. Позднее было опубликовано глубокое исследование Н. Ф. Прытковой по одежде хантов. Вместе с В. Н. Чернецовым она помогла Е. Д. Прокофьевой написать большой очерк о хантах и манси в солидном томе «Народы Сибири».

В 1930-х гг. собирал материал по хантыйскому языку и фольклору немецкий ученый В. Штейниц. Он работал среди студентов только что созданного в Ленинграде Института народов Севера и совсем недолго в Сибири. Его записи и исследования издавались уже тогда, а после 1975 г. на хантыйском и немецком языках они переизданы в ГДР в виде четырехтомника «Остяковедческие труды». Жители некоторых хантыйских деревень, видимо, помнят, как в 1980-х гг. немецкие кинематографисты снимали фильм о В. Штейнице. В годы работы в Институте народов Севера он был учителем будущего хантыйского ученого Н. И. Терешкина, который в 1940–1950-х гг. собрал на разных диалектах родного языка огромный материал по языку и фольклору. Им была задумана серия «Очерков диалектов хантыйского языка», но при жизни собирателя вышла только первая часть: «Ваховский диалект», а через 20 лет «Словарь восточно-хантыйских диалектов». Ценнейшие фольклорные записи Н. И. Терешкина, так и не увидев света, хранятся сейчас в семейном архиве.

В 1950-х гг. начинается серьезное изучение изобразительного искусства обских угров. В Финляндии была издана солидная работа Т. Вахтер по орнаменту. В эти и последующие годы публиковал свои исследования известный советский ученый С. В. Иванов. Кроме статей он выпустил три книги: «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири», «Орнамент народов Сибири как исторический источник», «Скульптура народов севера Сибири», где по интересующей нас теме имеются большие разделы.

С 1950-х гг. обско-угорской этнографией занимается З. П. Соколова. Вначале вышли ее статьи по жилищу, затем по религиозным верованиям, этнической истории и современным процессам; но более

всего исследователя интересовали вопросы, изложенные в книге «Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.». Ею написаны научно-популярные книги «Стана Югория», «Путешествие в Югру».

1960–1970-е гг. дали новое поколение венгерских исследователей, имевших возможность вести сбор материала только среди хантыйских студентов в Ленинграде. Из них Я. Гуя и К. Редеи опубликовали в США каждый свою остяцкую хрестоматию на английском и хантыйском языках, а последний еще и «Североостяцкие тексты (казымский диалект) с очерком грамматики» на немецком и хантыйском языках в ФРГ. Несколько лет назад вышла «Остяцкая хрестоматия» Л. Хонти на венгерском и хантыйском языках. В Венгрии же издано и исследование М. С. Бакро-Надь «Термины медвежьего культа в обско-югорских языках». Среди работающих сейчас наряду с этими авторами нужно назвать и Э. Вертеш, которая готовила и продолжает готовить упомянутые выше фольклорные записи Х. Паасонена и К. Ф. Карьялайнена. Первый зарубежный исследователь, получивший после 1930-х гг. возможность недолго поработать в Ханты-Мансийском округе, – это венгерская аспирантка Ленинградского университета Е. Шмидт. Ее фольклорные записи 1980-х гг. увидели свет в Венгрии. Заканчивая этот сюжет, заметим, что многие зарубежные издания, даже старые, можно получить и сейчас в обменных фондах.

Мы почти ежегодно ездим в научные экспедиции к хантам последние два десятилетия. О том, что нас интересует, можно узнать из книг, которые мы написали вместе – «Васюганско-ваховские ханты» и «Материалы по фольклору хантов» – либо каждый самостоятельно: В. М. Кулемзин – «Человек и природа в верованиях хантов», «Шаманство васюганско-ваховских хантов»; Н. В. Лукина – «Альбом хантыйских орнаментов», «Формирование материальной культуры хантов», «Мифы, предания и сказки хантов и манси».

Приведенный перечень включает далеко не все имена и работы угроведов. Названы лишь авторы самых больших работ, но и среди малых есть настоящие жемчужины, которые перечитывает каждое новое поколение исследователей либо просто заинтересованных людей.

Следует отметить, что те моменты истории и культуры хантов, которые привлекали внимание своей яркостью, необычностью, были отмечены уже в ранних описаниях, а позднее нашли отражение в специальных исследованиях. Это касается прежде всего верований, танцев, фольклора. Гораздо меньше внимания уделялось материальной сфере бытия, почему иногда складывается впечатление об отсутствии особенного в ней. Мы здесь попытались избежать членение живого организма культуры на материальную и духовную составляющие.

Вагатова - (Волдина) Мария Кузьминична родилась в д. Юильск, Березовского района Тюменской области в многодетной семье ханты - оленевода. Окончила Ленинградский педагогический институт имени А. Герцена.

Работала учителем, заведующей интернатом. С 1965 года живет в Ханты-Мансийске. Много лет работала редактором газеты «Ленин пант хуват».

В 1971 году были опубликованы ее первые стихи на русском языке. С тех пор она автор во многих периодических изданиях страны. Автор нескольких поэтических сборников.

Лауреат международной премии имени Кастрена, кавалер ордена Почета, заслуженный работник культуры РФ.

Член союза писателей России.

Сценки для медвежьих игрищ

С детства знакомые обычаи, традиции живут в моем сердце и легли в основу этой сценки медвежьих игрищ, вошедших в репертуар нашего семейного ансамбля «Ешак най».

Мой дед Николай Александрович Вагатов подобное пел, рассказывал, когда отец медведя домой привозил. Я тогда была ребенком трех-пяти лет, но до сих пор слышу эти песни, поэтому решила их оживить и придумала для Сяси Ими слова, чтобы моим внукам можно было петь и танцевать. Впервые эту сценку мы с внуком Павликом показали в Венгрии, это было в 1996 году. В этот же год с родственником Ефимом Николаевичем Волдиным показали в Финляндии, когда ставили медвежье игрище. Затем несколько раз исполняли на концертах. В этой книге я решила выделить медвежьи игрища в особый раздел, чтобы вы имели возможность прочитать, выучить и исполнять их на сцене. Я верю, медвежьи игрища снова займут свое достойное место в жизни нашего города. «Большие» – святые песни записаны нашими учеными, хранятся в архивах, издаются отдельными книгами, мелодии этих песен тоже записаны. Значит, есть надежда, что эти песни запоют люди следующих поколений, возродят давно забытое. Я верю, придет это.

Песни камлания Сяси Ими

Первая песня

Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох! Ренгхатайе! Ренгхатайе!
На спине густого леса,
Между рядом стоящих деревьев,
Пусть станет лесной хор-олень
И ждет стрелу, выпущенную моим внуком.
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Вторая песня

Хилыео! Холыйео!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
На горбу высокого холма, покрытого лесом,
В верховье реки, укрытой со всех сторон деревьями,
Пусть станет лось-самец.
Пусть ждет стрелу, выпущенную из лука моим внуком.
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Третья песня

Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
Что за несчастливый день настал для нас,
Что за горестное время пришло к нам!
На водную дорогу встань,
На лесную дорогу сходи.
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
В сердце густого, темного леса,
В середине высокого холма, покрытого густым лесом
Святой зверь – сын Бога,
Святой зверь – дочь Бога.

Может, ты ждешь моего внука,
Может, ты выкажешь себя моему внуку.
Может, ты обрадуешь наш дом,
Может, сделаешь счастливым и видным наш дом
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

КАРАНГ ВЕНШ, СУТАРЕНГ ВЕНШ

(По хантыйским легендам, песням)

Дом, где сидит тундровый зверь,
Дом, куда вошел небесный зверь,
Множество мужчин, вошедших в дом,
Множество женщин, вошедших в дом,
Вы послушайте,
Вы посмотрите.
Множества женщин место для танца
Вон мы открыли, сделали.
Множества мужчин танцевальное место –
Вон мы встали в танец.
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Множества женщин место для танца –
Вон она тоже встала.
Множества мужчин танцевальное место –
Вон она тоже пришла.
Руки проворны ее,
Красиво и чудно ведет свой танец.
Ноги проворны ее,
Красиво танцует она.
Кисти ее красивого платка
Вон как радуют нас.
Края платка с кистями –
Вон как она машет, ими играет.
Я подумываю,
Я надеюсь, что
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Имеет лицо, подобное цвету крови зайца – алое.
Еще я подумываю,
Еще я надежды ловлю,

Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Своей суженой
Я буду звать,
Я ее буду сватать.
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Руками проворными, красивыми
Вон она как танцует,
Ногами проворными, чудесными
Вон она как танцует,
Я подумываю, как увидеть ее лицо,
Я надеюсь увидеть красоту ее.
Каков цвет ее лица,
Каков цвет ее тела?
Кончик красивого платка с длинными кистями
Пусть бы зацепился за
Руку мою с пятью пальцами.
Края цветастого платка с длинными кистями
Пусть зацепился бы за
Руку мою с пятью пальцами.
Этого города святой женщины дочь,
Этой деревни святого мужчины дочь
Продолжает проворный красивый танец,
Кончик красивого платка с длинными кистями
За мою руку зацепился,
Кисти цветастого большого платка
Зацепились за мою руку
С пятью пальцами.
Я тут же сдернул этот платок!
Дети, ха-ха-ха!
А я-то подумывал:
Этого города святой женщины дочь,
Этой деревни святого мужчины дочь,
Она проворно, красиво танцует.
Руками, ногами проворно она танцует.
Дети, ха-ха-ха!
Подобный дятлом продырявленному дереву Каранг Венш,
Он, оказывается сюда прикатил.
Дятлом покарябанный Сутаренг Венш,
Он здесь среди людей, сюда притащился.
Как дятлом продырявленное дерево –

Сутаренг Венш,
Он меня веселит.
Как дятлом испещренное дерево –
Каранг Венш,
Он меня танцем забавляет.
Дети, ха-ха-ха!
Мне очень радостно и весело!
Мне ведь весело и счастливо от этого!

Эту песню-танец я написала по старинным легендам, песням, инсценировкам, которые помнились с детства, и сохранившимся в памяти отдельными фрагментами.

Говорят, много людей при выборе невест, женихов ошибались. Поэтому в жизни случается, когда юноша в жены берет пожилую женщину, а молодая девушка может выйти за старого мужчину. А как они живут-поживают – об этом только они знают.

Говорят, медведь очень много раз ошибался на медвежьих игрищах. За свою жизнь мне приходилось много раз побывать на медвежьих игрищах: в Амне, Юильске, Помуте, оленьих стадах в тундре. Я росла и жила со старшими людьми... Сколько чудесных сказаний, легенд от них слышала, они в моей душе и не могут потеряться. Вот такая песня и вышла, под нее легко танцевать...

Танцуют женщины и мужчины, появляется Каранг Венш, Сутаренг Венш. Он одет в мужскую одежду, на лице берестяная маска, а сверху накрыт большим цветастым платком с длинными кистями. Каранг Венш, Сутаренг Венш должен танцевать женский танец, а когда платок сдернут – он танцует мужской шуточный танец, цель его – смешить, развлекать людей.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Затяжная весна опустошает лабазы, делает жизнь больной.

Руки без жил что ли?

Твои руки не жилами закреплены...

Если человек хороший, то всем расскажи о нем, только ему об этом не надо говорить.

А если человек плохой, то никому не надо говорить о нем, даже ему самому.

Земля без женщины мертва, а без мужчины жизни нет.

Ты не солнышко.

Во рту пена кипит, а не поймешь, что говорит.

Рога что ли выросли, в дом не вмещаешься?

Не от тебя восходят Солнце и Луна.

Кузьмина Альбина Семеновна родилась в Сибири, по национальности ханты. Окончила Томский политехнический институт. С 1976 года живет в Нижневартовске. Работает редактором телерадиокомпании «Югория». Автор книг «На священных берегах Ваха», «Мой Нижневартовск», «Главный лесничий». Руководитель городского литературного объединения «Замысел». Кандидат культурологии. Член Союза писателей России.

БОРЬКА-ОСТЯК

рассказ

Прозвенел звонок с перемены. Очередь в школьный буфет рассеялась в тот момент, когда Александра протянула руку с мелочью и протараторила:

– Две булочки и стакан киселя!

– Все! Звонок на урок! – проговорила буфетчица и быстро захлопнула дверцу перед ее носом.

– Только булочку! – в сердцах крикнула Александра, глотая слюнки свеже-пахнущей ароматной выпечки. На нее не обратили внимания.

– Эх, не повезло! – и, недовольная, она отправилась в класс.

Начинался последний урок. И теперь ей голодной добираться домой. Целых пять километров!

– Здравствуйте! – прозвучал голос немки, запыхавшейся к началу урока.

В классе было душно. Учительница подошла к окну, приоткрыла створку.

– Кто дежурный? – спросила она, взглянув на исписанную мелом доску.

Звали учительницу – Клара Фридриховна. Все говорили: «Она истинная немка! И имя у нее немецкое». Голос учительницы был тихим, слегка приглушенным, и от этого казалось, что она не смеет прикрикнуть на ребят, как некоторые. Ростом она была высокая и худая.

Волосы длинные и черные, собраны в густой пучок на затылке. Недавно в классе узнали, что она вышла замуж за местного охотника–ханты из рода Лазаревых. В перерывах между уроками она убегала домой, и в классе догадывались: к маленьким детям. Зато, когда с охоты возвращался муж, она часто засиживалась с отстающими учениками в школе допоздна.

И все-таки учительницу немецкого языка в классе не любили. Часто мальчишки кричали ей вслед обидные слова: «Немка! Немка идет!» Она не обижалась, понимала: были на то причины. Слишком много горестного принесла война с фашизмом. Почти в каждой семье – погибшие в той войне. Из тех немногих, вернувшихся с фронта, – тяжело раненые и калеки. Мальчишки ненавидели ее предмет. Она это знала.

Пока дежурный вытирал доску, класс шуршал страницами.

– Кто готов отвечать? – спросила Клара Фридриховна, глядя в журнал. – Начнем с домашнего задания.

«Что же нам задали, черт? Хоть бы меня не спросили!» – так наверное, думал в тот момент каждый, листая учебник.

– Кто будет отвечать? – вздохнула она, проводя ручкой по журналу.

– Ну, что же? Борис Лазарев пойдет к доске.

Класс облегченно вздохнул: «Пронесло!»

Раскачиваясь из стороны в сторону, Борька с неохотой поднялся из-за парты. Он был рослый, с бронзовым северным загаром и густыми отросшими волосами. Каждое лето Борька пропадал с отцом на стойбище, которое находилось в нескольких километрах от деревни, за дальним поворотом речки Казымки. «Не стойбище, а целая деревня», - так поговаривала Борькина мама, когда они всей семьей после зимних холодов поселялись здесь. Стойбище Лазаревых располагалось в густом темно-зеленом кедраче, укромно спрятанном в лесной зоне. Все лето и осень семья занималась заготовкой рыбы, лесных ягод и кедровых орехов. Борька с отцом часто пропадали на охоте, пасли своих оленей.

Только к школе Борька возвращался в деревню. Иногда он жил в пришкольном интернате. Воспитатели любили его и, когда по приезду родителей в село, он уходил домой, скучали по нему. Борька любил возиться с малышами, приносил для них с рыбалки чуть трепещущих чебачков, мастерил ножом игрушки из куска дерева, учил пилить, строгать. Да и в школе чуть что, – сразу к нему: «Боря, починишь стул?», – он никогда не отказывал. Его авторитет среди ребят был непререкаем. Оттого, наверное, никто из мальчишек не перечил ему: «Как Борька сказал, так и будет!»

– Итак, что было задано? – спросила Клара Фридриховна, не глядя на него.

После затянувшейся паузы Борька вдруг заговорил по-хантыйски. Класс развеселился: половина учеников понимала язык. Клара Фридриховна слегка покраснела, сняла очки.

– Что все это значит?

– Все равно на немецком говорить не буду! – категорично заявил он.

Учительница отвернулась к доске, спокойно обернула бумагой мел, написала на доске дату и тему урока.

Борька стоял, опустив голову.

– Продолжайте, теперь по-немецки, – нашлась Клара Фридриховна.

В классе стало тихо.

– Что же, молчите? – переспросила она.

Борька переминался с ноги на ногу. Класс напряженно ждал.

– Как ни печально, Борис, но на уроке немецкого языка, – учительница медленно выговаривала каждое слово, – будьте добры, отвечать на немецком. А на хантыйском говорите дома.

Она вновь подошла к доске, немного помедлила и записала задание на дом.

Казалось, учительница немецкого языка никогда не обижалась. Ее терпению можно было позавидовать. Не случалось такого, чтобы она «вышла» из себя. В школе никто не слышал, чтобы она когда-то повысила голос. Иногда даже хотелось крикнуть: «Да что тут нянчиться! Выгнать из класса – другим не повадно будет».

И в этот раз Клара Фридриховна была спокойна. Наклонив голову, принялась заполнять журнал. Негромко сказала:

– Лазарев! Вы задерживаете весь класс.

– Я отвечать – не буду!– вдруг закричал Борька. – Не буду, не буду…

Он хлопнул крышкой, и – уселся за парту.

– Кто поможет своему товарищу? – также спокойно спросила учительница.

Никто не поднял руки.

– Понятно, – со вздохом произнесла Клара Фридриховна. – Весь класс не выучил уроки, придется оставить всех после занятий.

Девчонки зашикали на расшумевшихся мальчишек, которые уже предчувствовали срыв урока.

– Прекрати, Борька! – не выдержала Александра, сидевшая за передней партой.

Он, передразнивая ее, состроил «кривую рожу» и показал язык.

Александра рассердилась, резко повернулась, облокотилась на парту, за которой он сидел и, ухватившись рукой за Борькин пиджак, слегка толкнула его кулаком в грудь:

– Чего вредничаешь?!

– Ой-ой! – скривился он в усмешке: – Меня обижают...

– Ты что, весь класс подводишь?

Борька посерьезнел, нахмурился и зло пробубнил:

– Замучила своим фрицевским!

– Ну, что ж, продолжим урок, – сказала Клара Фридриховна. – А с тобой, Борис, будем заниматься дополнительно. Кстати, почему вы без разрешения учителя сели за парту? – спросила она, направляясь к Борьке.

Он торопливо открыл портфель, лихорадочно засовывая учебник. Громыхнул крышкой парты, уже на ходу выкрикнул:

– Папка сражался с фрицами! Брат погиб! А я тут стану раскланиваться перед ними?! Я хорошо говорю на родном языке, и мне этого – хватит! Сначала сами выучите наш язык! Вам ли его не знать!? А вы не знаете, не знаете! – громко крикнул Борька.

Подбросил портфель в воздух, поймал на лету и сунул подмышку, затем перепрыгнул через парту от приближающейся к нему учительницы и выбежал.

Класс замер.

– Я пожалуюсь отцу! – растерянно глядя Борьке вслед, досадовала Клара Фридриховна. Лицо ее вспыхнуло, отвернувшись к окну, она дрожащим голосом произнесла:

– Разве я виновата, что учу вас немецкому? – Достала из кармана носовой платок. – Зачем он так? Дома совсем другой.

В классе стояла такая тишина, что муха пролетит – слышно. Так вот оно что! Вдруг всем стало понятно, что учительница приходится Борьке – мачехой! Эх, не показывать бы ему своей неприязни к ней, а он наоборот: дома был тише воды, ниже травы, а здесь – хорохорится.

Поборов смущение, Клара Фридриховна чуть слышно сказала:

– Давайте, продолжим занятие.

Девчонки зашептались между собой.

– Я сейчас. Я верну его! – вдруг воскликнула Александра и выбежала из класса.

«Ну и что, что она – его мачеха! – стучало в голове. – Не срывать же из-за этого урок! Пусть извинится перед Кларой Фридриховной...»

Оглядываясь по сторонам, она бежала по дороге к реке.

Борька сидел на обрыве, свесив ноги под яр, и бросал камни в воду.

Он даже не обернулся, когда Александра села рядом и тоже бросила камень.

К берегу причалила лодка. Пока рыбак – Евлампий Неттин, успел вытащить корзину с рыбой и бросить якорь на берег, Александра насмелилась и спросила:

– И тебе не стыдно, Борька? У тебя совсем, ну, совсем нет ни капельки жалости!

Он молчал. Потом отложил в сторону очередной камешек. Вдруг схватил Александру за плечи и крикнул:

– Не лезь, куда тебя не просят! Кто тебя сюда звал?

Александра испугалась, почувствовав на плечах его крепкие руки.

– Дурак! Я сбежала за тобой с урока, а ты? – зажмурив глаза, говорила она.

– Я остяк! Я упрямый остяк! – крикнул ей в лицо Борька. – Она все время поправляет меня, называя ханты. Мои бабушка и дедушка были остяками. Раньше так называли нас!

– Она у тебя задание спрашивала, а не обзывала, – не сдавалась Александра. – Что ты злишься? Урок сорвал уже в который раз!

– Не лезь, куда тебя не просят! – членораздельно еще раз повторил Борька.

Он резко взмахнул рукой, бросил очередной камень в реку. Александра глянула вниз и обмерла.

– Мы же свалимся! – охнула девчонка. У нее закружилась голова, и она съежилась, ухватилась за Борькину руку. Чтобы не упасть, поползла от края обрыва, повторяя: – Как страшно, как я боюсь!

– Трусиха! – крикнул Борька, оттаскивая ее от края обрыва.

– Я испугалась! – захныкала Александра.

– Мы же могли под яр сорваться! – разволновался он. – Слава Торуму! – поднял руки к небу.

– Ничего же не случилось, – насупилась она, отряхивая школьную форму.

Вдруг Борька обхватил ее голову руками, притянул к себе, и – поцеловал в волосы.

– Санька! Ты знаешь, как я за тебя испугался! – совсем неожиданно признался он. Схватил ее за руку и указал на зеленый островок среди крутоярья, в метре от обрыва: – Стой здесь, тут безопасно. Лицо его слегка покраснело, говорил он быстро и прерывисто, будто только что пробежал с ребятами наперегонки.

– Спасибо Борька, ты настоящий друг! Оказывается, ты можешь быть добрым! – сказала Александра, поглядывая на него.

– Я все могу!

– А ты можешь не кричать при всех на Клару Фридриховну?

– Да, – пробурчал Борька. – Но она отобрала у меня папку! – тихо произнес он и отчего-то загрустил.

– А как бы твой отец жил, он ведь раненым с войны вернулся! Зато теперь у тебя братья есть.

Задумчивый, он на мгновение расплылся в улыбке, и сказал:

– Они такие забавные. Им бы в чуме было хорошо!

Борька припомнил стойбище, и глаза его засветились словно звездочки. Он представил, как возьмет маленьких братьев Илюшку и Павку, подведет к кусту смородины и скажет: «Поблагодарите лесного духа. Поклонитесь. Потом только съешьте». Смородина крупная, в рот так и просится… А потом станет учить их, как надо собирать ягоды. И Клару Фридриховну надо учить… Она совсем не знает нашего леса: каждого шороха боится, где ветка хрустнет, – дрожит от страха. От комаров и то убегает…

– Эх, была бы мамка жива! – вздохнул Борька.

– Ты вправду не сердишься на Клару Фридриховну?

– Она на стойбище жить не хочет... Моя мама всегда с нами была, и все умела: и рыбу вялить, и оленят пасти. А какую рубаху мне бисером вышила, я до сих пор ее храню. По праздникам только достаю… А она ничегошеньки по-нашему не умеет. Немка и есть немка.

– Так и будешь мучить ее? Она возьмет твоих братьев – и уедет. Я бы уехала, – совсем по-взрослому сказала Александра.

– Ты чё? – испуганно встрепянулся Борька. – Нельзя! Папка с ней уедет.

– Вот и останешься сиротой. И все из-за немецкого…

Они сидели рядом на траве. Яркое как никогда солнце слепило глаза, отовсюду слышались заливистые переклики птиц.

– Сойки с синицами вон резвятся, – указал он на березняк, что у склона оврага. И вдруг полушепотом произнес:

– Я исправлюсь! – Помедлив немного, добавил: – При одном условии: если ты будешь сидеть за моей партой!

И тут же, боясь услышать отказ, затараторил:

– Тогда я буду немке отвечать! Честное пионерское! Я хорошо буду учиться! Вот увидишь! Я понятливый. Отец мне дал однажды ружье, сказал: «Учись!» – и я с первого раза в соболя попал!

– Значит, ты можешь хорошо учиться? Или надеешься у меня списывать?

– Ты не поняла. – Борька опустил глаза. – Я из-за тебя исправлюсь!

– Это как? Говори, – потребовала Александра.

– Потому что… потому что… ты мне нравишься! – пробормотал он и, словно скороговоркой, уже договаривал: – Я сейчас желание загадал: тут Борька с яростной силой бросил камень. Тот, долетев до середины реки, скользнул по водной глади, и – булькнул без единого всплеска.

– Видишь! Мое желание исполнится! – весело засмеялся Борька и хлопнул в ладоши.

Сложив руки рупором, он вдруг громко крикнул:

– Эге-ге! Ты согласишься за меня замуж пойти! – Он был в каком-то восторге.

– Ты что, с ума сошел?! – рассерженно толкнула его ничего не понимающая Александра.

– А что? Или думаешь, я остяк, так хуже всех? Ты обещала не сердиться. Я ведь так говорю потому, что ты лучше всех! И в классе всем нравишься. Я знаю, Вовка из восьмого класса твой ранец всю дорогу домой носит. А кто я?

– Ну что ты чепуху несешь: то немка, то остяк. Какая разница, знаешь? Лишь бы люди любили друг друга!

– Выговорив эти слова, Александра смутилась. Как показалось ей, Борька не такой уж неслух и озорник. Почувствовав на своем плече его руку, она помимо воли отскочила в сторону. Лицо ее запылало и она в растерянности не нашла слов чтобы возразить ему.

– Я буду много работать, – говорил Борька, – буду красиво тебя одевать! И немного погодя, решительным голосом добавил:

– Хочешь, я украду тебя! Хочешь, увезу тебя в наше стойбище? Знаешь, как там хорошо!

– Что ты мелешь! Чем у тебя голова забита! – закричала Александра, закрывая ладонями уши.

– Я прибежала просить тебя, чтобы ты перед Кларой Фридриховной извинился. А ты?! Болтаешь всякую несуразицу! – и со слезами бросилась к переходу.

Борька загородил ей дорогу: – Не сердись! Я больше не буду упрямиться, если ты будешь сидеть за моей партой!

– Я не обещала! – гневно крикнула Александра. – Всякую околесицу несешь, что только в голову взбредет!

– Подожди, – окликнул ее Борька, – а то свалишься вниз, потом отвечай за тебя! – он посторонился, пропуская ее на тропинку.

Александра бежала в школу, чувствуя на себе долгий взгляд Борьки. Какое-то незнакомое чувство не то тревоги, не то радости будоражило ее хрупкое девичье сердце.

– Я никому не дам тебя в обиду! – все время слышались слова, брошенные ей вдогонку.

Класс уже давно опустел. Александра собрала портфель и побежала догонять одноклассников. До своей деревни надо было идти по берегу реки, а потом через лес. Осенью, когда дни становились короткими, ребята все ждали друг друга, чтобы не страшно было идти через лес, где бродят медведи. И мальчишки брали с собой отцовские охотничьи ружья. Однажды, она упросила Леньку Беккер дать ей

выстрелить из ружья. И на удивление всем, она попала в засохшую ветку дерева. Мальчишки долго спорили, случайность это или такой прицел, а потом смеялись над собой.

– А вот Борька – какой-то другой, он будто хозяин леса… – догоняя ребят, думала Александра, не зная чем объяснить свое взволнованное состояние. Всю дорогу до самого дома Борькины слова почему-то не выходили у нее из головы…

Весь вечер Александра отвечала матери невпопад. Разболелась голова, и она раньше обычного легла спать. Ранним утром, едва приоткрыв глаза, торопливо оделась, и ни на кого не глядя, заторопилась в школу.

Уже за калиткой слышала доносившиеся ей вдогонку материнские слова:

– Куда в такую рань? Все ребята дома еще.

Шагать по лесной тропе было приятно. Александра уже не боялась никаких волков и медведей. На душе – спокойно, и хотелось побыть наедине со своими мыслями, которые нет-нет, да и возвращали ее к тем, сказанным вслед ей Борькиным словам.

В классе, к ее удивлению, Борька будто не замечал Александру. Ходил как-то степенно, был подчеркнуто тихий, даже чуть важный.

Так продолжалось неделю. Уроки немецкого языка никто не срывал. Клара Фридриховна была довольна. Однажды она принесла в класс патефон, все слушали и распевали интернациональные немецкие песни.

Борька все это время искоса поглядывал на Александру: по-видимому он не расстался с мыслью сидеть с ней за одной партой. Однажды соседка по парте Люська Мамарова плачущим голосом прошептала:

– Борька говорит, чтоб мы поменялись местами, а я не хочу.

Насупившись, к парте подошел Борька с портфелем под мышкой.

– Давай, уходи, – строго сказал он соседке. Почувствовав в голосе угрозу, притихшая Люська начала торопливо собирать учебники.

Он будто испытывал терпение Александры. Она ненавистно взглянула на него и покачала головой: – Еще и девчонок обижает!

Борька терпеливо выжидал.

К следующему уроку Александра заторопилась раньше. Борька уже сидел за ее партой.

– Ты не против? – тихо спросил он.

Александра отвернулась.

Борька сделал вид будто ничего вокруг не произошло: закопошился, стал доставать из портфеля книги, потом долго искал ручку, упавшую на пол...

Александра вздрогнула от звонка. За спиной донесся жалобный Люськин голос:

– Все равно я завтра сяду с тобой на свое место.

В ответ Александра пожала плечами:

– Как хочешь…

На уроке математики учительница заметила перемену:

– У нас перестановка мест «слагаемых»?

– Нина Ивановна! – затараторила Люська, – это я попросила, а то он опять мне кнопки на сиденье будет подкладывать!

– Ах, Борис, Борис! Ну, что ж, если вам так угодно... – сердито взглянув из под очков, согласилась учительница.

Александра облегченно вздохнула.

С этих пор Борьку словно подменили. Он и впрямь стал хорошистом, даже на немецком отвечал без запинки. Все заметили в Борьке перемены. Он как-то сразу повзрослел. Перед Александрой особо не заигрывал, но она всегда чувствовала на себе его пристальный взгляд.

Однажды во время большой перемены Александра как обычно, купила в буфете домашнюю булочку, стакан киселя. В проходе двери столкнулась с одноклассником Вовкой, который загородил ей дорогу и, – неожиданно чмокнул ее в щеку.

– Ты что? – едва успела крикнуть она, как Вовка тут же исчез за дверью, но вскоре, высунулся из-за косяка и крикнул:

– Какая недотрога! Кому-то дак, можно ее целовать! – хихикнул он.

– Что?! – опешила Александра. – Повтори! – она поставила стакан на край учительского стола.

– А что? Витька видел, как ты целовалась с Колькой! Что, покраснела? Ха-ха-ха, – крикнул он, выбегая в коридор.

От возмущения Александра сжала кулаки: «Ну, погоди!»

Перемена заканчивалась. Потянулись в класс ученики. В дверях показался Виктор. Широко улыбаясь, он дожевывал булочку.

– Так с кем ты видел меня? – медленно подходила к нему Александра и, не дожидаясь ответа, стукнула его по носу.

– Ой-ё! Чокнутая! – заорал Витька, закрывая лицо руками.

– Говори, говори при всех! – Александра дубасила его по спине...

Когда в класс вбежал Вовка, между ними завязалась драка.

– А я откуда знал, что ты пошутил! – писклявым голосом говорил Вовка, уворачиваясь от крохотных девичьих кулаков Александры. Тут он нечаянно зацепил на учительском столе стакан с киселем.

Кто-то подскользнулся, Вовкины очки упали на пол и раздался хруст. У Александры выпала заколка из волос. Косы растрепались. Вокруг

уже собрались ребята, словно онемевшие, они растерянно смотрели на дерущихся.

Неизвестно, чем бы все закончилось, но тут вбежал Борис. Увидев потасовку, стал растаскивать драчунов. Он схватил за шиворот Вовку и Витьку, наклонил лбами к полу.

– Она мои очки разбила! – вопил Витька.

– Не будете врать! – выкрикнула им Александра, размазывая по лицу слезы.

У Витьки была расцарапана щека, взбух красный нос, у Вовки оторваны пуговицы на рубашке.

– А ну, извиняйтесь! – закричал Борька, держа парней за грудки.

Мальчишки лепетали что-то невнятное.

– Я, Борька-остяк, с этого дня заклинаю! Отныне я буду кровным братом Саньки! Каждый, кто обидит ее – обидит меня! – грозно говорил он.

– Надо же… – протянул кто-то из девчонок, но школьный звонок заставил всех разбежаться по партам.

Вовка и Витька понуро хлюпали носами, вытирая разлившийся на столе кисель, собирали на полу осколки стекол.

После уроков Борька подошел к Александре, тихо спросил:

– Тебя проводить?

– Зачем? Я пойду со всеми, – отворачивая глаза, сказала она.

– Я свое слово держу! – отчего-то тяжело вздохнул он.

Всю дорогу домой, девчонки смеясь и шутя, вспоминали прошедший день. Оборачиваясь назад, загадочно шушукались и улыбались:

– Александра! Ну, посмотри, посмотри! – не выдержали они. – Борька за нами идет! Теперь он тебя всегда оберегать будет! Ох, и попадет кому-то от него…

Александра насупив брови, упрямо шла вперед, не оборачивалась. Она видела перед собой притихшего Борьку, и какое-то тревожное чувство не покидало ее. За поворотом она не выдержала, оглянулась. Борька одиноко стоял на высоком взгорье. Он все махал и махал рукой Александре вслед, будто навсегда прощался с чем-то самым дорогим в своей жизни.

Айваседа (Вэлла) Юрий Кылевич родился 12 марта 1948 года, с. Варъеган Нижневартовского района ХМАО, общественный деятель, писатель. Закончил литературный институт им. А. М. Горького. Был охотником, рыбаком, звероводом. Основал этнографический музей под открытым небом. Живет на стойбище.

Автор сборников: «Вести из стойбища», «Белые крики», «Охота на лебедей»

Член Союза писателей России.

Предлагаем мудрые мысли Ю. Айваседы из новой книги «Поговори со мной»

НА ТРОПЕ

Если из Нумто выйдешь пешком прямо на полуденное солнце, отыщешь людьми исхоженную тропу – значит верно идешь. Закончится бор, в тундру выйдешь. По вечным мерзлотам, вокруг озер тропа тебя поведет – иди.

Выйдешь на речке к рыбацкому запору с мордушкой, оглядись, где-то там должен быть котелок, сделай привал, отдохни, завари себе чайку.

Увидишь за рекой рослого мужчину навстречу тебе идущего, окрикни его: «Чайник скипел! Прошу к чаю!» Он в ответ: «О, кто-то здесь есть! Действительно жажда томит. Ну, угощай своим чаем!»

Легко, мимоходом из морды достанет щуку. Разделает и на костре испечет. Так в этот день попробуешь подавушку. И если во время чаепития он загадает тебе загадку, знай, тебе повстречался тот самый Татва.

(перевод с ненецкого автора)

ПЕРВЫЙ СНЕГ
(вольный перевод автора)

Выпал первый снег
Белый, белый, белый.
Вышел человек
Серый, серый, серый.

Видит – все в снегу –
Дом, ворота, сани,
Что готовы вдруг
В путь сорваться сами.

Видит, облака –
Сизые пушинки,
В воздухе парят
Легкие снежинки.

Тают на лице,
Падают на плечи,
Словно вот такой
Радуются встрече.
И стоит уже
Белый, белый, белый
Тот же человек,
Что был серый, серый.

Азбука для оленевода
(Триптих)

I. Поговорки оленевода
(7х7)

1. Если очень хочешь иметь оленя, за край подола Бабушки-Земли пойдешь.

2. Если на новом месте заводишь новое стадо, или меняешь пастбище, то самые трудные первые три года. Потом легче. Но никогда не бывает легко.

3. Если ступни твоих ног будут ступать туда, куда ступают копыта твоих оленей – ты имеешь шанс стать оленеводом.

4. Если у тебя родился сын или внук левшой, (может это судьба?), не старайся переучивать его. Оленеводу-левше удобнее, чем оленеводу-правше.

5. Построишь много километров кораля-ограды, но оленей не удержишь. Поставишь стойбище, поселишься вместе с детьми в нем – олени будут держаться вокруг жилища.

6. Не человек пасет оленя, а дымокур. Пусть всегда непрерывно вьется дымок над твоим стойбищем.

7. Олень, как сухой сучок на дереве, сделаешь неосторожное движение – сломается.

8. Устраивая свою жизнь, всегда в первую очередь думай и поступай так, чтобы было хорошо и удобно твоим оленям и их оленятам; и только во вторую очередь думай о себе и о своих детях. Помни, что если сегодня хорошо твоим оленям, то завтра будет хорошо вам.

9. Разожги дымокур до прихода оленей, а не после. Если твои олени три раза пришли, а дымокур еще не разведен, они могут больше не прийти.

10. Если пропал без вести олень, оленевод себе на поиски дает три ненецких года.* Если олень за это время не нашелся, вычеркни его из памяти.

11. Из дикого оленя воспитать домашнего можно, но только в третьем поколении. Отбить своих оленей от стада дикарей трудно, но возможно. Для этого Природа тебе отпускает всего три попытки в первые три дня, из которых наиболее вероятна только первая попытка. Потом это невозможно.

12. Не принуждай детей и внуков заниматься оленями. Сделай так, чтобы они сами для себя выбрали судьбу оленевода. Тогда жить им будет легко.

13. Забивая оленя, душу его отправь богам. Съев мясо, прибери кости. Никогда не оскверняй оленьи останки.

14. В разговорах с другими оленеводами будь внимателен. Слушай, спрашивай, запоминай. Но в жизни поступай так, как тебе подскажет сердце. Не копируй никого.

15. Если купил у кого-то олениху, забери ее до середины зимы. Во второй половине зимы беременная важенка считается как два оленя.

16. Споткнулся твой родственник, остановись, постарайся помочь ему. Упал любимый олень, переступи через него. Заботься о всем стаде, а не об отдельном олене.

* Лето – первый ненецкий год. Зима – второй ненецкий год. Следующее лето – третий ненецкий год и т. д.

17. Только удачливостью – ты не станешь настоящим оленеводом. Только трудом – ты не станешь настоящим оленеводом. Ты станешь оленеводом, если в тебе будут гармонично сочетаться и труд, и удачливость.

18. Если ты вырастил стадо, не жадничай – подари оленя хорошему человеку, помоги нуждающемуся безоленному. Но не перестарайся, никогда не подрубай основу, корень твоего стада. Ведь теперь стадо твое больше пренадлежит твоим детям и внукам, чем тебе.

19. Старайся следить за стадом. Не допускай, чтобы твои олени мешали твоим соседям. Особенно, если в их стадах оленей меньше, чем у тебя.

20. Белый олень красив, но он более хрупок, чем серый. Не позволяй, чтобы в стаде было много белых оленей. Но если родился пестрый олень, задумайся, все ли в твоем стаде в норме.

21. Если ты стал оленеводом, заключи договор с Чернолицым** такого содержания: «Я не буду охотиться на твоих детей и ты не охоться на моих оленей». И держи слово, какой бы охотничий азарт тебя ни провоцировал. Тогда у твоих оленей будет меньше проблем.

II. Арифметика оленевода
(2x7)

1. Оленя вырастить, приручить – надо три года.

Для того, чтоб утратить или запустить стадо – достаточно три дня.

2. Если у оленевода в стаде:

до 30 оленей – он безоленный,

от 30 до 300 оленей – малооленный,

более 300 оленей – оленный.

3. Стадо, говорят, медленно растет до сорока оленят. Как только однажды весной впервые в твоем стаде родится 40 оленят, с этого момента стадо твое будет пребывать заметнее.

4. Хорошая невеста стоит 40 оленей. а снегоход – от 10 до 15 оленей.

5. Долбленная лодка-облас. ружье, лыжи-подволоки, нарта, малица, кумыпп-гусь и олень – равноценны.

6. Мужская летняя упряжка – 5 оленей, женская – 4 оленя. Зимняя оленья упряжка в таежной зоне – 3 или 2 оленя.

Если встретишь человека едущего в упряжке из одного оленя, значит у него исключительный случай.

** Чернолицый – (иносказание) медведь.

7. Во время ночлега в лесу, для растопки костра приготовь: летом – 3 стружки, зимой – 5 стружек, осенью – 7 стружек. Нельзя одну стружку и четные. Но самое главное – нельзя считать стружки.

8. Если ты хочешь сшить зимний чум, приготовь 30 шкур оленей.

9. Если тебе надо одеть мужчину (малица и кумыш (гусь)) – 7 шкур оленей.

10. Если тебе надо одеть женщину – 7 шкур оленей, или 3 шкуры лебедя и 5 оленя.

11. На рукавицы (пара) приготовь 2 лапы оленя.

12. На мужские кисы (пара) – 12 лап оленей.

13. На женские кисы (пара) – 12 лап оленей.

14. На подошвы рабочих кисов (пара) – 2 лба оленей.

III. Кое что из «Сакральной азбуки» (1x7)

1. Детская люлька-колыбель не продается.

2. Хороший бубен сам называет свою цену.

3. В жертву богам можно принести: ткань, шаль-платок, деньги, продукты, спритное, березовые стружки для обтирания рук. Но самое лучшее жертвоприношение – олень которого ты вырастил сам.

4. Оленя можно купить, выпросить, взять напрокат, взять взаймы... Но нельзя красть.

5. Самое идеальное жертвоприношение это 49 оленей (7x7). Начни с одного оленя. Может быть когда-нибудь дойдешь до идеального жертвоприношения. Но не торопись, не стремись к нему. Говорят после него наступает другая форма измерения (меньше – нельзя, а больше – некуда).

6. Главный твой родственник – твой брат или сестра, а не жена. Не позволяй, чтоб обижали твоих родственников.

А жена не родня, а твоя половина, вторая часть тебя самого, поэтому не подлежит обсуждению.

7. Заклятие – крайняя форма мщения. Заклятие имеет силу направленную вперед и силу направленную назад. Способен ли твой организм и организм твоих детей отразить твое собственное Зло? Не ошибись!

Совет,

который я получил когда-то от деда, и теперь адресую тебе ненецкий студент:

Учись! Учись всегда! Учись на любую специальность!

Познай технику добычи нефти и природного газа. Попытайся стать торговцем золота, автомобилей и вооружения. Узнай, как вырастить хороший урожай хлеба. Научись ориентироваться в море-океане и в космосе, в человеческой психике и юриспруденции, влезь в Политику и во Власть...

Но никогда не забывай о своих оленях. Если наступит день, когда весь мир отвернется от тебя – олень примет тебя, каким бы ты ни стал.

Он умеет прощать все. Он тебя вывезет!

ЗОЛОТОЕ РУНО

«Никаких переговоров с террористами –
их нужно только уничтожать...»
(Из выступлений лидеров разных государств)

Мне странным кажется
Сейчас...
Мне страшным кажется
Сегодня...
Мой ум не хочет
Подчиняться мне...

Всегда
И в разные века
В Истории Земли
Бывали:
Борцы за Правду,
За Свободу,
За Справедливость,
За Честь свою и Честь любимой,
За Гордость национальную,
За Самоопределение,
За Веру,
За Бога,

За Царя,
За хату с плетнем,
За избу с колодцем,
За саклю у горного склона,
За юрту в степи,
За чум в заполярном снегу,
За иглу под боком ледяным
Студеного океана...
А покоряли
И угнетали их
Работорговцы и рабовладельцы,
Помещики крепостные и самодержцы,
Инквизиции,
Конкистадоры,
Колонизаторы,
Военные диктаторы,
Фашистские самодуры,
Красные политголоворезы,
«Шестерки» культличностей...

Сегодня ж
На планете моей
Есть только одни террористы
И борцы с терроризмом.
Еще недавно
Были сепаратисты,
Нынче и их не стало.
По всей планете,
Отчаявшиеся до крайности,
Только одни террористы,
С которыми не надо разговаривать,
Не надо спрашивать их мнения.
Только «мочить в сортире»
И убивать!
Убивать!
Убивать!..

Мне кажется,
Я крепко спал
И что-то упустил
Своим умишком...

А может быть
Все гораздо проще?
У кого-то есть Золотое Руно,
Которое соблазнительно нравится
Другим?..

Так с каждым днем
В сознании моем
По мере просыпанья
Все пухнут более сомненья...
И душат...

Сомненья?..

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ ЕВЫ

Замечательному этнографу – Еве Шмидт.

О чем, кукушка, за туманом
Кукуешь?
О чем, журавль, за рекою
Курлычешь?
Кого вы, лебеди, за озеро
Кличите?
Уж не меня ли?

В тумане отыщу твои следы я,
Отброшу в сторону свои мечты седые,
И налегке,
Росы земной не прикасаясь,
Расправлю крылья облегченно,
С тобой прощаясь...
Накуковала мне кукушка много лет,
Но обманула.
Накликали судьбу мне чудо-лебеди –
Я не поверила.
А то, чего накаркали,
Я уношу с собой...

Не сетую на долю,
И вы не плачьте.
Не жалуюсь,
Бог жалоб не принимает.
С тобой, река Казым,
Одной судьбой объединилась,
И в каждой капельке твоей
Я растворилась...

О чем, кукушка, за туманом
Кукуешь?
Кого вы, лебеди, за озером
Кличите?..

8 июля 2002 г.
д. Ясунт, Березовского района

Стихи членов литературного объединения «Замысел»

Татьяна Джарты

На курс ложатся облака…

На курс ложатся облака,
Уходит ввысь ночная стая
И к горизонту припадая
Пьёт изумление река.

Всего мгновение и мгла
Сглотнёт мой мир и втянет солнце,
Рассыплет, словно бисер, звёзды
И выдохнет клубы тепла.

Пусть в этой ночи нет огня –
На ощупь проще и вернее.
И я найду тебя скорее,
Чем ты окликнешь… не меня.

**

Зелёное солнце зеленого мира!
Кому ты достанешься?
Кто нарисует пределы твои и твои горизонты?
Кто зори твои ощутит, как дыханье
Какого-то ветра,
В какие-то дали
Летящего плавно, легко и свободно.

Зелёное солнце –
Мерила и цены!
И лёгкая поступь!
Из зёрна из плевел!

И всё это в слове
И всё это в жесте.
Зелёное солнце
В зелёном контексте…

Светлана Лихая

ТРИ СОКОЛА

С неба синего, высокого,
На тропинку под старым ясенем,
Прилетели ко мне три сокола,
Опустились ко мне три ясные.

Стал один моим другом преданным,
Стал другой моим братом названным.
Третий – думой моей запретною,
Третий – сказкой моей несказанной.

Как прощались со мною соколы,
Под осенними злыми ветрами,
Я сходила с крыльца высокого,
Руку я подавала первому.

Трижды в щеки второго тронула,
Поклонилась поклоном поясным,
Пожелала дорогу ровную,
Пожелала вернуться по весне.

Третий сокол спокойным выглядел,
Скучный взгляд его с болью встретила.
Сердце он мое - напрочь выстудил –
В губы я целовала третьего.

ТЕРПЕНИЕ

Зима, зима, душа истосковалась:
Покоя нет, печали светлой нет –
То вдруг мело, то таять принималось,
И так весь день – театр теней в окне.

Зима, зима, о, было бы терпенье,
Чтоб пережить (хотя, не ясно как),
И белых скрипок таянье и пенье,
И белых мух стремительный кан-кан.

И зимний свет – короткий, бесполезный
И зимний мрак – им доверху полны,

Рожденные душевною болезнью,
Декабрьские лирические сны.

Все пережить: задернутые шторы,
Сиротский черный лед на дне дворов,
Пространные ночные разговоры,
Картавый воздух синих вечеров.

По крышу занесенные киоски,
Автобусы, скамейку на углу,
И относиться лишь по-философски
К своей тоске по маю и теплу.

Не ждать весны под сенью снегопада,
Не плакаться в истрепанный дневник…
Терпи, душа: тебе не нужно сада,
Ведь ты сама - и солнце, и цветник.

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Кружит и вьюжит по земле,
Летает дворник на метле,
И черти пляшут на стекле.
Луна смеется…

А утром глянь на Божий свет:
Вчерашней вьюги - нет как нет,
Лишь от копытца легкий след
На ясном солнце…

* * *

Малиновая тень и голубая
Сквозь полутьму внезапно выступая,
Вдруг встретились.

Испуганно метнулись
Прочь-прочь.
Подальше друг от друга,
Не трогать, не касаться круга
Начертанного им. И вдруг, - очнулись,
К друг другу страстно потянулись -
И разминулись…

* * *

Тишины – до неба, тишины – без края.
Вот, чего хочу я, вот о чем мечтаю.
Снегопады были, проносились вьюги,
А теперь осталась тишина в округе…

И крылом безмолвным черный вечер водит,
И знакомый кто-то в переулках бродит.
Но шагов не слышно - онемели дали,
И молчат блаженно все мои печали…

И деревьев лодки и плывут, и тонут,
Потому что, сад мой – просто тихий омут.
«Как бы это сделать, - я зиме шептала, -
Чтобы ты и вправду тишиною стала?

Остальное – будет. Я уж точно знаю:
И любовь до неба.
И стихи – без края».

Людмила Данилова

РАННЯЯ ОСЕНЬ

В тихом вальсе кружит над землей листопад,
Теплый ветер – прохладным волненьем.
Ранней осени красочный легкий наряд, –
Хризантем отраженье.

И заметная зыбь по утру на воде,
И туман белоснежный над лесом.
Улетающий к югу косяк журавлей –
Лебединая песня.

Чуть остывшее солнце с янтарным лучом,
Облака – серебристою лентой.
И поющие звуки живых родников,
Пожелтевшие вербы.

День стихает. Загадочным светом пьяня,
Величаво- луна проплывает.
Осень ранняя, в красках ушедшего дня,
До утра засыпает.

РЫБАКИ

В небесном синем океане –
Дыханье радужной зари.
Река в предутреннем тумане,
На берегу костер горит.

Рыбацких лодок вереница
Спешит на этот огонек.
Хорош улов, вкусна ушица
Под их веселый говорок.

Здесь забываются невзгоды,
И волю празднует душа.
Под тихим чистым небосводом
Течет беседа не спеша.

Случайный крик вспорхнувшей птицы,
Безмолвье сонных берегов.
Прохлада утра гладит лица
Уставших за ночь рыбаков.

**

Отцветает лето, травы увядают,
Улетают птицы в дальние края.
А с деревьев тихо листья опадают,
Просеки лесные цветом янтаря.

Потускнело солнце – загрустило небо,
Облака, качаясь, уплывают вдаль.
У меня проблемы, у тебя проблемы.
Жизнь проходит мимо, и чего-то жаль.

Налетевший ветер дерзко спутал мысли,
Тонкой паутиной на ресницы лег.
Светлые мгновенья были в нашей жизни,
Что спасти бы надо, да никто не смог.

В воздухе дыханье осени лукавой,
Хитрая усмешка в синих облаках.
Памятью горячей день осенний тает
И слезой соленой на моих губах.

**

НЕ СБЕРЕГЛИ

В дыханьи утра звуки грусти.
Устали сердце и душа.
Тоскливо, тихо, очень пусто,
И мысли льются не спеша.

А кровь пульсирует тревожно,
И в каждом вздохе – недобор.
Но возвратиться невозможно
Нам в отчий сад и в отчий дом.

Там заросли травой дорожки,
Осенний дождь размыл следы,
Повисла ставня на окошке
В том доме, где родились мы.

Печаль и боль. Уже не встретят
Родные, милые шаги.
Шумит листвой холодный ветер
«Не сберегли…Не сберегли».

Гренада Кузнецова

*

Разлеглись снега по всея Руси,
Все белым-бело, да не празднично.
Позакутались убеленные
Поселения. Призадумались:
Почему от нас все дары Земли,
Благодать ее сокровенная,
Как мечом булатным отринуты?
Почему же мы на своей Земле
Только белого снега хозяева?
А мороз трещал, лютовал мороз,
Только жалобы он не брал всерьез.

**

Что ни камень, то для преткновенья,
Что ни день, то гремит камнепад.
И хромает повсюду деревня

Вдоль гнилых и осевших оград.
Стиснул город протезные губы,
В гипсе спрятал разбитый хребет…
Дует ветер в бездымные трубы,
Надрываясь, горланит чуть свет.
*

В ПУТИ

Как эта девочка рыдала!
Мы не могли унять никак,
Как будто истину распяли
При ней. И мир упал во мрак.

Что оказалось: на вокзале
Перед посадкою в вагон,
Из куртки сто рублей украли –
Ее недельный рацион.

И все мы, дружно оживились:
Теперь-то, знали что сказать.
И разом, словно сговорились,
Пропажу стали восполнять.

Я ту минуту не забуду –
И трогательна, и свята:
Тянулись руки отовсюду,
Цвела людская доброта.

Сутулясь, девочка сидела…
Свет благодать свою разлил,
Но, глаз поднять она не смела:
Не к месту слезы потекли…

Мы ДОБРОТОЙ своей ЕДИНЫ,
И вечен в нас ее приют.
И никогда не закуют
Ее тяжелые годины.

**

Ранняя осень пышна и нарядна.
Ясный, приветливый взгляд.
В позе безмолвной грустинка запрятана –
Под ноги листья летят.
И понесет она скорбь увядания,
Серого выбрав коня,
Стоны услышу ее и рыдания…
Это и грусть для меня.
**
Здесь небо помнит лязг кандальный –
Этап страны многострадальной.
И перекличкою времен,
Сегодня колокольный звон
Сомкнется с лязгом в поднебесье
В безвыходно-унылой песне.
**
Что случилось, не переиначишь…
Нам другого не дано с тобой.
Нынче бабье лето часто плачет,
Может быть, и над моей судьбой.
Выплеснет за горемык все слезы,
Осень превратит их в жгучий лед,
Будет душу он язвить занозой,
А весною в море уплывет.
**

Василий Зозуля

Вдали от большой воды, среди леса,
Болота, в маленьком городке,
Осаждая музу, взяв в пример Ахиллеса,
Живешь, как на острове, как рыба в садке.

Надо ли говорить, что свет здесь рассеян,
Занавеской, ресницей, перьями туч,
Что влажный ветер петляет по редким аллеям,
Разметая пики мусорных куч,

Что день световой продолжается ночью
В силу северной широты,
И если проснуться за полночь, то воочию
Убеждаешься: не убавилось ни публики, ни ее пестроты.

Жизнь вращается у палаток, скамеек,
Легких столиков летних кафе.
Пролетает в такси цвета пера канареек,
Скрипит ритмично пружиной в софе.

Умываясь холодом времени,
Жизнь окунает себя в мириады струй…
И если ты сам от доброго семени,
Следуй за ней и ликуй!

**

«…Чужие мысли перекручивают язык
Заставляя утратить его особость…»
И путник скрывается в дюнах, бредя напрямик
К шуму моря, испытывая не жажду, но робость.

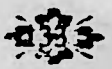
Песок вбирает его следы, смывая их
Сухими, сбегающими к горизонту волнами.
Так что перемещение не проследить. У двоих
Стихий (моря и суши) есть сходство, начатое губами.

РЯБЬ НА ВОДЕ...

****
Низко-низко над жаркой дорогой
Мечется стриж.
Она – прохладней неба сейчас.

****
Закрываю глаза: я в детстве,
Дядька кормит голубей…
Открываю глаза: я в возрасте дядьки,
Голуби сидят на моей руке,
Они никуда не улетали…

****
В оттаявшей луже
качается гриб.
Рябь на воде.



****

Пульс – в голове, дрожь – в руках.
Я спокоен.
Ко мне вернулась любовь.

****

Ногти учителя в трещинах,
Кожа на жёлтых пальцах груба.
Виновница – мягкая глина.

****

Ветер! Где-то хлопают ставни,
Идти по улице трудно…
Тополь! прячет меня.

****

Казалось бы, жаба.
А сколько ума в глазах?

****

Улитка! Разреши отнести
себя в сад.
Ты – на дороге.

****

Завидую простому щенку.
Это не он разбил
Красивую чашку.

ОТКРЫТИЕ

I

Скажи, пройдёшь по саду, не сорвав плода?
Да.
Скажи, какому слову не поверишь никогда?
Да.
Скажи, нет… лучше замолчим, пусть говорит вода.
Да.

II

Сейчас зима – вода недвижима, молчит….Да?..
Да…

Сейчас, кругом, снега и льды, и в окнах инея слюда…
Да…
Сейчас, во мгле ночи, к порогу, не падает звезда…
Да…

III

Смотри! вон вешние ручьи не оставляют от зимы следа…
Да…
Смотри! вон у ветвей мелькают крылья певчего дрозда…
Да…
Смотри! как в улей спешит с цветка пчела, умножить плод труда.
Да…

IV

Слушай, слушай шум, то ливня, шумит холодная руда.
Да…
Слушай, слушай разговоры крыш и града.
Да...
Слушай, слушай, а не твой ли сердца стук, мне награда?
Да…

Борис Романов

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

А за окном уже второе сентября.
И птицы мне сказали: "Собираемся".
А мы с тобой уже забыли, как заря,
Встает. Ведь мы с тобою не встречаемся.

А мы с тобой уже забыли, как дожди,
Бьют по ладоням радужными каплями.
Передала ты фразу мне: "Не жди!" –
Со стерхами, и розовыми цаплями.

Я понял все. Мне больно, но светло.
Я слезы лью над этими страницами.
И остаюсь на зиму. Все ушло.
Один, со снегирями и синицами.

МОЙ ГОРОД – НИЖНЕВАРТОВСК

Мой город – свой парень. Пусть нравом непрост,
Такого не взять на арапа.
Российская стать и широкая кость,
Взгляд – вольный, и не без нахрапа.

Спокойно и властно он встал сапогом
На обский возвышенный берег.
И мир очень древний и мудрый кругом
Ему уступил и поверил.

Доверие город к себе оправдал.
Хоть был он, по сути, шпаною.
Свое, где умом, где характером взял,
Где просто отвагой шальною.

А молодость, вовсе ему не порок –
И весельчаку и задире.
Таков Нижневартовск. И я бы не смог,
Найти ему равного в мире.

ХАНДРА

Весна. Свистят ветра в Сибири.
Хандра слабит, туманит взор.
Все от бескрайней этой шири,
От блеска тающих озер.

От синевы небес весенних,
От глупых мыслей, красок дня,
От приступов вселенской лени,
Что ежегодны у меня.

Я не могу никого видеть.
Ни слушать, ни соображать.
Ни петь, ни пить, ни ненавидеть.
На все мне, в общем, наплевать.

Хочу я просто так, без цели,
По берегу Оби шагать.
Смотреть на золото капели.
И талый снег ногой пинать.

И с острой грустью я жалею
Свою судьбу, свою страну...
Вот так хандру свою лелею,
Я, братцы, каждую весну.

И с острой грустью я жалею
Свою судьбу, свою страну...
Вот так хандру свою лелею,
Я, братцы, каждую весну.

Павел Плюхин

* * *

О, радость встреч
И боль разлук-
Лекарство,
Очищающее нас,
Сжигающий
И ранящий испуг,
И холодок
Любимых глаз…
И недосказанность
Речей,
Порой важнее,
Чем избыток,
И пустота,
Как после пыток,

Бессонных
Северных
Ночей…

* * *

Любовь и розы! И стихи!
В суровом этом мирозданьи
Хрупки как нежные созданья,
Как слёзы вечны!
Как грехи…
Как жизнь в тисках непониманья,

Где горек мёд,
где боль сладка,
И вновь рождённая строка
Реальностей
стирает
очертанья…

Судьба мгновений слишком коротка-
Ликуй с синицей маленькой в руках!
Она как самаркандская река
С восходом растворяется в песках…
…История веков стирает в прах
Гранит, людей, материки,
Живи же с песней звонкой на устах
Прохладу пей, что дарят родники!
Лучам восхода радуйся и пой
Твой новый день-
он праздник твой!

ЖЁЛТЫЙ ЦВЕТ

У русских не в почёте
жёлтый цвет
Из-за того, что - цвет монет!
Из-за того, что цвет измены,
Мне повторяют это непременно!
А я люблю, не зная почему,
Цвет солнышка,
палящий летний зной,
И хлебушек, не зря же в старину,
Был во главе стола,
сверкая желтизной…

РУССКИЙ ДУХ

Не так уж прост, как кажется вопрос:
Интеллигенция
не любит
гнуть колени!

Виной тому не остеохондроз
И не избыток
нашей
русской лени!
Та неподкупность,
самобытность,
чистота,
Та непокорность - аж мороз по коже!
Им близкий Друг и Истина дороже
Как заповедь распятого Христа!
Прозаики!
Поэты!
Господа!
Несите же в сердцах
тот свет столетий,
Не гнитесь, ради бога, никогда!
Похоже только Вы
за этот дух
в ответе!

Хусейн Эллах

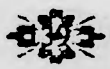
ПЛАЧ ПО РОДИНЕ

Ужель сомкну свои уста,
Когда вся Родина в огне:
Чечня моя – моя мечта,
Ты стала близкою вдвойне

Хоть я сейчас в краю снегов,
И горы вижу лишь во сне,
Но там – беда без берегов
И нет покоя здесь и мне.

Как счастлив я
Мечтой своею жить,
Тебя, Чечня,
Как мать свою любить!

Ты, мой Кавказ,
В груди кровоточишь
Моя душа,
Ты тоже не молчишь.



Кошкарева Альбина Михайловна родилась в Тобольске. Закончила Тобольский педагогический институт. Работала преподавателем в Байкалово. Занималась сбором материала для диссертации: «Лексика и ямщина в говорах северных районах Тюменской области» которую защитила в 1982 году.
С 1982 года – преподаватель Тобольского педагогического института имени Д. И. Менделеева.
С 1988 года – доцент кафедры русского языка и методики преподавания НГПИ г. Нижневартовска.

Язык сибирских пословиц и поговорок.

Культура речи немыслима без овладения богатством языка, воплощенном в пословицах и поговорках. В пословицах и поговорках, по словам Н. В. Гоголя, "видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного изображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникает насквозь природу русского человека, задирая за все живое". Пословица, по определению В. И. Даля, – "маленькая притча". В каждой пословице обязательно заключается какое-нибудь назидание, поучение. Как правило, пословица представляет собой законченное по синтаксической структуре предложение. Например: ***"Лишнее ремесло за плечами не виснет", "Что посеешь, то и пожнешь", "Любишь кататься – люби и саночки возить".***

Поговорка – это метафора без элементов поучения. Часто не составляет цельного предложения: ***"Одного поля ягода", "Куда Макар телят не гонял", "Чужими руками жар загребать".***

Первый труд о пословицах ***"Русские в своих пословицах"*** (1831) принадлежит И. М. Снегиреву, профессору римской словесности

Московского университета. Снегирев собирал пословицы и поговорки почти полвека, издав еще две книги: ***"Русские народные пословицы и притчи"*** (1848) и ***"Новый сборник русских пословиц"*** (1857).

Богатейшим собранием русских пословиц и поговорок середины 19 века является сборник В. И. Даля ***"Пословицы русского народа"***, содержащий более 300 тысяч пословиц, поговорок, загадок, метких слов и речений, многие из которых живут в современной русской речи. (Одно из последних изданий сборника В. И. Даля вышло в Государственном издательстве художественной литературы в 1957 году). Далее выходят сборники Григоровича, Верховского, Шатохина, Максимова, Михельсона и других собирателей народных пословиц и поговорок.

В 1966 году в издательстве "Советская энциклопедия" вышла в свет книга "Словарь русских пословиц и поговорок" (составитель В. П. Жуков).

Местные сибирские пословицы и поговорки лексикографической обработке не подвергались. Отдельные материалы мы находим в периодической печати начала 20 века. Например, 1052 пословицы и поговорки, записанные сотрудником Тобольского гебернского музея Василием Александровичем Ивановским в г. Тобольске и окрестных деревнях, а также другими сотрудниками музея в Ишимском, Тарском, Тюкалинском, Тюменском уездах в 1905 году и опубликованные под общей редакцией В. А. Ивановского в "Ежегоднике Тобольского губернского музея".

Сибирские пословицы и поговорки охватывают все стороны жизни человека: с одной стороны, – выражение практической, житейской народной мудрости, с другой – наследие старины. Вот некоторые распространенные темы:

1. Семья, семейные отношения, воспитание детей: ***Без хозяина - дом сирота. Жены стыдиться - детей не видать. Каков корень, таковы и отрасли. Муж да жена - одна сатана. Не тогда учи, как повдоль лавки, а тогда, как поперек. Нет роднее дружка, как родима матушка. Ночная-то кукушка денную перекукует*** (о влиянии магери и жены на сына и мужа). ***С дитенком водиться - "не убейся", выросло - "не убей". Семья воюет, а один горюет. С зятем бранись - за скобу держись, с сыном бранись - на печку гребись. С именем - ребенок, без имени - болван. Тупо не выточишь, а глупо не выучишь;***

2. Нравственность:

• положительные и отрицательные качества личности: ***Беден да честен. В лихости и зависти нет проку и радости. Гол да не вор. Руби дерево по себе. Простота хуже воровства. Сонного добудишься, ленивого доколотишься, упрямого - никогда. Пустой мешок на ноги не поставишь. Скупость не глупость: себе добра желает. Сколь плуты не виляют, а богаты не бывают. Лучше знаться с дураком, чем с кабаком. На пьяном шапку не поправишь. Пить до дна - не видать добра. Сколько вору не воровать, а тюрьмы не миновать.***

• отношение к религии: ***Без толку молиться - без числа согрешить. Бога обманул: просил кожи на две рожи, а обтянул одну. Знают попа и в рогоже. Кто любит попа, кто попадью, а кто поповых дочек. Как тревога, так и до Бога. Согрешили попы за наши грехи, а мы - за поповы, что попы бестолковы. Сам плох - не поможет и Бог. Ты, когда не поп, ризы не надевай. Умен, как поп Семен: продал книги, купил карты. Худого попа и в алтаре бьют.***

3. Отношение к труду, его плодам: ***Дом вести - не рукавами трясти. Кто рыбу удит - без хлеба будет. От работы не будешь богат, а будешь горбат. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Работать - мальчик, а есть - молодец. Рядись не торопись, а работать не ленись. Трудовое добро ни в воде не тонет, ни в огне не горит. То не беда, что во ржи лебеда, а то беда, что ни ржи, ни лебеды. У кого квашня, тому всех тошня.***

4. О дружбе: ***Была у друга, пила воду слаще меда. Гусь свинье не товарищ: гусь водой, а свинья горой. Не споживя, друга не узнаешь. У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает. Чаще счет - дружба дольше.***

5. Суд и судопроизводство: ***День большой, судиться не с кем. И от хорошего суда на калачи не приходится, а от худого и на воду не останется. С сильным не борись, а с богатым не судись.***

6. О языке и речи: ***Горшок выбирают по звуку, а человека по речи. Раскрыла горло, как суконное бердо. Слово не стрела, да хуже стрелы. Язык собачий, а ум телячий.***

Лингвистический анализ сибирских пословиц и поговорок показал их богатейший лексический состав:

1. Местные диалектные слова, в том числе топонимы; просторечие: ***В неделю три нитки, а в пять - простенек*** (о ленивой пряхе: **простень** - веретено с намотанной на него пряжей). ***В охотку***

съешь и вехотку (**вехотка** - мочалка). ***Дураков не сеют, не орут, сами родятся.*** (**орать** - пахать). ***Напьется - дерется, проспится - бранится, опохмелится - ко мне же пелится.*** (**пелиться** - лезть). ***Купи хоромину крыту, а лопотину шиту.*** (**лопотина** - одежда). ***Наша невестка что попало трескат, хоть мед так жрет. Наша рожа везде вхожа. Разинула горло, как суконное бердо.*** (**бердо** - деталь ткацкого станка). ***У доброго мужа и жена просужа*** (**просужа** - знают, говорят, судят о ней). ***Принесло гостя от черта с длани, с большой елани.*** (**длань** - ладонь, **елань** - поляна в лесу). ***За что головушка в Сибирь шла, на то головушка и опять нашла. Вятски ребята хватски: семеро одного не боятся, а один на один, так и котомку отдадим. Поезжай в Вагай, да там и мигай.*** (**Вагай** - река Вагай - левый приток Иртыша).

2. Именные (используются имена собственные): ***Аким простота: рукавицы потерял, а троп за поясом. Владей Фаддей кривой Натальей. В людях Ананий, а дома не найдешь. Горе муж - Григорий, а у нас Иван - ни людям, ни нам. Горькому Кузиньке, горька и песенка. Идет Федора за Егора: Федора-то идет, а Егор-то не берет. Люди с базара, а Назар - на базар. Мели Агаша - избато наша. На безрыбье и рак - рыба, на безлюдье и Фома - человек. На бедного Макарка щепы и огарки. Не виновата хата, что пустила Игната. Сбоку похож на Фоку, а сзади на сыча. Ульяха Парахи не лучше.***

3. Архаичная лексика: ***Не радуйся нашед, не тужи потеряв. Семьдесят капралов, один городовой, да и тот кривой. С бороды похож на апостола, а по уму хуже кобеля пестрого. Ты от дела на вершок, а оно от тебя на аршин. Чужа лопоть не одежа, чужа жена не надежа.***

Большинство пословиц и поговорок имеют сатирический или юмористический характер, что достигается разнообразием лингвистических приемов комического:

1. Необычная сочетаемость слов: ***И свинье бывает в году праздник. В семи дворах один топор, а горшком воду носят. Залетела ворона на высоки хоромы. К черту баран, а рожки нам. Из кобыл да в клячи, из попов да в подьячи. На волка помолвка, а корову медведь задрал. Хорош, как свинья в дождь. Пришей хвост кобыле. Семь аршин в подоле, да кум будочник*** (о важничающих людях).

2. Комическое использование словообразовательных элементов: ***Было да прошло и <u>быльем</u> поросло. В девках <u>доле</u>, зато замужем короче. Те же дрожжи, да переливают <u>трожды</u>. Не носить <u>плаченого</u>*** (с заплатами) - ***не видеть и золоченого. <u>Перепека</u> лучше недопека. Ехал бы <u>ежеден</u>, да нет пошевен*** (**<u>пошевни</u>** - легкие сани, обшитые лубои). ***Какова ловля, таковы и <u>кормля</u>.***

3. Использование антонимов, в том числе контекстуальных: ***<u>Бог</u> дорогой, а <u>черт</u> стороной. <u>Богатого</u> провожают, чтобы не упал, а <u>бедного</u>, - чтобы не украл. <u>Богач</u> на деньги, а <u>голь</u> на выдумку. Бог <u>дал</u>, Бог <u>взял</u>. <u>Бедны</u> были, так сами лаяли, а <u>богаты</u> стали, так собак наняли. Где <u>гнев</u>, там и <u>милость</u>. <u>Добрые</u> вести лежат на месте, а <u>худые</u> далеко идут. Дума <u>за горами</u>, а смерть <u>за плечами</u>.***

4. Использование синонимов: ***И так не <u>ладно</u>, и этак не <u>хорошо</u>.***

5. Субстантивация частиц и междометий: ***<u>Тпру-то</u> не едет, и <u>ну-то</u> не везет. Щик! Недавно сшит, да уже и порется.***

6. Сравнения: ***Вертится, как пес перед заутренней. Денег, как у татарина свиней. Схватил, как собака блин. Точь в точь, как мать и дочь. Поет по ноте, как черт в болоте. Сидит на стуле, как черт в кастрюле.***

7. Созвучие: ***На брюхе <u>шелк</u>, а в брюхе <u>шелк</u>. Поехала в <u>гости</u> глодать <u>кости</u>. Спит до <u>обеда</u>, а пеняет на <u>соседа</u>. Сей <u>густо</u>, не родится <u>пусто</u>. Ты ему <u>тычь</u>, а он говорит "<u>сычь</u>". Хороши <u>палаты</u>, да окна <u>косоваты</u>. Черного <u>кобеля</u> не отмоешь <u>добела</u>. Чьи <u>горши</u>, того и <u>ерши</u>.***

Сибирские пословицы и поговорки отличаются многообразием синтаксических конструкций от простых до сложных предложений.

1. Простые двусоставные предложения: ***Глупая собака и на хозяина лает. Всякий поп по-своему поет. Своя ноша не тянет.***

2. Простые односоставные предложения:

• безличные: ***Было да быльем поросло. Видно ребенка в ребятах, жеребенка - в жеребятах;***

• определенно-личные: ***Всякому зверью поверю, а тебе - никогда. Не умрем, так увидим, не увидим, так услышим. Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу.***

• неопределенно-личные: ***Дальше солнца не сошлют. Для глухого две обедни не служат. За ученого двух неученых дают, да и то не берут. Знают попа и в рогоже. Мертвого от могилы не ворочают. Пашню пашут, руками не машут. Худого попа и в алтаре бьют;***

• обобщенно-личные: ***Без инструмента и блохи не убьешь. Больше брюха не съешь. Голыми руками не ухватишь. Из дурака умного не сделаешь. К худой голове своего ума не приставишь. На всякий роток не накинешь платок. На кнуте далеко не уедешь. Одной любовью сыт не будешь. Ручья слезами не наполнишь. К готовому костру легко и щепы класть. На чужую кучу нечего глаза пучить. Тонуть так в море, а не в поганой луже. Чужую бороду брить, - свою подставлять.***

3. Императивные: ***Купи избу крыту, а одежду шиту. На чужой стог вилами не показывай. Пришей хвост кобыле. Раньше смерти не умирай. Не купи у попа корову, да не бери у вдовы дочь. Сначала заведи хлебину, а потом скотину. Не хвали молоду на первом году, а хвали молоду на третьем году.***

4. Сложные предложения:

• бессоюзные: ***Воля мед пьет, воля и кандалы трет. Были бы денежки, будут и девушки. Фрол прял, Маланья выткала. Заварил кашу - не жалей масла. Корми мешком - не пойдешь пешком. Наша горница с Богом не спорится: на дворе тепло и у нас пекло. Рука руку моет: обе хотят белыми быть. Любят Серка за обычай: хоть не везет, зато громко ржет. Своей жалко бороды, чужой не жалко головы.***

• сложносочиненные: ***Есть капуста, и в избе не пусто. И та не тянет, и эта не везет. Живет у попа, а поповых коров не знает. На плечах блестит, а в карманах свистит. В людях-то хороши, да дома-то не найдешь. Прялочка-то есть, да нечего престь;***

• сложноподчиненные: ***Кто больше везет, на того больше и кладут. Кого не коснется, того и не ожжет. Кому судить, тому и палкой бить. Не лезь, куда голова не лезет. Где черт не поможет, там баба выручит. Какой кус, такой и вкус. Где падаль есть, там и вороны найдутся. Каковы сами, таковы и сани. Не сердись на зеркало, коли рожа коса. На то кузнец клещи кует, чтобы рук не жгло. Если бы не плешь, то было бы не голо. Если бы не мы в люди, то и не к нам бы люди.***

Таким образом, сибирские пословицы и поговорки содержат интересный лексический материал от устаревших слов до местных диалектных и просторечных, отличаются богатством синтаксических конструкций “образностью”.

Новикова Марина Михайловна родилась 8 июля 1959 года в городе Ишиме Тюменской области.

В 1989 году окончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

В Нижневартовском государственном педагогическом институте работает с 1993 года.

Заведует кафедрой теории и истории культуры. Имеет более сорока научных работ.

Искусствовед, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры.

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ ИСКУССТВА И ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Художественная деятельность в культурно-историческом становлении человечества всегда играла особую роль. В ней зеркально отражались как крупные «эпохальные» перемены, так и тончайшие нюансы неявных, внутрикультурных движений и настроений. Нередко творческие откровения, высказанные в художественном слове, жесте, звуке, служили пророчеством или предтечей грядущих потрясений. Когда мы говорим о социальном статусе искусства, то подразумеваем, в первую очередь, его функциональное значение. полагая, что искусство призвано «служить» общественным эстетическим потребностям. Однако высший его смысл – в служении идеалу совершенства и красоты. Итак, искусство должно «служить». Вопрос в том, чему и как служит современное искусство. Насколько непреодолимо противостояние между искусством и массовой культурой? Или его вовсе нет, а массовая культура столь могущественна, что искусство обречено быть поглощенным ею?

Задача искусства – в далекой цели, вне сиюминутных требований среды. В этом смысле искусство в своих целях должно стремиться к

преодолению каких бы то ни было временных и пространственных границ, что и характеризует, как правило, произведения выдающего порядка. Сегодня между искусством и культурой возникло «разорванное» пространство. Там, где еще не утрачена связь, искусство принуждено «вести себя» по правилам масс-культурной доминанты (т.е. приспосабливаться к потребностям и вкусам толпы). Там же, где эта связь прервалась, искусство, отвернувшись от толпы (а, в сущности, от человека), обратилось на самое себя, занявшись «игрой в бисер». Но главная проблема представляется в другом. В обоих случаях искусство, отступив от высоких, благородных целей, предлагает заведомо ложные или пустые образцы. И все это тщательно зашифровано, завуалировано.

Главной задачей, а, скорее, причиной современного художественного творчества становится поиск сенсации. Так форма становится техникой, конструкция – расчетом, притязание – требованием рекордов (в особенности это характеризует ультрамодные ныне телевизионные творения, результат воздействия которых – клиповое сознание). Иллюзорность, откровенная пошлость, развлечение, сенсация, «хитность» – вот характеристики и ориентиры современного творчества. Хотя и появляются еще отдельные талантливые и глубокие произведения, в которых отсутствует приспособление к массовым инстинктам, но это, скорее, вопреки общей тревожной тенденции утраты искусством всякого смысла вообще.

В регионах, отдаленных от крупных культурных и художественных центров, перспектива обозначенной тенденции приобретает еще более опасный характер. В особенности настораживает тот факт, что художественное пространство провинции, как правило, заполняется «гастролерами», претендующими на статус «духовной элиты страны». В сущности же мы имеем суррогат, «продукт» все той же масс-культуры, а так называемые высокие цели и благородные намерения «гастролеров» имеют совершенно противоположную, вполне понятную и конкретную мотивацию – коммерческий интерес. Еще одним и самым главным «источником» духовного развития и образования провинциалов является телеэкран, а с недавнего времени у него появился соперник – интернет. И это все, чем располагает наша молодежь, творческие потуги которой обретают характер слепого подражания, шаблон-

ного копирования телеэкранных «образчиков». А в школах и вузах тем временем сокращают, либо исключат из учебных планов дисциплины по этике, эстетике, философии, культурологии.

Мы живем в непростое время – время культурного надлома, в «эпоху перемен», отрицания и ломки традиций. Пожалуй, история еще не знала столь сильного отчуждения и противостояния поколений. Ситуация усложняется еще и тем, что на фоне глобальных общекультурных перемен усугубляется противостояние цивилизаций Запад-Россия-Восток (ситуация напоминает время «холодной войны», а, может, это ее разновидность или новая фаза?). Эта проблема, на мой взгляд, наиболее опасным образом проявляется в духовной сфере. Невольно тут припомнишь апокалиптические пророчества о втором пришествии, о грядущей битве за человеческие души. Собственно битва эта уже давно идет, но сегодня она приобрела зловещий смысл.

Хотим мы того, или нет, но сферы взаимодействия культур в современном мире расширяются, и процесс их взаимовлияния уже необратим. Вот только равнозначно ли это взаимовлияние? Благотворен и обоюден ли обмен культурным опытом? Философы, культурологи, социологи занимаются этой проблемой давно и всерьез, о чем свидетельствует большое число научно-теоретических симпозиумов и конференций различного уровня, однако дальше теоретических дискуссий дело не идет. Духовная ситуация становится все более критической, а разрыв поколений, традиций – все более непреодолимым. Стали привычными и общепринятыми высказывания и понятия о «потерянном поколении», «бездуховной культуре» и т.п. «Маргиналы», «аутсайдеры» стали чуть ли не «героями нашего времени» (а, может, и в самом деле начался процесс «всеобщей маргинализации»?).

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Курач Николай Гаврилович родился 31 августа 1955 года на Украине в с. Радынка Киевской области.

Учился в Московском университете искусств им. Крупской на отделении станковой живописи и графики.

В 1980 году приехал в Нижневартовск.

Участник многих городских и окружных выставок. Имеет 12 персональных.

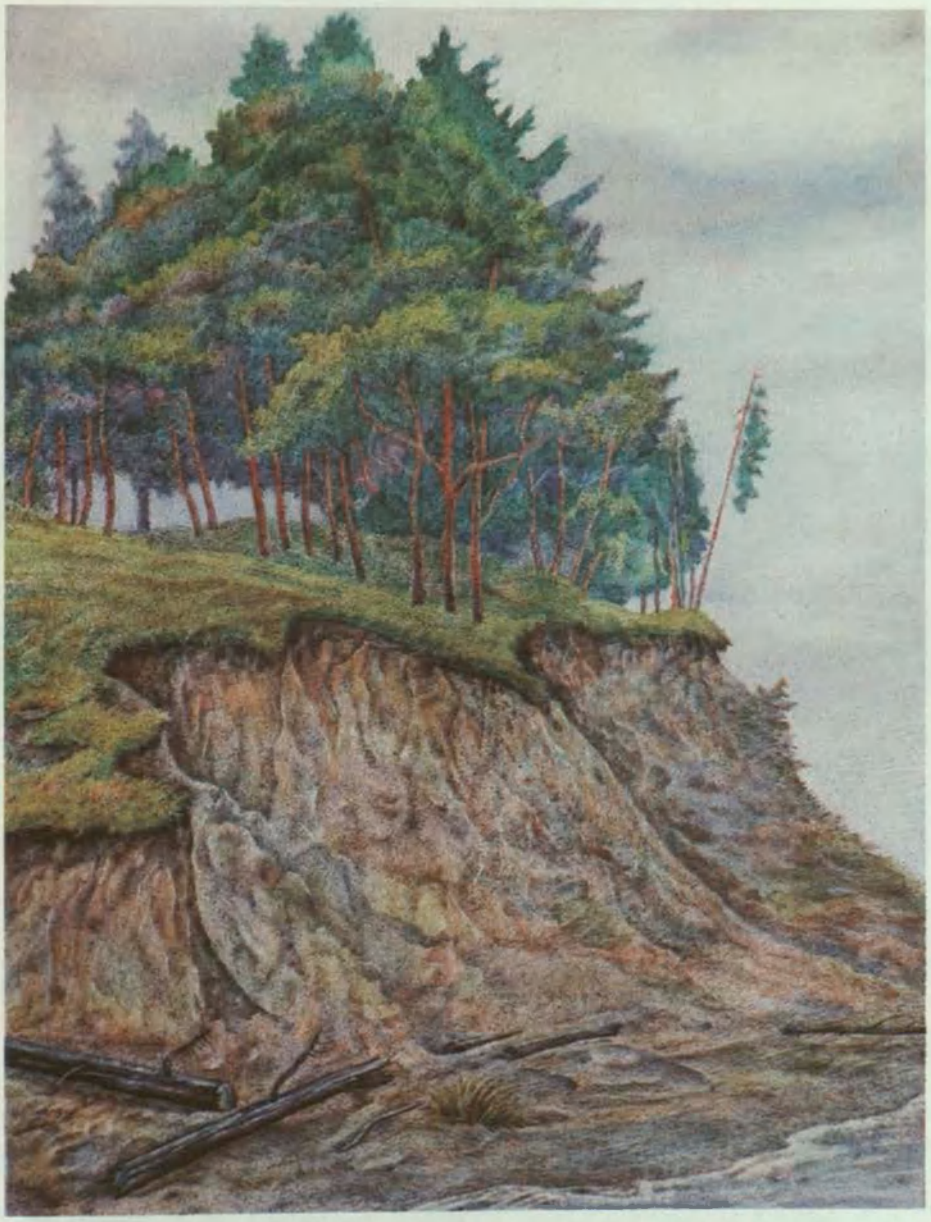
Проиллюстрировал около десятка книг поэтов и прозаиков членов лютературного объединения «Замысел».

В 2000 году вышел каталог работ художника. С отличием окончил Нижневартовский государственный педагогический институт.

В 2001 году ему присвоили почетное звание лауреата премии Ханты-Мансийского автономного округа «За развитие культуры малочисленных народов Севера».

Работает в Детской школе искусств № 2 г. Нижневартовска.

Вечерний портрет,
2004 г. смешанная техника, 41x55 см



На берегу Ваха,
2003 г., смешанная техника, 32х24 см

Кормилец,
2004 г., ДВП, листья, 35х45 см

Молодой оленевод Егор Кунин,
2004 г., акварель, 39х29 см

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ

18 июня 2004 года *городское литературное объединение «Замысел» отметило 10-летний юбилей. За эти годы многие нижневартовцы прошли в нем свое становление.*

В состав объединения входит 30 человек. Издано более 30 авторских книг. Они – участники более 20 коллективных сборников стихов и прозы: это «Знамение», «Постоянство», «Зори Самотлора-1», «Зори Самотлора-2», «Тебя я песней прославляю, тебе стихи я посвящаю!», «Иван-чай» и многие другие.

4-6 ноября 2004 года *в Ханты-Мансийске прошла конференция писателей Урала и торжественная церемония вручения ежегодной Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка.*

В октябре 2000 года *в Ханты-Мансийскую окружную организацию Союза писателей России поступило предложение от Екатеринбургской областной организации Союза писателей России о создании Ассоциации писателей Урала (АСПУР). Оно было обсуждено на состоявшейся в Ханты-Мансийске отчетно-выборной конференции.*

Первыми членами стали Екатеринбургская, Пермская, Челябинская областные, Ханты-Мансийская окружная организация Союза писателей России и Тюменская Ассоциация литераторов. Основными целями и задачами добровольного объединения была провозглашена координация усилий писательских организаций по защите творческих и гражданских прав писателей Уральского федерального округа; по работе с молодыми авторами Урала и Сибири, сплочению творческой интеллигенции; по возобновлению прерванных не по нашей вине связей, восстановлению единого культурного и литературного пространства.

В 2005 году *литературная общественность России готовится широко отметить 100-летний юбилей со дня рождения великого русского писателя – Михаила Александровича Шолохова.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК КНИГ, ЛИТЕРАТОРОВ ГОРОДСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЗАМЫСЕЛ»

1. Акимов Валерий Юрьевич
Автор поэтических сборников:
«Полоса отчуждения» - Нижневартовск: Приобье, 1995.
«Хочу успеть» - Нижневартовск: Приобье, 1996.
«Крупицы» - Нижневартовск: Приобье, 1997.
«Земляки» - Нижневартовск: Приобье, 1998.
«Родословная» - Нижневартовск: Приобье, 1999.
«До чего же день хорош» - Нижневартовск: Приобье, 1995.
«В буднях праздники бывают» - Нижневартовск: Приобье, 2001.
«Мне повезло», Нижневартовск: СПК-ПринтЭкспресс, 2004.
«На выдохе» - Нижневартовск: СПК-ПринтЭкспресс, 2004.

2. Владимир Петрович Андреев
Автор поэтических сборников:
«Стихи и максимы» - Казань: Дом печати, 2002.
«Максимы» - Казань: Дом печати, 2003.
«Песни квантовой кукушки» - Казань: Слово, 2004.

3. Марина Григорьевна Александрова (Шворнева)
Автор поэтических сборников:
«Стихи? Стихи...Стихи!» - Нижневартовск: редакция газеты «Нефтяник», 1998.
«Стихотворения» - Нижневартовск: редакция газеты «Нефтяник», 2001.
«Далекие цветы» - Екатеринбург: Уральское издательство, 2003.

4. Екатерина Владимировна Володина (Шарохина)
Автор поэтического сборника
«Свободное дыхание» - Нижневартовск: ЦГБ, 2000?

5. Татьяна Александровна Джарты
Автор поэтического сборника:
«Плохая погода» - Нижневартовск: ЦГБ, ЦДТ: «Наш Дом», 1995.

6. Людмила Васильевна Данилова
Автор сборника стихов:
«Осенний свет» - Нижневартовск: Приобье, 2002 .
7. Александра Петровна Дарьина (Тараненко)
Автор поэтических сборников:
«Бабье лето» - Нижневартовск: ЦГБ, 2000.
«Поставим память в караулы» -Нижневартовск: редакция газеты «Нефтяник», 2001.
«Я заплутаю меж берез...» - Нижневартовск: редакция газеты «Нефтяник», 2003.

8. Гренада Алексеевна Кузнецова (Пулудн)
Автор поэтических сборников:
«На дорогах» - Бийск: Печатный двор, 2000.
«В пути» - Бийск: Печатный двор, 2000.
«Дней удивительный поток» - Бийск: Бийск: НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2000.
«Избранное» - Бийск: Бийск: НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2002.
«Весна останется при мне» - Бийск: НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2002.

9. Альбина Семеновна Кузьмина
Автор книг:
«На священных берегах Ваха» - Нижневартовск: Приобье, 1999.
«Мой Нижневартовск» - Екатеринбург: Средне-Уральское издательство. Новое время», 2000.
«Главный лесничий» - Екатеринбург: Издательский Дом «Пакрус», 2001.

10. Ричард Александрович Лоренц
Автор поэтического сборника:
«Ветер лет» - Нижневартовск: ЦГБ: ЦДМ «Наш Дом», 1995.

11. Людмила Евгеньевна Манчинова (Ковалева)
Автор сборника стихов:
«Песочные часы» - Нижневартовск: ЦГБ, 1997.

12. Сергей Владимирович Нехаев
Автор поэтических сборников:
«Кричащая тишина» - Нижневартовск: ЦГБ: ЦДМ: «Наш Дом», 1994.
«Невесомость» - Нижневартовск: ЦГБ: ЦДМ: «Наш Дом», 1994.

13. Валерий Николаевич Пластинин
Автор сборников стихов:
«С верой, надеждой, любовью» - Нижневартовск: Приобье, 1998.
«Верю, люблю...» - Нижневартовск: редакция газеты «Нефтяник», 2004.

14. Павел Семенович Плюхин
Автор поэтических сборников:
«Гуси-лебеди» - Нижневартовск: Приобье, 1996.
«Запахло осенью в душе...» - Москва: типографии ООО «Экспрессбизнес», 2003.

15. Борис Владимирович Романов
Автор сборника стихов
«Осенний ветер» - Нижневартовск: ЦГБ, 1998.

16. Елена Александровна Слнпченко
Автор сборника стихов
«Плохая погода» - Нижневартовск: ЦГБ, ЦДТ: «Наш Дом», 1995.

Зори Самотлора № 3

Литературно-художественный альманах

Подписано в печать 07.12.2004 г.
Формат 70/108. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 16,8.
Тираж 300 экз.
Фото и дизайн: Альберт Вахитов

Оригигал-макет подготовлен к печати
в ООО «ПолиграфИнвест-сервис»
628600, г. Нижневартовск, ул. 60 лет Октября, 4п.

BIS NIZHNEVARTOVSK
1893051060

Отпечатано в МУП «Нижневартовская типография»
Тюменская обл., ХМАО
628606, г. Нижневартовск, ул. Менделеева, 11

802